Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!"...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

Центральный Органъ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

№ 74. 20-го сентября 1904 г. Годъ IV.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ВЕСНА.

Сразу какъ-то заговорили о мирѣ... Заговорили въ Германіи, заговорили и во Франціи, среди „друзей Россіи" — въ буржуазно-націоналистическихъ кругахъ ея. Въ иностранную печать проникаютъ слухи о томъ, что и въ русскихъ правящихъ сферахъ допускаютъ возможность скораго заключенія мира съ Японіей. Корреспонденгъ „Daily Telegraph" передаетъ соотвѣтственную свою бесѣду съ „сановникомъ", имя котораго, будучи разглашено, произвело бы сенсацію". Гдѣ тѣ времена, когда европейская буржуазная печать въ одинъ голосъ повторяла слова русскихъ оффиціозовъ, что разговоръ о мирѣ можетъ начаться только послѣ того, какъ Россія нанесетъ Японіи рѣшительный ударъ?

Органомъ „новыхъ вѣяній" выступилъ „Гражданинъ" князя Мещерскаго. Послѣ Ляоянскаго разгрома онъ дерзаетъ заговорить о возможности заключить миръ съ Японіей и даже — вступить съ ней въ постоянный союзъ. И пріемъ, который встрѣтилъ кн. Мещерскій въ другихъ органахъ рептильной печати, заставляетъ думать, что его выступленіе не является случайнымъ индивидуальнымъ капризомъ.

Самодержавіе „ошиблось": своей внѣшней политикой, въ авантюристскомъ характерѣ которой сказалась историческая закономѣрность, оно втянуло Россію въ войну. Разъ началась война, самодержавіе *должно было* поставить на карту военнаго успѣха все свое существованіе — оно должно было это сдѣлать, если не хотѣло рисковать „разчудаленнымъ" тѣхъ общественныхъ силъ, которыя подтачиваютъ его существованіе. Уступить Японіи безъ войны или послѣ перваго „коварнаго нападенія", значило, — сразу потерять свой престижъ вовнѣ и внутри страны. Но въ книгахъ исторіи было написано: что самодержавіе не удастся уже побѣдить ни въ одной войнѣ съ европейски культурными государствомъ. Черезъ полгода войны эта истина стала ясна всему міру. Потерпѣть же разгромъ со всѣми его послѣдствіями, въ свою очередь, значитъ самому признать свое банкротство и пригласить кредиторовъ къ ликвидаціи своего хозяйства. Какъ быть?

Клика, которой служитъ князь Мещерскій, отвѣчаетъ на этотъ вопросъ: не искушайте судьбу, ловите моментъ! Довольствуйтесь тѣмъ революціонизированнымъ страны, которое уже достигнуто полуторамъ военныхъ неудачъ. Заключимъ миръ и, вступивъ въ союзъ съ побѣдоносной Японіей, попытаемся замять впечатлѣніе военной неудачи хитроумнымъ дипломатическимъ успѣхомъ! Этимъ мы остановимъ процессъ распада самодержавія. Пожертвуемъ престижемъ военной славы, но — сохранимъ самодержавіе! Ибо какой новый побѣдоносный шагъ позволитъ сказать новую брешь въ твердынѣ царизма. Общественное мнѣніе не хотѣло и не хочетъ войны, и мирилось съ ней лишь до тѣхъ поръ, [illegible] — самое за побѣдоносной войной. Удовлетворимъ общество въ его требованіи мира и, тѣмъ самымъ, отстоимъ право современнаго режима на дальнѣйшее существованіе.

Такъ говорятъ, устами кн. Мещерскаго, наиболѣе непонимающіе политическіе элементы „охранительной" гвардіи. Будущее ничего не сулитъ имъ, носителямъ идеи дореформеннаго россійскаго абсолютизма. Внутренняя логика политической авантюры страшитъ ихъ воображеніе. Попытаться отстоять существованіе любезнаго сердцу ихъ режима цѣной скачка въ неизвѣстное противорѣчитъ всей ихъ косной природѣ. И не случайность, что призывъ Мещерскаго къ миру раздался одновременно съ провозглашеніемъ отмѣны тѣлеснаго наказанія, — этой первой данью самодержавія карающей исторической Немезидѣ.

Купить, цѣной прекращенія войны, „общественное мнѣніе" — такова ихъ программа, программа „никихъ помѣщиковъ".

Но купить „внутренній миръ" такою цѣною, значитъ, для самодержавной Россіи, потерять всякій престижъ на всемірномъ рынкѣ. Миръ *самодержавной* Россіи съ побѣдоносной Японіей — это быстрая и „себѣ въ убытокъ" ликвидація всего хозяйства царизма въ области международной политики. Это — окончательный отказъ отъ плодовъ хитроумной хотя и не всегда тонкой) дипломатіи двухъ царствованій, это — низведеніе Россіи на степень „второстепенной" державы. А между тѣмъ, престижъ „великой державы", престижъ военнаго и политическаго могущества, являвшійся для династіи Романовыхъ *средствомъ привлеченія* важнѣйшихъ экономически-сильныхъ соціальныхъ группъ, — для этихъ послѣднихъ является непосредственнымъ источникомъ ихъ привилегированнаго положенія въ государствѣ. Эксплуатація двухмилліардного бюджета, эксплуатація громадной государственной машины и въ частности, ея политическаго вліянія на международномъ рынкѣ является источникомъ политической и экономической „мощи" опредѣленной группы въ рядахъ имущихъ классовъ. Царское самодержавіе цѣлыхъ дней не виситъ въ воздухѣ. Не выражая собою, какъ политическая форма, соціальнаго господства того или другого класса, оно, въ процессѣ борьбы за свое существованіе, сростается съ интересами съ опредѣленными группами имущихъ классовъ и въ своей политикѣ, черезъ всѣ свои шатанія, приспособляется къ интересамъ этихъ группъ. Для этихъ группъ, общемъ и цѣломъ, нѣтъ никакой непосредственной выгоды отъ занятія той или другой Манчжуріи, но для нихъ важно, чтобы государственная машина, не ими направляемая, но приспособлявшаяся въ своей работѣ къ ихъ интересамъ, шла своимъ ходомъ, чтобы поддерживаемое ими правительство вело на всемірномъ рынкѣ крупную игру. И не въ послѣдней степени связь съ этими элементами — продуктами новой общественной формаціи — толкала самодержавіе на путь авантюръ внѣшней политикѣ, тогда какъ „патріархальная" реакція мещерскихъ, при всей безтолковости, безграмотности и непослѣдовательности ея политики, по существу своему, была склонна къ сохраненію „равновѣсія" и въ области международныхъ отношеній и лишь изъ „лояльности" и въ размѣрахъ казенной надобности поддакивала проповѣди аггрессивныхъ дѣйствій въ Китаѣ, „братьевъ-славянъ" или во исполненіе „цивилизаторской" миссіи на Дальнемъ Востокѣ.

Въ этомъ противорѣчіи сказывается двойственная природа содержанія, стремящагося и не могущаго не стремиться сохранить подъ крыльями своего орла соціальные обломки крѣпостного прошлаго съ самыми сильными элементами буржуазно-капиталистическаго будущаго.

Первые терпятъ — потому что должны терпѣть — системаческое уклоненіе самодержавія отъ чистыхъ завѣтовъ эпохи Николая I, повторяющееся — время отъ времени — попираніе барно-сословныхъ интересовъ ради *политическаго полукта* казанныхъ верховъ. Вторые продаютъ бюрократіи свое ано на политическую реализацію соціальной силы класса, во ѣ котораго они стоятъ, за щедрое удовлетвореніе своихъ дическихъ аппетитовъ. Политическій застой внутри и активная политика вовнѣ — таково наиболѣе полное выраженіе этого союза, а бюрократія есть тотъ честный маклеръ, который живетъ за счетъ куртажа съ этой хищнической сдѣлки.

Революціонная сила — война — взбила клинъ въ этотъ прочный союзъ. Она ставитъ ребромъ вопросъ: „національная идея" или неприкосновенность *современнаго* режима? Или иначе: впередъ къ капиталистическому расцвѣту или назадъ — къ дореформенному дворянскому произволу?

Но эксплуатація „національной идеи", эксплуатація внѣшней финансовой политики въ стилѣ „великой державы" есть, какъ мы знаемъ, основное условіе союза между пайщиками царистской фирмы. И если одни, устами Мещерскаго, говорятъ: срочь національную идею ради неприкосновенности самодержавія, то другіе — въ лицѣ Суворина и Столыпина — отвѣчаютъ: долой политическую неподвижность, разъ что она стала поперекъ дороги развитію національной идеи. Если одни говорятъ: отречемся отъ „революціонныхъ" методовъ современной внѣшней политики, то другіе провозглашаютъ: откажемся отъ послѣдовательной реакціи въ политикѣ внутренней. Если одни хотятъ мира ради спасенія династіи, то другіе требуютъ прекращенія династической войны въ войну *національную* (или, какъ пишетъ Суворинъ, народную — цѣною отказа династіи отъ послѣдовательнаго проведенія традиціонной системы. Одни стремятся прекратить международную авантюру, другіе — дополнить ее авантюрой въ сферѣ внутренней политики.

„Чего лучше?" — ехидно возражаетъ Суворинъ кн. Мещерскому („Н. В." № 10.241), *„если мы никуда не годны для войны*, то, авось, годимся для мира. Петръ Великій былъ другого мнѣнія". А Столыпинъ № 10.243 поясняетъ: „Допустимъ, что мы пошли бы на такое униженіе" на миръ съ Японіей) „Тѣмъ бы и кончилось? Предполагать это было бы крайне наивно: насъ немедленно бы разодрали на клочки наши европейскіе сосѣди, а остатки достались бы, въ концѣ концовъ, тому же возрожденному Востоку". „Призывъ къ заключенію мира, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, исходитъ отъ той же партіи, которая до войны настойчиво *тормозила нашу боевую готовность на Востокѣ* и тѣмъ, къ несчастію, обусловила войну. Кн. Мещерскій не своимъ мнѣніемъ высказываетъ, а *мнѣніемъ извѣстнаго кружка*. Въ первый моментъ народнаго [illegible] ослушенія пришлось прикусить языкъ, а теперь наступила минута, когда явился соблазнъ: а не попробовать ли старую погудну на новый ладъ?"

Комментаріемъ къ этимъ рѣчамъ двухъ продажныхъ публицистовъ являются только Меньшиковскія и имъ подобныя о необходимости реагировать на манчжурскія неудачи введеніемъ всеобщаго обученія, привлеченіемъ „общественныхъ силъ", всесторонней „реформой". Суворинъ кстати вспоминаетъ, что онъ годъ назадъ предрекалъ наступленіе „весны" въ жизни Россіи, и выражаетъ надежду, что эта „весна" взялся въ ходъ японской войны. Полемизируя съ кн. Мещерскимъ, онъ доказываетъ, что *[illegible]* — это рентгеновскіе лучи. Они проникаютъ до костей и указываютъ накопившуюся гниль. Она же укажутъ и здоровое тѣло". А корень „зла" — въ „бюрократіи".

Связавши свою судьбу съ судьбой самодержавія, эксплуататорскія группы подсказываютъ своему господину еще одну пошлятку обманутъ исторію. Сдѣлать войну „народной", для чего дать *извѣстный* просторъ недовольнымъ „общественнымъ силамъ" — верхамъ и срединамъ имущихъ классовъ. Эту программу „Нов. Время" подсказываетъ и новому министру внутр. дѣлъ, который въ своихъ „программныхъ" рѣчахъ связываетъ идею продолженія войны съ туманными проектами привлеченія къ престолу „общественныхъ силъ". И вѣрный слуга своихъ рабовъ Николай II — торжественно-комично объявляетъ, что будетъ вести войну, пока у него останется „хоть одинъ солдатъ, хоть одинъ рубль".

Этого-то и боится ультра-реакціонная клика. Вести войну до конца, значитъ — обезоружить, хоть отчасти, самодержавіе у себя дома. Никогда не проявлявшая склонности къ экспериментамъ „серлечнаго попеченія", эта группа съ ужасомъ видитъ *неизбѣжную* связь дальнѣйшаго веденія войны съ новыми авантюрами „диктатуры сердца". Многоопытный старецъ Суворинъ понимаетъ, въ чемъ дѣло. Предоставляя своему новому фельетонному наѣздныку пугать кн. Мещерскаго перспективой — въ случаѣ мира — „быть на посылкахъ у надменнаго и жестокаго китайца и отдать ему свое добро на раживу, а дочерей на потѣху!!!" — издатель „Нов. Врем" наноситъ другу Николая II болѣе тонкій ударъ. Не отказавъ себѣ въ удовольствіи намекнуть на то, что миролюбіе князя имѣетъ какое то отношеніе къ его брянскимъ акціямъ, онъ дѣлаетъ слѣдующій выводъ: „Г. Струве изъ Штутгарта давно совѣтуетъ это („постоять передъ Японіей на колѣнкахъ", и я долженъ отдать предпочтеніе этому публицисту, ибо онъ совѣтовалъ это раньше, еще въ апрѣлѣ, и убѣдительнѣе. *Les extrêmes se touchent*, (крайности сходятся). *Такъ, въ смутное время князь Заруцкій, мужъ Маримы, оружилъ съ княземъ Трубецкимъ...*"

Новоявленный Мининъ обличаетъ нашего „феодала" въ измѣнѣ отечеству ради сохраненія своихъ кастовыхъ привилегій. Это только пикантно. Но за этой полемической перепалкой скрывается реальный политическій антагонизмъ, съ которымъ придется считаться по мѣрѣ дальнѣйшаго развитія событій. Въ правящей кликѣ замѣчаются признаки разложенія. Одна изъ господствующихъ группъ готова дать Россіи миръ, подъ условіемъ отказа отъ политической реформы, другая, за санкцію преступной войны, обѣщаетъ... Суворинскую „весну".

Развращенная политическими тѣсными союзомъ съ бюрократіей, эксплуататорская группа, представляющая въ правящей кликѣ ея „европейскій" элементъ, слишкомъ далека отъ пониманія историческаго смысла совершающихся событій, слишкомъ привычна къ дѣлу предательства интересовъ даже того класса, во главѣ котораго она стоитъ, слишкомъ безыдейно и откровенно-продажна, чтобы быть способной на какую-нибудь творческую инициативу. Это она — эта общественная группа — скомпроментировала себя прежде всего въ экспериментахъ Лорисмеликовщины и этими Ванновскаго. Авантюристская по преимуществу, она годна только служить въ рукахъ реакціи въ нужную минуту тѣмъ живцомъ, на который уловляются крупныя и мелкія рыбы россійскаго либерализма. И за каждой фабрикаціей фальшивой „весны" этимъ типомъ политическихъ старшихъ дворниковъ неминуемо должно слѣдовать наступленіе лютыхъ морозовъ бѣшеной, доживающей послѣдніе историческіе дни, реакціи.

Политическое обновленіе Россіи не можетъ имѣть своимъ исходнымъ пунктомъ либеральную инициативу этой банды политическихъ червовныхъ валетовъ. Не съ ними, а противъ нихъ должна идти волна общественнаго движенія. И только эмансипировавшись отъ всякой политической солидарности съ этими вреднѣйшими изъ присѣшниковъ реакціи, русская либеральная буржуазія можетъ надѣяться учесть разложеніе современнаго режима въ его превращеніи въ правовое государство.

И противъ лозунга: „реформа и война!", противопоставляемаго „Мещерскому" паролю „миръ и порядокъ!", русскій либерализмъ долженъ издать кличъ: „миръ и свобода!" Пока онъ не сдѣлаетъ этого шага, онъ не можетъ надѣяться играть въ политической драмѣ другой роли, кромѣ шаблонной роли „обманутаго обманщика". Кто хочетъ обмануть исторію — уклониться отъ войны по всему фронту противъ современнаго режима — тотъ неизбѣжно будетъ обманутъ ея мародерами — Святополками, Суворинымъ и К°. „Миръ и свобода" — вотъ то знамя, которое проведетъ рѣзкую грань между старой и новой Россіей и, сплотивъ снова въ одну семью растерявшихся нынѣ лакеевъ реакціи, противопоставитъ имъ соединенныя силы рвущихся къ освобожденію классовъ.

„Миръ и свобода" — этотъ лозунгъ, и только онъ, можетъ объединить въ данный моментъ для „совмѣстной борьбы *отдѣльныя колоніями*" разныя общественныя классы, противостоящіе господствующей кликѣ. „Миръ и свобода" или, въ переводѣ на языкъ политическихъ требованій: *„немедленная приостановка военныхъ дѣйствій и созывъ всенароднаго учредительнаго собранія для ликвидаціи настоящаго государственнаго порядка и заключенія мира"*.

Сознательный пролетаріатъ, выставившій съ самаго начала войны это требованіе, окажетъ поддержку только тому общественному движенію, которое ясно и недвусмысленно выставитъ этотъ лозунгъ.

НОВАЯ ДИКТАТУРА СЕРДЦА.

Будетъ ли отмѣчено большими переѣнами во внутренней политикѣ Россіи вступленіе Святополкъ Мирскаго въ должность министра внутренныхъ дѣлъ? — „Большими перемѣнами — нѣтъ, но я (Святополкъ-Мирскій) буду стараться согласовать мои дѣйствія съ духомъ истиннаго и широкаго прогресса, по крайней мѣрѣ, *по сколько они не будутъ въ противорѣчіи съ существующимъ строемъ*".

Таковъ отвѣтъ новаго министра корреспонденту „Echo de Paris". Таковъ главный мотивъ новой „министерской программы". Что же она намъ сулитъ?

Было бы политически наивно ожидать отъ новаго министра серьезной рѣшимости „согласовать свои дѣйствія съ духомъ истиннаго и широкаго прогресса". Но допустимъ, что онъ рѣшился итти навстрѣчу нѣкоторымъ, насущнымъ нуждамъ страны, хотя бы въ интересахъ правительственныхъ и династическихъ, *что сможетъ сдѣлать въ этомъ направленіи правительство?*

Въ самой постановкѣ вопросъ о новыхъ путяхъ политики дли новаго министра всецѣло связанъ съ задачей сохраненія существующаго строя. И это второе ограничивающее условіе дѣлаетъ крайнюю узкой самую ихъ то ни было начинаніямъ въ разрѣшеніи политическихъ проблемъ. Узкій смыслъ съ точки зрѣнія демократіи, роковой — для правительства, которому въ данный моментъ уже трудно навернуться потерянное въ политическомъ вѣсѣ и, обратно, легко потерять и остатокъ престижа.

И въ самомъ дѣлѣ, не смѣшны ли, лишомъ въ лицу съ растущей анархіей народной жизни, перель моремъ народныхъ бѣдствій тѣ карликатурныя мѣры, которыя намѣчаетъ новый шефъ жандармовъ? Прежде всего, что можетъ дать странѣ административныхъ помпадуровъ и военныхъ сатраповъ общаемая министромъ децентрализація самоуправства? Аккомпанирующій въ этомъ пунктѣ новому министру дирижеръ реакціи, Мещерскій, ждетъ, что при этомъ вырвется вздохъ облегченія у губернаторовъ, освобожденныхъ отъ безпощадной опеки капризовъ департаментскихъ чиновниковъ. Это вѣрно. И горе Россіи, которая и такъ управляется по системѣ одиночнаго заключенія отдѣльныхъ гражданъ, отдѣльныхъ губерніяхъ и уѣздныхъ земствъ, которая и сейчасъ состоитъ подъ почти безконтрольнымъ произволомъ отдѣльныхъ виртуозовъ администраторовъ! Что будетъ побѣда реакціи. Не лежитъ ли нашъ историческій правильный путь въ противоположную сторону? — въ превращеніи помѣстнаго административнаго произвола, во-первыхъ, въ централизованную законодательную власть всенароднаго парламента и, во-вторыхъ, — въ исполнительную власть отвѣтственнаго передъ парламентомъ кабинета министровъ? Несомнѣнно всякій шагъ по пути децентрализаціи самоуправства отзовется новой болью въ тѣлѣ народа и, поскольку не замрутъ въ этомъ тѣлѣ процессы развитія, — это будутъ болѣе или менѣе революціонные акты самозащиты со стороны населенія.

Городскимъ и земскимъ учрежденіямъ предполагается предоставить возможно больше авторитета въ мѣстныхъ дѣлахъ. Значитъ ли это, что министромъ намѣчена отмѣна закона о предѣльномъ земскомъ обложеніи? Достаточно сопоставить этотъ планъ съ задачей правительства сохранить существующій строй, чтобъ отвѣтить на поставленный вопросъ отрицательно. Но и положительное рѣшеніе вопроса только выдвинетъ новую неразрѣшимую задачу, потому что предоставить возможность свободнаго роста *земскому* бюджету при теперешней силѣ этого роста, это значитъ — дать голосъ всероссійскому земству въ выработкѣ *государственнаго* бюджета. Послѣднее же лежитъ за предѣлами возможнаго для самодержавія.

Пойдетъ ли благосклонность къ земствамъ и думамъ хотя бы до предоставленія имъ законодательной инициативы? Смѣшно было бы даже ставить подобные вопросы, если бы не важно было указать на одно необходимое слѣдствіе всякой правительственной политики, проводимой въ интересахъ самодержавія. И политическій обманъ въ итогѣ пустыхъ обѣщаній, и политика уступокъ, не перестунающихъ предѣловъ нынѣшняго режима, въ концѣ концовъ, вызовутъ встрѣчную волну дворянско-буржуазнаго недовольства, которая неминуемо добѣжитъ до поставленной ей преграды и разобьется въ брызги открытой оппозиціи, или уйдетъ въ подпочву нелегальной группировки радикальныхъ элементовъ.

Министръ обѣщаетъ возможно полную свободу совѣсти, но съ нѣкоторыми оговорками". Не ясно ли, что подъ оговорки будетъ подведена вся сумма тѣхъ мѣръ религіознаго гнета, которыя прямо связаны съ желаніемъ прикрѣплять окраины путемъ руссификаціи, поддерживать косное православіе въ Великороссіи? И правительству придется выступиться въ подавленіи недовольства ограбленной имъ армянской церкви, придется по прежнему мобилизовать поповъ и монаховъ противъ вольнодумной штунды.

Не будетъ абсолютной (!) свободы для евреевъ! Что же дастъ обѣщаемая относительная? Съ большой вѣроятностью можно утверждать, что въ мѣропріятіяхъ для и противъ еврейства Святополкъ Мирскій, призванный одной рукой зажигать революціонный огонь, а другой — тушить, запоздалъ. Стараніями его предшественниковъ революціонная задача самодержавія въ этой области почти уже закончена. Неслыханныхъ гнетомъ

этотъ народъ мелкихъ торговцевъ, ремесленниковъ и пролетаріевъ доведенъ до революціоннаго кипѣнія.

Министръ привелъ изумленіе прогресса, увеличеніе числа школъ! Но вѣдь за ними идетъ увеличеніе числа неспокойныхъ элементовъ въ средѣ учителей и учительницъ, увеличеніе спроса на книжки, легальныя и нелегальныя, на листки и брошюры „возмутительнаго содержанія".

Повидимому, смутное предчувствіе революціоннаго исхода охранительныхъ начинаній не чуждо и генералу-министру, и онъ создается на своей бесѣдѣ, что „наше внутреннее положеніе, если и не чрезвычайно серьезно, все же запутанное". Но понялъ ли онъ, приступая съ улыбкой къ исполненію высочайшихъ предначертаній, что онъ неотвратимо идетъ прямой дорогой къ могилѣ царскаго режима? Понялъ ли, что онъ призванъ не для руководства всей суммой внутреннихъ дѣлъ государства, а на ту же специальную функцію, на которую была направлена вся энергія его предшественниковъ, т. е. призванъ завѣдывать дѣломъ россійской революціи, въ качествѣ безсознательнаго разжигателя революціоннаго инстинкта массъ и — дипломатичнаго укротителя этого инстинкта.

Но субъективно онъ ставитъ себѣ, повидимому, задачу превратить революціонность массъ и одиночекъ въ притупленную политическую усталость, въ упадокъ нервной энергіи, вообще говоря, возможный вслѣдъ за чрезвычайнымъ ея напряженіемъ.

И онъ ласкаетъ себя надеждой, что заблужденія молодежи сопровождаются раскаяніемъ, что она образумливается съ возрастомъ и въ нея выходитъ „прекрасные работники"; онъ спѣшитъ навстрѣчу „желаніямъ населенія" въ расширеніи авторитета земскихъ и городскихъ учрежденій, и думаетъ, что „доброгой можно достигнуть счастливыхъ результатовъ" и въ еврейскомъ вопросѣ. Знакомая намъ диктатура сердца! Второй уже разъ останавливаемое волной оппозиціи самодержавіе Николая II пытается ослабить удила „неукоснительной строгости". И что же? Первый разъ при расцвѣтѣ режима Ванновскаго раздался не двусмысленный, неодобрительный ревъ бюрократически-дворянской реакціи, въ общей свалкѣ тоже забирающей самостоятельную отъ правительства силу. Старичекъ сократилъ свою ласковую улыбку и посѣщаетъ стушевался. Пусть бы новый апостолъ мира приступался къ остерегающему завѣщанію „Моск. Вѣдом." Положеніе новаго вождя внутренней политики невеселое: впереди шумъ негуломнаго моря демократіи, за спиной — шипѣніе реакціонныхъ крупнаго дворянства. Но, повидимому, новый вождь полонъ новыхъ надеждъ. Сбудутся ли радужныя мечты бывшаго царскаго генерала? Судя по всему, у насъ есть основаніе утверждать съ достаточной увѣренностью, что неголовными мѣрами окажутся всѣ такія полуреформы, что онѣ обратятся противъ самого это правительства; что безсильны уже и попытки убаюкать революціонное недовольство генеральской лаской; что, наконецъ, эти попытки будутъ прерваны реакціей.

Характернымъ политическимъ симптомомъ является отношеніе „Освобожденія", которое видитъ во всѣхъ этихъ замаячившихъ перспективахъ не реальныя уступки, а лишь одинъ обольстительный запахъ ихъ, и потому — опасность для оппозиціи. Характернымъ симптомомъ это служитъ потому, что „Освобожденіе" способно вообще легкомысленно воодушевляться и, даже теперь, въ сторонѣ отъ этой главной политической директивы недовѣрія къ правительству, предлагаетъ студенчеству не слишкомъ солѣча обращаться съ новыми нѣжными ростками „современной политики. Но тѣмъ болѣе знаменательно, что въ переходный моментъ наибольшей податливости сладкимъ обѣщаніямъ, оно не можетъ въ себѣ заглушить червячка недовѣрія. Къ сожалѣнію, статья „Освобожденія" не представляетъ даже коллективнаго мнѣнія либеральнаго слоя. И коренной вопросъ обсужденія и учета нововвленной „министерской программы" для насъ въ томъ, какъ будетъ реализована на режимъ сердца широкая демократія, верхніе слои пробуждающихся массъ и прежде всего — рабочаго класса.

Опытъ недавняго прошлаго показалъ, что всѣ правительственныя „мѣропріятія" въ области положительной государственной работы не разряжаютъ существующей революціонности сознательныхъ слоевъ народа, потому что сами онѣ не „революціонны", не уничтожаютъ анархіи въ жизни страны, потому что нисколько не удовлетворяютъ нужды народа въ правовой организаціи этой, все усложняющейся, жизни и оставляютъ безъ „конституціи". — безъ „законовъ войны"—классовые и національные конфликты.

Одинъ вслядъ назадъ—на весь ходъ рабочаго движенія параллельно съ ростомъ капитализма. Куда ведетъ нелѣпое положеніе рабочихъ массъ, лишенныхъ законодательнаго права и права стачекъ, союзовъ, собраній, лишомъ ихъ лицу съ азіатскимъ хищничествомъ русскаго промышленника? Всѣ послѣдствія этого положенія пролетаріата: физическое и психическое вырожденіе его, хозяйственное обнищаніе до dec plus ultra, обостряютъ до крайности противорѣчія государственно буржуазнаго строя, влекутъ Россію къ потрясающему экономическому краху. Возьмемъ все это, плюсъ искусъ войны, и оцѣнимъ политическую развязность или легкомысліе Святополкъ-Мирскаго, предлагающаго Россіи испить до дна чашу восточно-сибирскаго военнаго позора.

Область національныхъ отношеній! Съ одной стороны, разнузданная, насильственная ассимиляція, съ другой — взаимное недовѣріе. Демократическая Польша съ такъ называемой партіей польскихъ соціалистовъ во главѣ, національная Финляндія, религіозная Арменія! Въ Финляндіи харьковскій Аракчеевъ-Оболенскій, говоря либеральныя рѣчи, заимствуетъ у своего прообраза методъ давать отдохнуть жертвамъ казни „сквозь строй" передъ новымъ актомъ пытки. Не велика, впрочемъ, надежда на то, что финны повѣрятъ ласковымъ рѣчамъ палача по приказанію: недовѣріе прочно посѣяно.

Національнымъ и сепаратизмъ растутъ не только на окраинахъ: по всему тѣлу Россіи анархія національныхъ отношеній разряжается цѣлымъ рядомъ еврейскихъ погромовъ, повторяющихъ ужасы средневѣковья.

Государственная власть запоздала своевременнымъ уничтоженіемъ сословной грани объединить и согласовать общіе интересы земледѣльцевъ бѣлой и черной кости: безправное крестьянство рѣшаетъ ихъ у себя въ деревняхъ по домашнему, разгромомъ помѣщичьихъ усадебъ, аграрными убійствами и подожгами.

И въ этомъ хаосѣ разложенія государства крупицы либерально попустительства въ правительственной политикѣ нисколько не идутъ къ согласованію интересовъ отдѣльныхъ слоевъ населенія. Напротивъ того, правительство дѣлаетъ одинъ новый и послѣдній шагъ отъ защиты интересовъ господствующихъ классовъ въ сторону политическаго абсентеизма — въ сторону защиты авантюристскихъ интересовъ одной самодержавной шайки.

И, предоставленный самому себѣ, народъ все больше и больше втягивается въ процессъ выработки самобытнаго, революціонно-народнаго „самоуправленія". Завязывается организація рабочихъ массъ для защиты своихъ классовыхъ интересовъ. Нелегально группируются оппозиціонныя силы буржуазіи. Происходитъ усиленная борьба за сторонниковъ партій въ области литературнаго размежеванія. Радикальная интеллигенція ассимилируется партіей рабочаго класса. Все сильнѣе и сильнѣе выясняется необходимость завершенія и закрѣпленія этихъ новыхъ формъ государственной жизни путемъ конституціи.

Въ этомъ неудержимомъ повышеніи уровня политическаго моря и даны гарантіи того, что волны революціоннаго прилива будутъ, не ослабѣвая, бить въ стѣны самодержавія. А слѣдовательно, ген. Святополкъ-Мирскій, который по собственнымъ словамъ мѣтилъ, вмѣсто Куропаткина, на поля Ляояна, а попалъ въ Петербургъ, дѣйствительно, становится во главѣ внутренняго военнаго „министерства контръ-революціи". И онъ не уйдетъ далеко отъ плана дѣятелей фонъ-Плеве, какъ бы сладко не грезилось ему кроткое управленіе замиренными подданными.

„Программная рѣчь" новаго министра вноситъ только одно подтверждающее „да" въ недвусмысленную политику царскаго правительства, обнаруживая рѣшимость его, не смотря ни на что, отстаивать свое самовластье. И все сильнѣй и сильнѣй „военныя функціи" захватываютъ государственную власть и разростается анархія предоставленнаго на волю историческій стихіи народа.

И все больше пробятся старыя формы государственнаго строя, оставляя разрозненный, готовый къ дѣлу матеріалъ новаго государственнаго строительства. И становится ясной, осязаемой дѣйствительностью возможность, не медля, приступить къ созидательной политической работѣ къ укрѣпленію и расширенію соціалдемократической партіи за счетъ всего того, что изъ человѣческаго матеріала, обрабатываемаго революціонной дѣятельностью правительства, можетъ быть ассимировано партіей рабочаго класса на основахъ ея программы.

ВОЕННЫЯ НЕУДАЧИ И САМОДЕРЖАВІЕ.

Періодъ войны, закончившійся боемъ при Ляоянѣ, принесъ самодержавію много разочарованій и огорченій. „Нашъ славный флотъ" уничтоженъ, его жалкіе остатки, запертые въ Порть-Артурской гавани, обречены на гибель, а преславутая балтійская эскадра, состоящая по словамъ газетъ, за исключеніемъ 2-3 судовъ изъ „старыхъ сундуковъ", не очень спѣшитъ къ водамъ Тихаго Океана. Руководящіе офицеры царской арміи оказались неспособными, и она отступаетъ передъ натискомъ непріятеля, не превосходящаго ее численно, какъ дикая орда, истощенная отъ недостатка продовольствія, дурно одѣтая, охваченная паникой, озлобленная постоянными ошибками и циничной безпечностью своихъ руководителей.

Самодержавное правительство объясняетъ общественному мнѣнію военныя неудачи своей неподготовленностью, оно де было полно самыхъ миролюбивыхъ намѣреній и объявленіе войны было для него неожиданностью. Дѣйствительно, на новогоднемъ пріемѣ дипломатическаго корпуса царь высказывался, какъ сторонникъ мира. Но кого могутъ обмануть миролюбивыя слова клятвопреступника и лицемѣра, ассигновавшаго 90 милліоновъ народныхъ денегъ на военный флотъ сейчасъ же вслѣдъ за опубликованіемъ манифеста о прекращеніи вооруженій и созывѣ мирной Гаагской конференціи. Меньше всего могли обмануть этихъ словъ Японію. Во Владивостокѣ и Портъ-Артурѣ еще съ сентября неизбѣжность войны была для всѣхъ очевидной. Передвиженіе значительныхъ военныхъ силъ изъ Евр. Рос. на Дальній Востокъ подтверждало эту неизбѣжность. Но въ правящихъ сферахъ была увѣренность, что инициатива войны останется за нами, что напасть на Россію маленькая Японія не „посмѣетъ". Однако, она посмѣла, потому что была прекрасно освѣдомлена о русской такъ называемой „неподготовленности", извѣстной всему міру, кромѣ тѣхъ, кто былъ больше всего въ этомъ заинтересованъ, — кромѣ русскихъ плательщиковъ налоговъ. Эта „неподготовленность" состояла въ томъ, что на берегахъ Тихаго Океана царилъ тотъ же самодержавный „порядокъ вещей", основанный на безконтрольномъ и безотчетномъ расточеніи народнаго достоянія, на насиліи и произволѣ, что и во всей Россіи.

Коснемся „неподготовленности" во флотѣ. Главное условіе боевой готовности флота — достаточные запасы угля. Центральные склады угля было рѣшено устроить во Владивостокѣ и Портъ-Артурѣ, но явился вопросъ, откуда доставать уголь. Находившіяся въ рукахъ русскихъ копи въ Янтаѣ и Чинтуфу могли бы поставлять уголь въ неограниченномъ количествѣ и превосходнаго качества. Залежи угля тамъ неисчерпаемо богаты, каменноугольные пласты лежатъ почти на поверхности, и при дешевизнѣ китайскихъ рабочихъ рукъ, даже при той первобытной въ техническомъ отношеніи постановкѣ дѣла, какая тамъ была, уголь могъ бы съ прибылью продаваться для надобностей жел. дор. и флота по 5 коп. за пудъ на мѣстѣ. Тѣмъ не менѣе, министерство, въ вѣдомствѣ котораго находились эти копи, продавало этотъ уголь министерству, въ вѣдомствѣ котораго находится жел. дорога, по 20 коп. за пудъ. Этому, конечно, есть достаточныя основанія, лежащія не въ соображеніяхъ государственныхъ, говоря стилемъ „Освобожденія", а въ соображеніяхъ г-на Кокина, инженера, заявляющаго всѣмъ копямъ этого района. Г-нъ Кокинъ, кромѣ жалованья, получалъ нѣкоторый % съ суммы, вырученной отъ продажи угля, и % этотъ достигалъ въ послѣдніе годы солидной суммы въ 30000 руб. Конечно, г. Кокинъ получалъ бы, можетъ быть, не меньше, если бы, продавая уголь дешевле, повысилъ производительность копей. Но вѣдь это вывало бы столько хлопотъ, потребовало бы дѣйствительнаго технической руководства, а не только фигурирующаго въ отчетности, потребовало бы прорытія новыхъ шахтъ, новыхъ сооруженій, усложнило бы дѣло до головной боли, и помощникомъ г. Кокина не могъ бы состоять приходимецъ, не получившій никакого технической образованія. Тогда г. Кокинъ не могъ бы на заявленіе другого инженера, что въ шахтѣ появился рудничный газъ, отвѣтить предписаніемъ считать его окисью углерода, Г. Кокина никто не контролировалъ, онъ спокойно опускалъ въ карманъ свои тысячи рублей, очень рѣдко и вполнѣ либерально осуждалъ дѣйствія нашихъ военоначальниковъ и терпѣливо ждалъ, когда японцы захватятъ копи и уничтожатъ всѣ слѣды его хозяйничанья, а онъ съ сознаніемъ исполненнаго долга, награжденный чинами орденами и деньгами, будетъ переведенъ завѣдывать какими нибудь другими копями гдѣ нибудь въ другомъ уголкѣ нашего общирнаго отечества.

Намѣстникъ или, какъ тамъ его зовутъ теперь въ арміи, „безмѣстникъ" Алексѣевъ понялъ, что имѣя дѣло съ такимъ докой, какъ г. Кокинъ, нечего разсчитывать на хорошій гешефтъ, и выработалъ поэтому свой проэктъ снабженія нашего тихоокеанскаго флота кардифомъ. Осуществить этотъ проэктъ взялся уже извѣстный нашимъ читателямъ Гинзбургъ, человѣкъ съ завѣдомо темнымъ прошлымъ, появившійся въ Портъ-Артурѣ въ числѣ прочихъ авантюристовъ, мошенниковъ и дѣльцовъ всякаго рода, хлынувшихъ въ новый край съ надеждой урвать что нибудь для себя, изъ тѣхъ сотенъ милліоновъ, которые русское самодержавіе затратило тамъ, преслѣдуя утопическую цѣль укрѣпленія своего могущества. Гинзбургъ оказался въ высшей степени услужливымъ и любезнымъ человѣкомъ.

Авторъ статьи „Подготовка Мавьджурскаго разгрома" въ № 73 „И." уже далъ оцѣнку пріятныхъ свойствъ его характера совершенно правильно сообщая, что во флотѣ нѣтъ офицера, который не былъ бы ему долженъ, уже не говоря о намѣстникѣ; но за то питаніе флота углемъ было организовано довольно своеобразно. Гинзбургъ скупалъ уголь въ томъ числѣ, конечно, и кордифъ, по мелочамъ по всему побережью Тихаго Океана, возилъ его, конечно, и въ Портъ-Артуръ и Владивостокъ, такъ какъ нельзя же было оставить центральные склады совершенно безъ угля, но помимо того онъ устроилъ множество угольныхъ станцій въ разныхъ

Въ Амстердамѣ.

(Мысли и замѣтки).

I

Ежемѣсячный органъ англійской соціалдемократической федераціи, „The Social Democrat", говоритъ въ своей сентябрьской книжкѣ, что амстердамскій соціалдемократическій съѣздъ является наилучшимъ изъ всѣхъ международныхъ конгрессовъ новой „серіи", т. е. серіи начинающейся съ 1889 года, когда состоялся первый съѣздъ „новаго интернаціонала". Не менѣе восторженно отозвался объ амстердамскомъ съѣздѣ Каутскій въ „Neue Zeit". Признаюсь, я не вполнѣ раздѣляю этотъ оптимистическій взглядъ. Конечно, мы, марксисты, представители революціоннаго соціализма, одержали въ Амстердамѣ рѣшительную побѣду надъ международными оппортунистами и мы не можемъ не радоваться этой побѣдѣ. Но о чемъ спорили мы тамъ съ нашими противниками? Не болѣе и не менѣе, какъ о томъ, *быть или не быть революціонному соціализму?* Это именно такъ, потому что тактика, которую отстаивалъ и превозносилъ въ своихъ длинныхъ и напыщенныхъ рѣчахъ вождь оппортунистовъ всѣхъ странъ Жоресъ, на дѣлѣ означаетъ полный отказъ отъ революціоннаго соціализма и переходъ на точку зрѣнія буржуазной демократіи. Какъ ни разъ я нашей побѣдѣ, но мнѣ все-таки непріятно и тяжело вспоминать о томъ, что эта постыдная тактика могла найти защитника на международномъ съѣздѣ соціалистовъ, не вызвавъ рѣшительнаго и единодушнаго негодованія. А кромѣ того я не могу скрыть отъ себя и отъ своихъ читателей то неоспоримое обстоятельство, что Вандервельдъ и Адлеръ довольно ловко поспортили своимъ „мягкимъ" проектомъ рѣшенія по важнѣйшему вопросу съѣзда, — ходъ выступленій этимъ вопросомъ горячій и ослабили нравственное значеніе побѣды, одержанной марксизмомъ надъ международными оппортунистами. И надо ну нелѣпыми prachtgut — выраженіе Каутскаго, только тогда съѣздъ, который бу детъ свободенъ отъ такихъ большихъ недостатковъ. Когда и гдѣ состоится такой, дѣйствительно не вполнѣ международный съѣздъ? Не знаю. Скажу болѣе: я не увѣренъ даже и въ томъ, что онъ состоится когда нибудь. Очень возможно, даже — увы! — очень вѣроятно, что современный соціализмъ вплоть до самой революціи, т. е. до завоеванія власти пролетаріатомъ, не вылечится отъ оппортунистической язвы. Но именно потому у насъ и нѣтъ основаній для оптимизма. Нашъ непріятель потерпѣлъ пораженіе. Это очень хорошо. Но напрасно говоритъ „The Social Democrat", что теперь пришелъ конецъ международному оппортунизму. Къ сожалѣнію, это еще не такъ. Нашъ непріятель, хотя и пораженъ, но еще не уничтоженъ. Его главныя силы, — французская армія все того же Жореса, — отступили въ порядкѣ и, поддержавая противъ насъ сильный огонь, очевидно перестраиваются для новой борьбы. Если это такъ, — а развѣ же это не такъ? — то марксисты должны, не теряя ни минуты, преслѣдовать потерпѣвшаго пораженіе непріятеля, а не льстить себя тою пріятною, но пока еще не основательною увѣренностью, что онъ уже не существуетъ.

„The Social Democrat" говоритъ далѣе, что не смотря на жаркіе споры по вопросу о тактикѣ, на амстердамскомъ съѣздѣ господствовало стремленіе къ единству. Это, пожалуй, и такъ, но я боюсь, что нашъ англійскій собратъ очень преувеличилъ смыслъ этого явленія. Гдѣ объединенные между собою элементы имѣютъ одинъ и тѣ же общественныя задачи, выражающія одни и тѣ же классовые *интересы*, тамъ единство не только хорошо, но прямо обязательно для торжества этихъ интересовъ. А гдѣ это необходимое условіе отсутствуетъ, тамъ единство не можетъ быть ни прочнымъ, ни полезнымъ. И вся „мораль" амстердамскаго конгресса сводится къ вопросу о томъ, возможно-ли прочное единство между оппортунистами и марксистами. И думаю, что нѣтъ, и въ этомъ случаѣ со мною согласны итальянскіе „реформисты", давно уже высказавшіе твердую увѣренность въ томъ, что *реформизмъ* наиболѣе употребительное въ Италіи названіе *оппортунизма* и революціонный соціализмъ составляютъ въ сущности *двѣ отдѣльныя партіи*. А что на амстердамскомъ съѣздѣ было къ сожалѣнію, не мало оппортунистовъ въ этомъ врядъ ли кто усомнится. Правда, не многіе изъ нихъ выступали открыто, но это не мѣшало имъ имѣть значительное вліяніе на ходъ преній и ихъ сравнительно многочисленность на съѣздѣ и объясняется тотъ, на первый взглядъ странный и неожиданный, фактъ, что соціалистическіе представители *пролетаріата* могли цѣлыхъ три дня и какъ нельзя болѣе серьезно спорить о томъ, долженъ или не долженъ этотъ классъ продавать *буржуазіи* свое право первородства за чечевичную похлебку.

Въ предлагаемыхъ очеркахъ я хочу осмотрѣть вмѣстѣ съ читателемъ дѣятельность полиціи, которая была занята на амстердамскомъ съѣздѣ марксистами съ одной стороны и оппортунистами — съ другой. Но прежде, чѣмъ мы приступимъ къ этому осмотру, мнѣ необходимо сдѣлать объясненія по предметамъ, относящимся къ тому, что было на съѣздѣ россійской соціалдемократической делегаціей вообще и мною въ частности.

Здѣсь я прежде всего скажу два слова о томъ моемъ поступкѣ, который „Московскія Вѣдомости" обозвали позорнымъ по отношенію русскаго соціалиста. Читатель, вѣроятно, уже понялъ, о чемъ я говорю.

Выбранный вмѣстѣ съ Семъ-Катаямой въ вице-президенты перваго засѣданія съѣзда, я обмѣнялся съ представителемъ японскаго соціалистическаго пролетарята дружескимъ рукопожатіемъ. Московскій реакціонный органъ считаетъ это *національной измѣной*. Съ своей точки зрѣнія онъ правъ, но въ томъ то и дѣло, что я не стою на его точкѣ зрѣнія. И, — пусть хорошенько знаетъ тятя это „Московскія Вѣдомости", — далеко далеко не одинъ я. Сознательный пролетарій Россіи цѣликомъ идетъ подъ знаменемъ международной соціалдемократіи, а международная соціалдемократія *не можетъ не возставать противъ международныхъ войнъ*, ея горячимъ сдѣйствіемъ и ея энергичной поддержкой пользуется одинъ только родъ войны: *классовая война пролетаріумъ съ эксплуататорами*. Въ этой войнѣ я самъ охотно и давно принимаю посильное участіе. Но *эта* война кажется преступной не только реакціонерамъ и охранителямъ, а даже многимъ „прогрессистамъ". Вотъ что значитъ реальное точекъ зрѣнія!

Мой „позорный поступокъ" сопровождался рѣчью, въ которой я сказалъ, между прочимъ, что войну съ Японіей ведетъ не русскій народъ, а царское правительство, злѣйшій и опаснѣйшій врагъ этого народа. Пусть попробуютъ „Московскія Вѣдомости" доказать мнѣ, что это не вѣрно: мнѣ будетъ очень интересно выслушать ихъ доводы. И сказалъ, далѣе, что въ случаѣ побѣды царскаго правительства надъ Японіей главнымъ побѣжденнымъ окажется не кто иной, какъ тотъ же русскій народъ. Московская газета, какъ и вся наша реакціонная клика прекрасно знаетъ, что и это правда: для нея пріятно побѣда надъ „япошками" особенно усиливалась бы тѣмъ обстоятельствомъ, что побѣдоносное царское правительство могло бы пользуясь ея обаяніемъ еще сильнѣе затянуть тѣ цѣпи, которыми оно сковываетъ русскій народъ. И напомнилъ съѣзду то, что я сожалѣю, неоспоримую историческую истину, что иностранная политика царскаго правительства издавна была политикой хищничества и захвата; что это правительство издавна стремилось подчинить себѣ всѣ тѣ или окружающихъ насъ народовъ, которые не были достаточно сильны, чтобы дать ему грозный отпоръ, и что оно окружило собственно-русскую землю такимъ ожерелъемъ изъ побѣжденныхъ народностей, возвращающихъ ему въ видѣ *ненависти* то, что оно получаетъ отъ него въ видѣ *цивилизаціи*. И я прибавилъ, что отъ такой политики самое русское населеніе страдало не меньше, если не больше всѣхъ, потому что ни одинъ народъ не можетъ быть свободенъ, служа орудіемъ угнетенія своихъ сосѣдей, и потому что „порядокъ", который, благодаря нашему правительству, царствовалъ въ Варшавѣ, въ Гельсингфорсѣ и въ Тифлисѣ съ такой же силой, съ какой „царствуетъ" смерть на кладбищѣ, „царствовалъ" также въ Петербургѣ, въ Москвѣ, въ Кіевѣ, въ Одессѣ, словомъ во всей Россіи. Можетъ быть, въ этихъ моихъ словахъ заключалось что нибудь похожее на неправду? Или, наконецъ, можно было то мѣсто моей рѣчи, гдѣ я сказалъ, что, преслѣдуя всѣ свои несчастной страны все живое и неда мое, царское правительство видитъ себя теперь изолированнымъ окруженнымъ жалкими и жадными бездарностями, которыя думаютъ только о своей собственной карьерѣ и не могутъ обещать ему ничего, кромѣ цѣлаго ряда постыдѣйшихъ пораженій? Все это самая чистая правда, и когда я говорилъ все это, я не навалъ, что я выражаю мысли и чувства огромной массы русскихъ людей. Никогда еще прежде голосъ россійской соціалдемократіи не былъ такой сильной степени голосомъ русскаго народа.

Съѣздъ отнесся чрезвычайно сочувственно къ моему „позорному поступку". Онъ отвѣтилъ на него цѣлымъ взрывомъ до

частях побережья. Покупая партию угля, онъ складывалъ его гдѣ нибудь на берегу, а броненосецъ или крейсеръ, нуждающійся въ немъ, уже самъ долженъ былъ идти съ указаннаго ему Гизабургомъ пункту и запасаться углемъ. Вотъ отчего случилось, что, хотя войны всѣ ждали со дня на день, нашъ Тихо-Океанскій флотъ оказался разсѣяннымъ по всему побережью Океана; русскія суда стояли во Владивостокѣ, Чемульпо, Портъ-Артурѣ, Дальнемъ, въ Шанхаѣ и даже въ Нагасаки; вотъ почему наша владивостокская эскадра два мѣсяца оставалась въ бездѣйствіи, она не могла покинуть гавани, у нея не было угля, и капитанъ Рейценштейнъ виновенъ въ этомъ не больше другихъ; вотъ почему свѣдующіе люди удивляются не тому, что нашъ флотъ разбитъ, а тому, что онъ такъ долго не былъ разбитъ, — онъ страдалъ отъ недостатка угля. Такова была „неподготовленность" флота.

Мы, конечно, знаемъ, что съ окончаніемъ войны начнутся уголовные процессы по обвиненію кое какихъ мелкихъ административныхъ сошекъ въ злоупотребленіяхъ, мошенничествахъ, кражахъ и взяточничествѣ. Но развѣ подобныя преслѣдованія послѣ севастопольской кампаніи помѣшала повторенію того же самаго въ русско-турецкую войну, развѣ преслѣдованія послѣ русско-турецкой войны помѣшали повторенію этого теперь? Разсчетъ и мошенничество присущи самодержавному режиму, неотдѣлимы отъ него, органически связаны съ его природой, и могутъ быть удалены изъ сферы управленія только тогда, когда это управленіе будетъ подчинено контролю народныхъ представителей.

Но продажность администраціи и казнокрадство — только одна изъ многихъ причинъ, приведшихъ русскую армію къ разгрому. Конечно, эта причина немаловажная. Не знающіе отвѣтственности интенданты поставляютъ въ армію сухари съ пескомъ, мундирную одежду изъ гнилого сукна, предметы воинскаго снаряженія, не выдерживающіе и недѣли похода. Полуголодный и оборванный солдатъ — плохой воякa. Но для успѣха дѣла настроеніе арміи, сознательность и интеллигентность солдатъ еще болѣе важны, чѣмъ матеріальныя условія ихъ жизни. Самодержавному правительству это прекрасно извѣстно, но въ этомъ отношеніи оно всегда было въ непримиримомъ противорѣчіи съ самимъ собой. Оно понимало, что невѣжество народныхъ массъ — одно изъ условій его существованія, и ставило всевозможныя препятствія дѣлу народнаго образованія; оно подчинило его опекѣ невѣжественныхъ поповъ, всячески стѣсняло просвѣтительную дѣятельность земствъ и частныхъ лицъ, оно затрудняло всѣми возможными способами учрежденіе народныхъ библіотекъ, открытіе школъ, устройство популярныхъ чтеній и т. п., оно подчинило надзору низшихъ органовъ полиціи всѣхъ сельскихъ учителей и поставило ихъ въ унизительную зависимость отъ администраціи, чтобы уронить ихъ авторитетъ въ глазахъ мѣстнаго населенія. Теперь ему приходится пожинать плоды этой политики. Какъ-то, такъ лихо разгонявшіе толпы мирныхъ демонстрантовъ, о здѣсь никуда негодными даже для разведочной службы. Каждый японскій кавалеристъ снабженъ биноклемъ и картой, а нашъ казакъ не только не знаетъ, что за штука бинокль, онъ до войны не зналъ даже того, что есть на свѣтѣ японцы. Генералъ Мищенко въ отчетахъ отъ ихъ невѣжества. По разсказу одного корреспондента, казачій разъѣздъ, возвращавшійся съ рекогносцировки, не могъ объяснить, какого рода оружія былъ непріятель, каковы его силы и проч., суммируя всѣ свои впечатлѣнія общей фразой „непріятеля видимо-невидимо, в. в." Это же невѣжество создало очень благопріятную почву для распространенія среди солдатъ суевѣрныхъ слуховъ о разныхъ чудотворныхъ средствахъ, которыми, будто бы, пользуются японцы, „отводя глаза", становясь невидимыми и т. п. Бой на большомъ разстояніи, когда противникъ виденъ лишь въ неопредѣленныхъ контурахъ, требуетъ отъ солдата личной инициативы, способности примѣняться къ мѣстности, вообще, дѣйствовать безъ приказаній, а къ этому нашъ солдатъ, привыкшій лишь безпрекословно повиноваться, въ массѣ совершенно не способенъ.

Настроеніе арміи въ такіе моменты возбужденія, какъ война, тѣсно связано съ настроеніемъ общественнаго мнѣнія, тѣмъ болѣе, что съ мобилизаціей подъ знамена привлекается изъ среды народа масса запасныхъ, давно забывшихъ всякую дисциплину, и живущихъ интересами не казармы, а той общественной среды, къ которой они принадлежатъ. Даже реакціонная печать признала, что война не популярна въ народѣ. Всѣ въ большей или меньшей степени понимаютъ, что самодержавное правительство начало войну въ надеждѣ укрѣпить свое пошатнувшееся положеніе и отвлечь вниманіе народа отъ вопросовъ внутренней жизни, отъ борьбы съ самимъ самодержавіемъ. Кровью десятковъ, а можетъ быть, и сотенъ тысячъ солдатъ хотѣло оно залить искру политическаго пожара, вспыхнувшую въ головахъ русскаго пролетаріата, и заглушить шумными криками въ честь своихъ побѣдъ призывъ „долой самодержавіе", ставшій уже паролемъ дня. Но самодержавіе дурно разсчитало.

Внутренній врагъ, на которомъ такъ долго и съ такимъ блескомъ успѣховъ русское воинство изощряло мѣткость своей стрѣльбы, оказался теперь въ рядахъ этого самаго воинства въ немаломъ количествѣ и не обнаружилъ особеннаго усердія къ защитѣ царскаго дѣла. Этимъ внутреннимъ врагомъ оказались далеко не одни соціалисты! Солдаты угнетенныхъ народностей, поляки, армяне, литовцы, евреи и др., понимали, что побѣда русскаго оружія только укрѣпитъ тотъ режимъ, подъ гнетомъ котораго они такъ долго страдали, который они ненавидятъ до глубины души и на борьбу съ которымъ они и ихъ братья отдавали свои лучшія силы. Начиная съ 1899 года, расположенные на Дальнемъ Востокѣ полки усиленно пополнялись поляками, которыхъ правительство посылало туда съ цѣлью удалить ихъ изъ родныхъ мѣстъ, гдѣ они, конечно, не стали бы по первому приказу стрѣлять въ своихъ братьевъ и земляковъ, желающихъ добиться лучшей доли и вступившихъ въ борьбу съ царскимъ правительствомъ. Въ результатѣ 20% русскихъ плѣнныхъ — поляки. Крестьяне, призванные теперь изъ запаса, также не пламенѣютъ желаніемъ постоять за царя-батюшку. Они тщетно пытаются объяснить себѣ, изъ за чего собственно ведется эта война, для чего понадобились царю новыя земли, когда въ Россіи и Сибири у него огромнѣйшія площади пустующихъ земель и лѣсовъ; они хорошо знаютъ лишь одно то, что сами они не получатъ новыхъ земель и, вообще, никакихъ выгодъ отъ этой войны, по прежнему будутъ биться въ тискахъ нищеты, страдать отъ тяжести непомѣрныхъ повинностей и налоговъ, отъ произвола полиціи и всякаго другого начальства, по прежнему останутся безправнымъ сословіемъ, зависимымъ отъ дворянства, лишеннымъ свѣта и свободы. Правда, многіе изъ нихъ годами нужды и угнетенія доведены до состоянія полной апатіи и не чувствуютъ ни ненависти, ни злобы; они отупѣли до того, что свыклись съ своимъ положеніемъ, и не сознаютъ необходимости измѣнить его. Но, истощенные хроническими голодовками, тупые, невѣжественные и забитые, они могутъ служить только пушечнымъ мясомъ и безмолвно умирать подъ ударами чудовищъ японской артиллеріи. О „патріотизмѣ" солдатъ изъ рядовъ промышленнаго пролетаріата нечего, конечно, и говорить: площади большихъ городовъ столько разъ обагрялись его кровью въ борьбѣ съ существующимъ порядкомъ!

Таково настроеніе арміи. Столь же непопулярна война и въ обществѣ. Она принесла съ собой промышленный кризисъ застой въ торговлѣ, стѣсненіе кредита; сотни тысячъ рабочихъ оказались выброшенными на мостовую и переживаютъ всѣ ужасы безработицы. Господствующіе классы смотрятъ на правительство, какъ хозяинъ на своего проворовавшагося приказчика, и готовятся предать его суду. Ему вѣрить такъ мало, что даже пожертвованія на красный крестъ почти совершенно прекратились. Къ этому присоединяется для правительства еще отсутствіе денегъ. Судорожно бросается оно отъ одной европейской биржи къ другой въ тщетныхъ поискахъ займа. Европейская буржуазія понимаетъ, что это должникъ ненадежный, близкій къ банкротству. Ему остается старое героическое, но самоубійственное средство: выпускъ кредитныхъ билетовъ.

Окруженное атмосферой общаго недовѣрія, ненависти и презрѣнія, оно начинаетъ понимать, что стоитъ на краю пропасти и въ отчаяніи пытается найти себѣ помощь въ политическихъ уступкахъ господствующимъ классамъ. Его наемные писаки заговорили о реформахъ, министръ внутрен. дѣлъ заявилъ себя другомъ студентовъ, „Гражданинъ" проситъ мира. Мы знаемъ, что добровольно правительство не сдѣлаетъ никакихъ существенныхъ политическихъ уступокъ, даже господствующимъ классамъ, но мы думаемъ, что переживаемый моментъ благопріятствуетъ тому, чтобы заставить его пойти на такія уступки, и обязываетъ соціалъ-демократію болѣе точнымъ образомъ опредѣлить въ этомъ случаѣ свою позицію.

Л. П.

КЪ ВОПРОСУ О ПОВЕДЕНІИ НА СУДѢ.

Товарищи! Прежде чѣмъ писать рѣчи для произнесенія ихъ на судѣ, не мѣшало бы отвѣтить на вопросъ, какъ держать себя на этомъ „особенномъ" судѣ. Разумѣется, важенъ отвѣтъ не отдѣльныхъ лицъ, не участниковъ одного процесса, даже не только всѣхъ сидящихъ въ одной тюрьмѣ, важенъ отвѣтъ всей партіи, потому что только тогда, когда участники всѣхъ процессовъ будутъ дѣйствовать планомѣрно и единообразно, какъ члены одной партіи и только тогда политическіе процессы бу-

[1] Печатаемъ эту статью какъ голосъ товарища несогласнаго съ той постановкой вопроса, которая намѣчена въ № 71 „Искры" и которую мы продолжаемъ считать правильной. Къ вопросу о поведеніи на судѣ мы еще вернемся, разсчитывая, что въ дискуссіи по этому вопросу примутъ участіе и другіе товарищи-практики.

дутъ импонировать, дѣйствительно послужатъ революціонному дѣлу и разрушатъ планы правительства. П. О. и Ц. К., на основаніи матеріала, который дадутъ члены партіи, выработаютъ руководящія начала для тѣхъ членовъ партіи, которымъ придется фигурировать на судѣ; мы же не только можемъ, но и на встрѣчу всестороннему партійному обсужденію вопроса, но теперь-же для себя должны придти къ опредѣленному рѣшенію его, такъ какъ судъ близокъ, а партійное рѣшеніе можетъ запоздать. Прежде всего, какова задача этого суда и каковъ этотъ судъ? 26 го января правительство объявило о войнѣ съ „внѣшними" врагами, а 28-го января объявило войну, не на животъ, а на смерть, внутреннему врагу, внося въ государственный совѣтъ свой „каторжный законъ" противъ политическихъ. Судъ „Плеве" задается цѣлью раздавить движеніе. Правительству необходимо было: 1) прекратить рецидивъ, вырвать революціонные корни и, хоть на три, на четыре года, задержать возвратный потокъ революціонныхъ силъ (арестанскія роты и крѣпость по суду должны замѣнить административную ссылку, нисколько не гарантировавшую отъ побѣговъ). 2) правительству необходимо было открыть „корни" и „китя", развязать языки тѣмъ, которые, въ громадномъ большинствѣ, отказывались отъ разговоровъ съ жандармами и тѣмъ самымъ, приводили къ невозможности сострящать хоть одно серьезное дѣло. Заѣзженная жандарскій мундиръ судейскимъ, а застѣнокъ комедіей суда, ссылку — каторгой и ротами, правительство хочетъ вызвать революціонеровъ на разговоры и, тѣмъ самымъ, вынудить для себя полезныя свѣдѣнія для „уловленія" неловимыхъ. 3) правительству необходимо было отпугнуть колеблющихся, отпугнуть людей съ положеніемъ, всѣхъ, кому есть что, терять, и вотъ „въ виду безнаказанности политическихъ преступленій", какъ говоритъ реакціонная партія, законъ преподноситъ арестантскія роты, лишеніе правъ и тѣлесныя наказанія для всѣхъ, кто помнитъ еще о собственной шкурѣ. Судъ — это отвѣтъ революціонерамъ. Это попытка изъять, прикончить и запугать революціонеровъ. Опоившая россійскій народъ о судѣ, правительство знало, что сотни политическихъ процессовъ грозятъ безпокойствомъ и цѣлымъ рядомъ скандаловъ, которые могутъ взволновать даже равнодушныхъ и вызвать еще большее броженіе умовъ. И вотъ, во избѣжаніе скандаловъ, правительство готовитъ соотвѣтственную обстановочку. Съ одной стороны, особый политическій судъ при закрытыхъ дверяхъ!), особенные судьи, особенные прокуроры, искусственно подобранные, съ другой стороны, особенныя инструкціи, въ которыхъ министры будутъ сообщать судьямъ о видахъ правительства и объ особо важныхъ и тайныхъ документахъ, которые необходимо будутъ приняты къ свѣдѣнію. Для обвиненія политическихъ будутъ пущены всѣ пріемы. Громадное поле для революціоннаго протеста и для адвокатскихъ „обвиненій", но это поле вырываетъ изъ подъ нашихъ ногъ: 1) защищать по нынѣшнему закону могутъ политическихъ только *присяжные повѣренные*, а не помощники. Всѣмъ извѣстно, что громадное большинство евреевъ до конца дней своихъ такъ и останутся помощниками, несмотря на какой срокъ 5 лѣтъ,— это разъ. Затѣмъ, присяжные повѣренные гораздо разсудительнѣе: они прекрасно понимаютъ, чѣмъ имъ грозитъ новый законъ, который говоритъ о „преступномъ возбужденіи революціонной дѣятельности". Кромѣ того, не мѣшаетъ помнить, что только 2-3 года послѣдніе въ адвокатскую среду направились гражданскіе-стойкіе люди, но они помощники присяжныхъ повѣренныхъ и теперь по закону, лишены возможности выступать на судѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, привлекая на судъ не только профессіональныхъ революціонеровъ, а громадное количество только революціонно настроенныхъ и даже случайныхъ обвиняемыхъ, привлекая главныхъ и сообщниковъ, грозя каторгой и ротами, правительство тѣмъ самымъ ослабитъ революціонную рѣчь виновниковъ. На одну революціонную рѣчь человѣка, который не жалѣетъ себя и клеймятъ правительство, окажется нѣсколько рѣчей со стороны тѣхъ, кто жалѣетъ себя и оправдываетъ передъ преступными правительствомъ. Мало того, при массѣ процессовъ попадаетъ невзначай и сила прежней революціонной рѣчи и то, что неожиданно и рѣзко звучало въ Сормовѣ, Саратовѣ или Ростовѣ, теперь будетъ терятся въ массѣ слабаго, а иногда безграмотнаго лепета. Наша задача заключаетъ этотъ судъ предъ'Ѣзжимъ, поддержать достоинство партіи и не пойти въ ловушку правительства. Мнѣ кажется, лучшее средство для этого неприманіе этого гнуснаго „дома терпимости" — судомъ, царскихъ палачей — нашими судьями. Правительство судомъ отвѣтило на революціонное движеніе; отказъ отъ какихъ либо разговоровъ, рѣчей на судѣ — вотъ достойный отвѣтъ революціонеровъ на эту комедію. Достойные отвѣтъ и наиболѣе выгодный для насъ, не забывайте этого. Не нужно рѣчей, не нужно адвокатовъ!

Въ апрѣлѣ 1834 го г. вспыхнуло въ Лионѣ и Парижѣ возстаніе. По усмиреніи мятежа, въ 1835 г. открылся апрѣльскій

[2] Допускаютъ одно лицо, и то не братьевъ и сестеръ, а только мать, отца или жену.

не смолкавшихъ криковъ и рукоплесканій. Вышла цѣлая демонстрація, которая произвела сильное впечатлѣніе даже на людей, видавшихъ на своемъ вѣку и не такіе виды. Я упоминаю объ этомъ, разумѣется, не для того, чтобы похвастаться своимъ успѣхомъ передъ читателями „Искры" и для того, чтобы обратить ихъ вниманіе на интересную черту психологіи сѣзда. Одинъ изъ австрійскихъ делегатовъ удивился потомъ, въ разговорѣ со мной, тому, что представители международной соціалъ-демократіи могли придти къ такой восторгъ вызвавшему поступку, который подскакивался всѣмъ нашимъ міросозерцаніемъ. „Тому же не извѣстно — воскликнулъ онъ, — что мы, соціалъ-демократы, противъ войны"? Это всѣ самомъ дѣлѣ всѣмъ извѣстно, и всѣ делегаты, навѣрно, помнили какъ относящимся къ милитаризму рѣшеніи предыдущихъ международныхъ сѣздовъ, такъ и тѣ дружескіе адресы, которыми обмѣнивались между собою соціалистическіе рабочіе Франціи и Германіи при началѣ франко-прусской войны. Почему же они пришли въ такое возбужденіе при видѣ „позорнаго поступка"? Да просто потому, что они вовсе не такіе сухіе и холодные люди, какими ихъ считаютъ многіе сентиментальныя старушки, просто потому что торжественное открытіе сѣзда нѣсколькихъ тысячъ ихъ душъ своей тѣсной имъ оглушалъ къ своему дѣлу, и этому оглушалу нужны были только поэтическій поводъ, чтобы шумно вырваться наружу. Вотъ и все. И этотъ маленькое обстоятельство очень знаменательно. Пролетаріи всѣхъ странъ могутъ только радоваться тому, что у нихъ представителей такъ много оглушала. Еще болѣе справедливо сказать, что безъ оглушала — „безъ страсти" — не сдѣлано ничего великаго въ исторіи ....

Заканчивая свою рѣчь, я замѣтилъ, что соціалистическій пролетаріатъ является единственнымъ въ настоящее время носителемъ прогресса, и что всѣ тѣ, которые стоятъ или другой странѣ мѣшаютъ тому или другое дѣйствительно прогрессивное дѣло, невольно обращаютъ свои взоры въ сторону соціалистическаго пролетаріата. Наиболѣе яркимъ доказательствомъ справедливости этихъ моихъ словъ служило присутствіе на сѣздѣ, въ англійской депеціи — пристѣдающаго *шодуса* Дадабгая Наороджи, который пріѣхалъ для того, чтобы передъ лицомъ международнаго пролетаріата протестовать противъ долгаго, безпощаднаго и систематическаго угнетенія его родины Англіей. Когда, на одномъ изъ слѣдующихъ засѣданій онъ сталъ объяснять цѣль своего пріѣзда, ему устроили цѣлую овацію. Рѣшеніе принятое сѣздомъ по этому вопросу, гласитъ такъ:

„Собраніе представителей рабочихъ всего цивилизованнаго міра выслушало отъ представителей Англіи и Индіи, что въ Индіи, какъ и повсюду, Англія не перестаетъ отнимать у народа всѣ источники существованія, что она эксплуатируетъ и обворовываетъ его, что она является источникомъ величайшихъ бѣдствій, лишеній и голода для болѣе, чѣмъ 200 милліоновъ туземцевъ на индійской почвѣ. Международный сѣздъ обращаетъ і поэтому съ призывомъ къ рабочему классу Великобританіи и приглашаетъ его побудить свое правительство къ уничтоженію нынѣшней безразсудной и позорной колоніальной системы и къ замѣнѣ ея мѣрами осуществимыми самоуправленіемъ. Индія подъ верховной властью Англіи".

Угнетенное человѣчество, дѣйствительно, не имѣетъ теперь другого защитника, кромѣ революціоннаго пролетаріата. И, разумѣется, его дѣлаетъ пролетаріату чрезвычайно большую честь то что имѣетъ и свои недостатка. Не достаточно испытывать извѣстное угнетеніе для того, чтобы ясно понять задачи соціализма и усвоить себѣ соціалистическое міросозерцаніе. Неудивительно поэтому, что на международные соціалистическіе сѣзды посылаютъ нерѣдко своихъ представителей такіе общественные элементы, которые въ сущности очень далеки отъ современнаго соціалистическаго движенія и имѣютъ о немъ лишь весьма смутное понятіе. Какъ быть съ ихъ делегатами? Если ихъ явится слишкомъ много, то ихъ присутствіе можетъ поставить въ затруднительное положеніе, хотя и не весь сѣздъ, но по крайней мѣрѣ большинство тѣхъ странъ, изъ которыхъ они пріѣдутъ. Въ виду этого казалось бы, что международные сѣзды должны очень разборчиво относиться къ соціалистическому „стаффу" организаціи посылающихъ къ нимъ своихъ делегатовъ. Но во первыхъ делегаты болѣе или менѣе неопредѣленнаго и сомнительнаго образа мыслей являются преимущественно изъ такихъ странъ, общественная жизнь которыхъ — всѣ-таки еще что нибудь изъ политики и свободы, которая позволила бы всѣмъ ихъ партіямъ, какъ свое цѣлу всѣхъ на виду — крайне мало извѣстна другимъ народамъ. Легко ли разобраться сказать безъ тщу Вандервельде и его сподвижу Трульстра въ вопросѣ о томъ, что представляетъ собою на самомъ дѣлѣ та и другая русская, польская, литовская, армянская или грузинская „соціалистическая" организація. Не только не легко но прямо не возможно за недостаткомъ отсутствіемъ у нихъ всѣхъ нужныхъ для этого данныхъ.

Если же нельзя разобраться въ вопросѣ и высказаться о немъ, то можно принять *практическое рѣшеніе*, да еще такое, которое, *никого*, оскорбитъ данную организацію и *выразитъ* ея властелина нее извѣстныя практическія затрудненія. Если бы у насъ были серьезныя данныя, если бы большинство членовъ сѣзда твердо знало что такая-то грузинская, армянская, литовская, польская или русская организація называетъ обществомъ соціалистическаго болѣе или менѣе строгаго толка, то тогда можно бы рѣшить бы удалить ея делегатовъ. Noblesse oblige (знаніе дворянина налагаетъ извѣстныя обязанности говорилъ въ старину Франціи). Теперь можно сказать что благородное званіе представителя соціалистическихъ пролетаріевъ обязываетъ быть снисходительнымъ. Если угнетенное человѣчество имѣетъ теперь въ соціалистическомъ пролетаріатѣ единственнаго надежнаго и бескорыстнаго защитника, если этому пролетаріату дана надлежитъ гегемонія во всѣмъ прогрессивномъ движеніи современныхъ цивилизованныхъ народовъ, то какъ нельзя болѣе естественно, что въ такіе рѣшительные и торжественные моменты, какими являются его международные сѣзды, къ его представителямъ пожелаютъ примкнуть также и представители другихъ общественныхъ слоевъ, разумѣется, несравненно менѣе революціонныхъ и универсальныхъ, но все же *до извѣстной степени* служащихъ цѣлу поступательнаго движенія. И точно также естественно, что представители пролетаріата только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ и только при обстоятельствахъ, не оставляющихъ у нихъ ровно никакихъ сомнѣній, рѣшатся оттолкнуть отъ себя, удалить изъ своей среды представителей такихъ общественныхъ слоевъ. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ они добродушно скажутъ имъ: „мы очень рады вамъ, поѣдите съ нами", соѣмъ не отдавая себѣ отчета въ томъ, что подобное гостепріимство можетъ вредно отразиться, на *пролетарскомъ* движеніи тѣхъ странъ, откуда явились эти „тоже соціалистическіе" представители болѣе или менѣе прогрессивныхъ, не пролетарскихъ теченій. Конечно, нѣтъ правила безъ исключеній. Если бы подобные „тоже-соціалисты" пріѣхали изъ Германіи и если бы германская *соціалъ-демократическая* делегація потребовала отъ сѣзда ихъ удаленія, то они навѣрно, не получили бы делегатскихъ картъ. Но въ томъ-то и дѣло, что германскіе", тоже-соціалисты", Бернштейнъ и его почтенная компанія, — пока еще стоятъ подъ знаменемъ соціалъ-демократической партіи и потому являются на сѣздъ имѣть съ настоящими ея представителями; за представителями же соціалъ-демократіи изъ Германіи нѣтъ по крайней мѣрѣ такихъ, „тоже-соціалистовъ", у которыхъ могло бы возникнуть желаніе побывать на международномъ сѣздѣ. Правда, мѣстами тамъ имѣются и очень небольшомъ количествѣ анархисты но анархисты — какъ это всѣмъ извѣстно, — не соціалистическія организованные сѣзды сообщь не допускаются; стало быть и тѣмъ самымъ соціалъ-демократическихъ делегатамъ не приходится теперь и принимать на сѣздѣ подобные вопросы. Не то мы видимъ, напримѣръ въ Англіи. Англійскіе соціалъ-демократы имѣли бы законное основаніе поднять такой вопросъ. На международные сѣзды съ давнихъ поръ пріѣзжаютъ представители отъ такъ называемой себя *Независимой Рабочей Партіи*. Соціалистическія понятія членовъ этой партіи до крайности смутны ея вождь Кэръ Гарди высказывается *даже противъ борьбы классовъ*. Такъ какъ ..... по постановленію брюссельской международной конференціи 1899 г. — признаніе этой борьбы составляетъ одно изъ необходимыхъ условій допущенія на международные сѣзды — англійская соціалъ-демократическая федерація имѣла бы основаніе говоря, полное право требовать удаленія съ нихъ делегатовъ независимой рабочей партіи. Она не дѣлаетъ этого. Почему же? Вѣроятно, по той простой причинѣ, что имѣетъ психологію международныхъ сѣздовъ и понимаетъ что ея требованіе было бы отклонено. Въ виду этого можно сказать, можетъ быть, что международные сѣзды проявляютъ свою снисходительность дальше, чѣмъ это допускается требованіями логики. Я спорить не стану. И только замѣчу, что эта чрезвѣрная, — и нелогичная, — снисходительность имѣетъ свое достаточное основаніе Въ самомъ дѣлѣ, воображаю, что должно было бы произойти

побережья. Покупая партію угля, онъ складывалъ его гдѣ-нибудь на берегу, а броненосецъ или крейсеръ, нуждающійся въ немъ, уже самъ долженъ былъ ихать къ указанному Гинбургомъ пункту и запасаться углемъ. Вотъ отчего случилось, что, хотя войны всѣ ждали со дня на день, нашъ Тихо-Океанскій флотъ оказался разсѣяннымъ по всему побережью Океана: русскія суда стояли во Владивостокѣ, Чемульпо, Портъ-Артурѣ, Дальнемъ, въ Шанхаѣ и даже въ Нагасаки; вотъ почему наша владивостокская эскадра два мѣсяца оставалась въ бездѣйствіи, она не могла покинуть гавани, у нея не было угля, и капитанъ Рейценштейнъ виновенъ въ этомъ не больше другихъ; вотъ почему свѣдующіе люди удивляются не тому, что нашъ флотъ разбитъ, а тому, что онъ такъ долго не былъ разбитъ, — онъ страдалъ отъ недостатка угля. Такова была „неподготовленность“ флота.

Мы, конечно, знаемъ, что съ окончаніемъ войны начнутся уголовные процессы по обвиненію кое какихъ мелкихъ административныхъ сошекъ въ злоупотребленіяхъ, мошенничествахъ, взяткахъ и взяточничествѣ. Но развѣ подобныя преслѣдованія послѣ севастопольской кампаніи помѣшали повторенію того же самаго въ русско-турецкую войну, развѣ преслѣдованія послѣ русско турецкой войны помѣшали повторенію этого теперь? Развѣ и мошенничество присуще самодержавному режиму, неотдѣлимы отъ него, органически связаны съ его природой, и могутъ быть удалены изъ сферы управленія только тогда, когда это управленіе будетъ подчинено контролю народныхъ представителей.

Но продажность администраціи и казнокрадство — только одна изъ многихъ причинъ, приведшихъ русскую армію къ разгрому. Конечно, эта причина немаловажная. Не знающіе отвѣтственности интенданты поставляютъ въ армію сухари съ опилками, мундирную одежду изъ гнилого сукна, предметы военнаго снаряженія, не выдерживающіе и недѣли похода. Полуголодный и оборванный солдатъ — плохой воякa. Но для успѣха дѣла настроеніе арміи, сознательность и интеллигентность солдатъ еще болѣе важны, чѣмъ матеріальныя условія ихъ жизни. Самодержавному правительству это прекрасно извѣстно, но въ этомъ отношеніи оно всегда было въ непримиримомъ противорѣчіи съ самимъ собой. Оно понимало, что невѣжество народныхъ массъ — одно изъ условій его существованія, и сознало всевозможныя препятствія дѣлу народнаго образованія; оно подчинило его опекѣ невѣжественныхъ поповъ, всячески стѣсняло просвѣтительную дѣятельность земствъ и частныхъ лицъ, оно затруднило всѣми возможными способами учрежденіе народныхъ библіотекъ, открытіе школъ, устройство популярныхъ чтеній и т. п., оно подчинило надзору низшихъ органовъ полиціи всѣхъ сельскихъ учителей и поставило ихъ въ унизительную зависимость отъ администраціи, чтобы уронить ихъ авторитетъ въ глазахъ мѣстнаго населенія. Теперь ему приходится пожинать плоды этой политики. Казаки, такъ лихо разгонявшіе толпы мирныхъ демонстрантовъ, оказались никуда негодными даже для развѣдочной службы. Каждый японскій кавалеристъ снабженъ биноклемъ и картой, а нашъ казакъ не только не имѣетъ, что за штука бинокль, онъ до войны не зналъ даже того, что есть на свѣтѣ японцы. Генералъ Мищенко въ отчаяніи отъ ихъ невѣжества. По разсказу одного корреспондента, назначій разъѣздъ, возвратившійся съ рекогносцировки, не могъ объяснить, какого рода оружія былъ непріятель, каковы его силы и проч., суммируя всѣ свои впечатлѣнія общей фразой: „непріятеля видимо-невидимо, в. п.!“ Это же невѣжество сослало очень благопріятную почву для распространенія среди солдатъ суевѣрныхъ слуховъ о разныхъ чудодѣйственныхъ средствахъ, которыми, будто бы, пользуются японцы, „отводя глаза“, становясь невидимыми и т. п. Бой на большомъ разстояніи, когда противникъ виденъ лишь въ неопредѣленныхъ контурахъ, требуетъ отъ солдата личной инициативы, способности примѣняться къ мѣстности, вообще, дѣйствовать безъ приказанія, а къ этому онъ солдатъ, привыкшій лишь безпрекословно повиноваться, въ массѣ совершенно не способенъ.

Настроеніе арміи въ такіе моменты возбужденія, какъ война, тѣсно связано съ настроеніемъ общественнаго мнѣнія, тѣмъ болѣе, что съ мобилизаціей подъ знамена призываются изъ среды народа масса запасныхъ, давно забывшихъ всякую дисциплину, и живущихъ интересами не казармы, а той общественной среды, къ которой они принадлежатъ. Даже реакціонная печать признала, что война не популярна въ народѣ. Всѣ въ большей или меньшей степени понимаютъ, что самодержавное правительство начало войну въ надеждѣ укрѣпить свое пошатнувшееся положеніе и отвлечь вниманіе народа отъ вопросовъ внутренней жизни, отъ борьбы съ самимъ самодержавіемъ. Кровью десятковъ, а можетъ быть, и сотенъ тысячъ солдатъ хотѣло оно залить искру политическаго сознанія, вспыхнувшую въ головахъ русскаго пролетаріата, и заглушить шумными криками въ честь своихъ побѣдъ призывъ „долой самодержавіе!“, ставшій уже паролемъ дня. Но самодержавіе дурно разсчитало.

Внутренній врагъ, на котораго такъ долго и съ такимъ блестящимъ успѣхомъ русское воинство изощряло мѣткость своей стрѣльбы, оказался теперь въ рядахъ этого самаго воинства въ немаломъ количествѣ и не обнаружилъ особеннаго усердія къ защитѣ царскаго дѣла. Этимъ внутреннимъ врагомъ оказались далеко не одни социалисты! Солдаты угнетенныхъ народностей, поляки, армяне, литовцы, евреи и др., понимая, что побѣда русскаго оружія только укрѣпитъ тотъ режимъ, подъ гнетомъ котораго они такъ долго страдали, который они ненавидятъ до глубины души и на борьбу съ которымъ они и ихъ братья отдавали свои лучшія силы. Начиная съ 1899 года, расположенные на Дальнемъ Востокѣ полки усиленно пополнялись поляками, которыхъ правительство посылало туда съ цѣлью удалить ихъ изъ родныхъ мѣстъ, гдѣ они, конечно, не стали бы по первому приказу стрѣлять въ своихъ братьевъ и земляковъ, желающихъ добиться лучшей доли и вступившихъ въ борьбу съ царскимъ правительствомъ. Въ результатѣ 20% русскихъ плѣнныхъ — поляки. Крестьяне, призванные теперь изъ запаса, также не пламенѣютъ желаніемъ постоять за царя-батюшку. Они тщетно пытаются объяснить себѣ, изъ за чего собственно ведется эта война, для чего понадобились дарю новыя земли, когда въ Россіи и Сибири у него огромнѣйшія площади пустующихъ земель и лѣсовъ; они хорошо знаютъ лишь одно то, что сами они не получатъ новыхъ земель и, вообще, никакихъ выгодъ отъ этой войны, по прежнему будутъ биться въ тискахъ нищеты, страдать отъ тяжести непомѣрныхъ повинностей и налоговъ, отъ произвола полиціи и всякаго другого начальства, по прежнему останутся безправными сословіемъ, зависимымъ отъ дворянства, лишеннымъ свѣта и свободы. Правда, многіе изъ нихъ годами нужды и угнетенія доведены до состоянія полной апатіи и не чувствуютъ ни ненависти, ни злобы; они отупѣли до того, что смыслятъ съ своимъ положеніемъ, и не сознаютъ необходимости измѣнить его. Но, истощенные хроническими голодовками, тупые, невѣжественные и забитые, они могутъ служить только пушечнымъ мясомъ и безмолвно умирать подъ ударами чудовищъ японской артиллеріи. О „патріотизмѣ“ солдатъ изъ рядовъ промышленнаго пролетаріата нечего, конечно, и говорить: площади большихъ городовъ столько разъ обагрялись его кровью въ борьбѣ съ существующимъ порядкомъ!

Таково настроеніе арміи. Столь же непопулярна война и въ обществѣ. Она принесла съ собой промышленный кризисъ застой въ торговлѣ, стѣсненіе кредита; сотни тысячъ рабочихъ оказались выброшенными на мостовую и переживаютъ всѣ ужасы безработицы. Господствующіе классы смотрятъ на правительство, какъ хозяинъ на своего провороваршагося приказчика, и готовятся предать его суду. Ему вѣрятъ такъ мало, что даже пожертвованія на красный крестъ почти совершенно прекратились. Къ этому присоединяется для правительства еще отсутствіе денегъ. Судорожно бросается оно отъ одной европейской биржи къ другой въ тщетныхъ поискахъ займа. Европейская буржуазія понимаетъ, что это должникъ ненадежный, близкій къ банкротству. Ему остается старое героическое, но самоубійственное средство: выпускъ кредитныхъ билетовъ.

Окруженное атмосферой общаго недовѣрія, ненависти и презрѣнія, оно начинаетъ понимать, что стоитъ на краю пропасти и въ отчаяніи пытается найти себѣ помощь цѣной политическихъ уступокъ господствующимъ классамъ. Его наемные писаки заговорили о реформахъ, министръ внутрен. дѣлъ заявляетъ себя другомъ студентовъ, „Гражданинъ“ проситъ мира. Мы знаемъ, что добровольно правительство не сдѣлаетъ никакихъ существенныхъ политическихъ уступокъ, даже господствующимъ классамъ, но мы думаемъ, что переживаемый моментъ благопріятствуетъ тому, чтобы заставить его пойти на такія уступки, и обязываетъ социалдемократію болѣе точнымъ образомъ опредѣлить въ этомъ случаѣ свою позицію.

Л. П.

КЪ ВОПРОСУ О ПОВЕДЕНІИ НА СУДѢ[1]).

Товарищи! Прежде, чѣмъ писать рѣчи для произнесенія ихъ на судѣ, не мѣшало бы отвѣтить на вопросъ, какъ держать себя на этомъ „особенномъ“ судѣ. Разумѣется, важенъ отвѣтъ не отдѣльныхъ лицъ, не участниковъ одного процесса, даже не только всѣхъ сидящихъ въ одной тюрьмѣ — важенъ отвѣтъ всей партіи, потому что только тогда, когда участники всѣхъ процессовъ будутъ дѣйствовать планомѣрно и единообразно, какъ члены одной партіи, только тогда политическіе процессы будутъ вмѣнены, дѣйствительно послужатъ революціонному дѣлу и разрушатъ планы правительства. П. О. и Ц. К., на основаніи матеріала, который дадутъ члены партіи, выработаютъ руководящія начала для тѣхъ членовъ партіи, которымъ придется фигурировать на судѣ; мы же не только можемъ пойти на встрѣчу всестороннему партійному обсужденію вопроса, но теперь-же для себя должны придти къ опредѣленному рѣшенію его, такъ какъ судъ близокъ, а партійное рѣшеніе можетъ запоздать. Прежде всего, какова задача этого суда и какова тактика суда? 26 го января правительство объявило о войнѣ съ „внѣшними“ врагами, а 28-го января объявило войну, не на животъ, а на смерть, внутреннему врагу, внося въ государственный сводъ свой „каторжный законъ“ противъ политическихъ. Судъ „Плевс“ задается цѣлью раздавить движеніе. Правительству необходимо было: 1) прекратить рецидивъ, вырвать революціонные корни и, хоть на три, на четыре года, задержать возвратный потокъ революціонныхъ силъ (арестанскія роты и крѣпость по суду должны замѣнить административную ссылку, нисколько не гарантировавшую отъ побѣговъ). 2) правительству необходимо было открыть „корни“ и „китя“, развязать языки тѣмъ, которые, въ громадномъ большинствѣ, отказывались отъ разговоровъ съ жандармами и, тѣмъ самымъ, приводили къ невозможности сострящать хоть одно серьезное дѣло. Замѣнивъ жандармскій мундиръ судейскимъ, а застѣнокъ комедіей суда, ссылку — каторгой и ротами, правительство хочетъ вызвать революціонеровъ на разговоры и, тѣмъ самымъ, вынудить для себя полезныя свѣдѣнія для „уловленія“ неуловимыхъ. 3) правительству необходимо было отпугнуть колеблющихся, отпугнуть людей съ положеніемъ, всѣхъ, кому есть что, терять, и вотъ „въ виду безнаказаннности политическихъ преступленій“, какъ говоритъ реакціонная партія, законъ преподноситъ арестантскія роты, лишеніе правъ и тѣлесныя наказанія для всѣхъ, кто помнитъ еще о собственной шкурѣ. Судъ — это отвѣтъ революціонеркамъ. Это попытка изъять, прикончить и запугать революціонеровъ. Оповѣщая россійскій народъ о судѣ, правительство знало, что сотни политическихъ процессовъ грозятъ безпокойствомъ и цѣлымъ рядомъ скандаловъ, которые могутъ взволновать даже равнодушныхъ и вызвать еще большее броженіе умовъ. И вотъ, во избѣжаніе скандаловъ, правительство готовитъ соотвѣтственную обстановочку. Съ одной стороны, особый политическій судъ при закрытыхъ дверяхъ[1]), особенные суды, особенные прокуроры, искусственно подобранные, съ другой стороны, особенныя инструкціи, въ которыхъ министры будутъ сообщать судьямъ и лицамъ правительства в объ особо важныхъ и тайныхъ документахъ, которые необходимо будутъ приняты къ свѣдѣнію. Для обвиненія политическихъ будутъ пущены всѣ пріемы. Громадное поле для революціоннаго протеста и для адвокатскихъ „обвиненій“, но это поле вырывается изъ подъ нашихъ ногъ: 1) защищать по новому закону могутъ политическихъ только *присяжные повѣренные*, а не помощники. Всѣмъ извѣстно, что громадное большинство евреевъ до конца дней своихъ такъ и останутся помощниками, несмотря на какой срокъ (5 лѣтъ) — это разъ. Затѣмъ, присяжные повѣренные гораздо разсудительнѣе: они прекрасно понимаютъ, чѣмъ имъ грозитъ новый законъ, который говоритъ о „преступномъ возхваленіи революціонной дѣятельности“. Кромѣ того, не мѣшаетъ помнить, что только 2-3 года послѣдніе въ адвокатскую среду направлялись гражданскіе-стойкіе люди, но они помощники присяжныхъ повѣренныхъ и теперь по закону, лишены возможности выступать на судѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, привлекая на судъ не только профессіональныхъ революціонеровъ, а громадное количество только революціонно настроенныхъ и даже случайныхъ обвиняемыхъ, привлекая главныхъ и пособниковъ, героя каторгой и ротами, правительство тѣмъ самымъ ослабитъ революціонную рѣчь виновниковъ. На одну революціонную рѣчь человѣка, который не жалѣетъ себя и клеймитъ правительство, окажется нѣсколько рѣчей со стороны тѣхъ, кто жалѣетъ себя и оправдывается передъ преступнымъ правительствомъ. Мало того, при массѣ процессовъ пропадаетъ новизна и сила прежней революціонной рѣчи и то, что неожиданно и рѣзко звучало въ Сормовѣ, Саратовѣ или Ростовѣ, теперь будетъ терятся въ массѣ слабаго, а иногда безграмотнаго лепета. Наша задача: заклеймить этотъ судъ презрѣніемъ, поддержать достоинство партіи и не пойти въ ловушку правительства. Мнѣ кажется, лучшее средство для этого: непризнаніе этого гнуснаго „дома терпимости“ — судомъ, царскихъ палачей — нашими судьями. Правительство судомъ отвѣтило на революціонное движеніе: отказъ отъ какихъ либо разговоровъ, рѣчей на судѣ — вотъ достойный отвѣтъ революціонеровъ на эту комедію. Достойный отвѣтъ и наиболѣе выгодный для насъ, не забывайте этого. Не нужно рѣчей, не нужно адвокатовъ!

Въ апрѣлѣ 1834-го г. вспыхнуло въ Лионѣ и Парижѣ возстаніе. Но усмиреніи мятежа, въ 1835 г. открылся апрѣльскій

[1]) Печатаемъ эту статью, какъ голосъ товарища, несогласнаго съ той постановкой вопроса, которая нами дана въ № 71 „Искры“ и которую мы продолжаемъ считать правильной. Къ вопросу о поведеніи на судѣ мы еще вернемся, разсчитывая, что въ дискуссіи по этому вопросу примутъ участіе и другіе товарищи-практики.

[1]) Допускаютъ одно лицо, и то не братьевъ и сестеръ, а только мать, отца или жену.

не смолкавшихъ криковъ и рукопесканій. Вышла цѣлая демонстрація, которая произвела сильное впечатлѣніе даже на людей, видавшихъ на своемъ вѣку и не такіе виды. Я упоминаю объ этомъ, разумѣется, не для того, чтобы похвастаться своимъ успѣхомъ передъ читателемъ „Искры“, а для того, чтобы обратить ихъ вниманіе на интересную черту психологіи съѣзда. Одинъ изъ австрійскихъ делегатовъ удивлялся потомъ, въ разговорѣ со мной, тому, что представители международной социалдемократіи могли придти въ такой восторгъ въ виду поступка, который подсказывался всѣмъ нашимъ міросозерцаніемъ. „Кому же неизвѣстно — воскликнулъ онъ, — что мы, социалдемократы, противъ войны“? Это въ самомъ дѣлѣ всѣмъ извѣстно; и всѣ делегаты, навѣрно, помнили какъ относящіяся къ милитаризму рѣшенія предыдущихъ международныхъ съѣздовъ, такъ и тѣ дружескіе адресы, которыми обмѣнивались между собою сознательные рабочіе Франціи и Германіи при началѣ франко-прусской войны. Почему же они пришли въ такое возбужденіе при видѣ „позорнаго поступка“? Да просто потому, что они вовсе не такіе сухіе и холодные люди, какими ихъ считаютъ многія сентиментальныя старушки; просто потому, что торжественное открытіе съѣзда всколыхнуло въ ихъ душѣ свойственный имъ энтузіазмъ къ своему дѣлу, и этому энтузіазму нуженъ былъ только подходящій поводъ, чтобы шумно вырваться наружу. Вотъ и все. И это маленькое обстоятельство очень знаменательно. Пролетаріи всѣхъ странъ могутъ только радоваться тому, что у его представителей такъ много энтузіазма. Еще Гегель справедливо сказалъ, что безъ энтузіазма — „безъ страсти“ — не дѣлалось ничего великаго въ исторіи ...

Заканчивая свою рѣчь, я замѣтилъ, что социалистическій пролетаріатъ является единственнымъ въ настоящее время носителемъ прогресса, и что, вслѣдствіе этого, всѣ тѣ, которые въ той или другой странѣ защищаютъ то или другое дѣйствительно прогрессивное дѣло, невольно обращаютъ свои взоры въ сторону социалистическаго пролетаріата. Наиболѣе яркимъ доказательствомъ справедливости этихъ моихъ словъ служило присутствіе на съѣздѣ, — въ *англійской* делегаціи, — престарѣлаго *индуса* Дадабгая Наороджи, который пріѣхалъ для того, чтобы передъ лицомъ международнаго пролетаріата протестовать противъ долгаго, безпощаднаго и систематическаго угнетенія его родины Англіей. Когда, на одномъ изъ слѣдующихъ засѣданій, онъ сталъ объяснять цѣль своего пріѣзда, ему устроили цѣлую овацію. Рѣшеніе принятое съѣздомъ по этому вопросу, гласитъ такъ:

„Собраніе представителей рабочихъ всего цивилизованнаго міра выслушало отъ представителей Англіи и Индіи, что въ Индіи, какъ и повсюду, Англія не перестаетъ отнимать у народа всѣ источники существованія, что она эксплуатируетъ и обворовываетъ его, что она *является источникомъ величайшихъ* бѣдствій, лишеній и голода для болѣе, чѣмъ 200 милліоновъ *жителей* на индійской почвѣ. Международный съѣздъ обращаетъ *ли* поэтому съ призывомъ къ рабочему классу Великобританіи и приглашаетъ его побудить свое правительство къ уничтоженію нынѣшней безрассудной и позорной колоніальной системы и къ замѣнѣ ея легко осуществимымъ самоуправленіемъ Индіи подъ верховной властью Англіи“.

Угнетенное человѣчество, дѣйствительно, не имѣетъ теперь другого защитника, кромѣ революціоннаго пролетаріата. И, разумѣется, это дѣлаетъ пролетаріату чрезвычайно большую честь. Но это имѣетъ и свои неудобства. Не достаточно испытывать извѣстное угнетеніе для того, чтобы ясно понять задачи социализма и усвоить себѣ социалистическое міросозерцаніе. Неудивительно, поэтому, что на международные социалистическіе съѣзды посылаютъ подчасъ своихъ представителей такіе общественные элементы, которые въ сущности очень далеки отъ современнаго социалистическаго движенія и имѣютъ о немъ лишь весьма смутное понятіе. Какъ быть съ ихъ делегатами? Если ихъ явится очень много, то ихъ присутствіе можетъ поставить въ затруднительное положеніе, хотя и не весь съѣздъ, то по крайней мѣрѣ делегаціи тѣхъ странъ, изъ которыхъ они пріѣдутъ. Въ виду этого, казалось бы, что международный съѣздамъ слѣдуетъ очень разборчиво относиться къ социалистическому „credo“ организацій, посылающихъ на нихъ своихъ делегатовъ. Но, во первыхъ, делегаты болѣе или менѣе неопредѣленнаго и сомнительнаго образа мыслей являются преимущественно изъ такихъ странъ, общественная жизнь которыхъ, — вслѣдствіе того, что въ нихъ нѣтъ политической свободы, которая позволяла бы всѣмъ ихъ партіямъ дѣлать свое дѣло у всѣхъ на виду, — крайне мало извѣстна другимъ народамъ. Легко ли разобратся, скажемъ бельгійцу Вандервельду или голландцу Трульстрѣ въ вопросѣ о томъ, что представляетъ собою на самомъ дѣлѣ та или другая русская, польская, литовская, армянская или грузинская „социалистическая“ организація? Не только не легко, но прямо невозможно за полнѣйшимъ отсутствіемъ у него всякихъ сколько-нибудь убѣдительныхъ данныхъ.

Если же нельзя *разобратся*, то нельзя и *высказатся*, а еще менѣе можно принять *практическое рѣшеніе*, да еще такое, которое, *напрямо*, огорчитъ данную организацію и, *вѣроятно*, создастъ для нея извѣстныя практическія затрудненія. Да если бы и были серьезныя данныя; если бы большинство членовъ съѣзда твердо знало, что такая-то грузинская, армянская, литовская, польская или русская организація называетъ *себя* социалистической болѣе для красоты слога, то и тогда оно врядъ-ли рѣшилось бы удалить со съѣзда ея делегатовъ. Noblesse oblige (званіе дворянина налагаетъ извѣстныя обязанности, говаривали въ старину французы). Теперь можно сказать, что благородное званіе представителя *социалистическихъ* пролетаріевъ обязываетъ быть снисходительнымъ. Если угнетенное человѣчество имѣетъ теперь въ социалистическомъ пролетаріатѣ единственнаго надежнаго и безкорыстнаго защитника; если этому пролетаріату принадлежитъ гегемонія во всемъ прогрессивномъ движеніи современныхъ цивилизованныхъ народовъ, то какъ нельзя болѣе естественно, что въ такіе рѣшительные и торжественные моменты, какими *являются* его международные съѣзды, къ его представителямъ пожелаютъ примкнуть также и представители другихъ общественныхъ слоевъ, разумѣется, несравненно менѣе революціонныхъ и универсальныхъ, но все же *до извѣстной степени* служащихъ дѣлу поступательнаго движенія. И точно также естественно, что представители пролетаріата только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ и только при обстоятельствахъ, не оставляющихъ у нихъ ровно никакихъ сомнѣній, рѣшатся *оттолкнуть отъ себя*, удалить изъ своей среды представителей такихъ общественныхъ слоевъ. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ они добродушно скажутъ имъ: „мы очень рады вамъ; посидите съ нами“, сосѣмъ не отдавая себѣ отчета въ томъ, что подобное гостепріимство можетъ вредно отразиться, на *пролетарскомъ* движеніи тѣхъ странъ, откуда являются эти „тоже *социалистическіе*“ представители болѣе или менѣе прогрессивныхъ *не* пролетарскихъ теченій. Конечно, нѣтъ правила безъ исключеній. Если бы подобные „*тоже-социалисты*“ пріѣхали изъ Германіи и если бы германская *социалдемократическая* делегація потребовала отъ съѣзда ихъ удаленія, то они, навѣрно, не получили бы делегатскихъ картъ. Но въ томъ-то и дѣло, что германскіе „тоже-социалисты“, — Бернштейнъ и его почтенная компанія, — пока еще стоятъ подъ знаменемъ социалдемократической партіи и потому являются на съѣздъ вмѣстѣ съ настоящими ея представителями; за предѣлами же социалдемократіи въ Германіи нѣтъ по крайней мѣрѣ такихъ „тоже-социалистовъ“, у которыхъ могло бы возникнуть желаніе пойхать на международный съѣздъ. Правда, мѣстами тамъ водятся, въ очень небольшомъ количествѣ анархисты; но анархисты, — какъ это всѣмъ извѣстно, — на социалистическіе международные съѣзды совсѣмъ не допускаются; стало быть, нѣмецкимъ социалдемократическимъ делегатамъ не приходится теперь и поднимать на съѣздѣ подобные вопросы. Но ты видишь, напримѣръ, въ Англіи. Англійскіе социалдемократы имѣли бы довольно серьезное основаніе поднять такой вопросъ. На международные съѣзды съ давнихъ поръ пріѣзжаютъ представители отъ такъ называющей себя *Независимой Рабочей Партіи*. Социалистическія понятія членовъ этой партіи до крайности смутны: ея вождь Киръ Гарди высказывается *даже противъ борьбы классовъ*. Такъ какъ, — *по* постановленію брюссельской международной конференціи 1899 г. — признаніе этой борьбы составляетъ одно изъ необходимыхъ условій допущенія на международные съѣзды, то англійская социалдемократическая федерація имѣла бы, собственно говоря, полное право требовать удаленія съ нихъ делегатовъ независимой рабочей партіи. Она не дѣлаетъ этого. Почему же? Вѣроятно, по той простой причинѣ, что знаетъ психологію международныхъ съѣздовъ и понимаетъ, что ея требованіе было бы отклонено. Въ виду этого читатель скажетъ, можетъ быть, что международные съѣзды простираютъ свою снисходительность дальше, чѣмъ это допускается *требованіями логики*. Я спорить не стану. Я только замѣчу, что эта чрезвычная, — и нелогичная, — снисходительность имѣетъ свое достаточное основаніе. Въ самомъ дѣлѣ, вообразите, что должно было бы произойти

мѣстахъ побережья. Покупая партію угля, онъ складывалъ его гдѣ нибудь на берегу, а броненосецъ или крейсеръ, нуждающійся въ немъ, уже самъ долженъ былъ идти къ указанному ему Гонгконгомъ пункту и запасаться углемъ. Вотъ отчего случилось, что, хотя войны всѣ ждали со дня на день, нашъ Тихо-Океанскій флотъ оказался разсѣяннымъ по всему побережью Океана; русскія суда стояли во Владивостокѣ, Чемульпо, Портъ-Артурѣ, Дальнемъ, въ Шанхаѣ и даже въ Нагасаки; вотъ почему наша владивостокская эскадра два мѣсяца оставалась въ бездѣйствіи, она не могла покинуть гавани, у нея не было угля, и капитанъ Рейценштейнъ виновенъ въ этомъ не больше другихъ; вотъ почему свѣдующіе люди удивляются не тому, что нашъ флотъ разбитъ, а тому, что онъ такъ долго не былъ разбитъ, — онъ страдалъ отъ недостатка угля. Такова была „неподготовленность" флота.

Мы, конечно, знаемъ, что съ окончаніемъ войны начнутся уголовные процессы по обвиненію кое какихъ мелкихъ административныхъ сошекъ въ злоупотребленіяхъ, мошенничествахъ, кражахъ и ваяточничествѣ. Но развѣ подобныя преслѣдованія послѣ севастопольской кампаніи помѣшали повторенію того же самаго въ русско-турецкую войну, развѣ преслѣдованія послѣ русско-турецкой войны помѣшали повторенію этого теперь? Разбой и мошенничество присущи самодержавному режиму, неотдѣлимы отъ него, органически связаны съ его природой, и могутъ быть удалены изъ сферы управленія только тогда, когда это управленіе будетъ подчинено контролю народныхъ представителей.

Но продажность администраціи и казнокрадство — только одна изъ многихъ причинъ, приведшихъ русскую армію къ разгрому. Конечно, эта причина немаловажная. Не знающіе отвѣтственности интенданты поставляютъ въ армію сухари съ опилками, мундирную одежду изъ гнилого сукна, предметы воинскаго снаряженія, не выдерживающіе и недѣли похода. Полуголодный и оборванный солдатъ — плохой воякa. Но для успѣха дѣла настроеніе арміи, сознательность и интеллигентность солдатъ еще болѣе важны, чѣмъ матеріальныя условія ихъ жизни. Самодержавному правительству это прекрасно извѣстно, но въ этомъ отношеніи оно всегда было въ непримиримомъ противорѣчіи съ самимъ собой. Оно понимало, что невѣжество народныхъ массъ — одно изъ условій его существованія, и ставило всевозможныя препятствія дѣлу народнаго образованія. Оно подчинило его опекѣ невѣжественныхъ поповъ, всячески стѣсняло просвѣтительную дѣятельность земствъ и частныхъ лицъ, оно затрудняло всѣми возможными способами учрежденіе народныхъ библіотекъ, открытіе школъ, устройство популярныхъ чтеній и т. п., оно подчинило надзору низшихъ органовъ полиціи всѣхъ сельскихъ учителей и поставило ихъ въ унизительную зависимость отъ администраціи, чтобы уронить ихъ авторитетъ въ глазахъ мѣстнаго населенія. Теперь ему приходится пожинать плоды этой политики. Какими, такъ либо разгонявшіе толпы мирныхъ демонстрантовъ, о зазвѣзд никуда негоднымъ даже для развѣдочной службы. Каждый японскій кавалеристъ снабженъ биноклемъ и картой, а нашъ казакъ не только не знаетъ, что за штука бинокль, онъ до войны не зналъ даже того, что есть на свѣтѣ японцы. Генералъ Мищенко изъ отличія отъ ихъ невѣжества. По разсказу одного корреспондента казачій разъѣздъ, озаравшійся съ рекогносцировки, не могъ объяснить, какого рода оружія былъ непріятель, каковы его силы и проч., суммируя всѣ свои впечатлѣнія общей фразой „непріятеля видимо-невидимо, и т. п." Это же невѣжество создало очень благопріятную почву для распространенія среди солдатъ суевѣрныхъ слуховъ о разныхъ чудотворныхъ средствахъ, которыми, будто бы, пользуются японцы, „отводя глаза", становясь невидимыми и т. п. Бой на большомъ разстояніи, когда противникъ виденъ лишь въ неопредѣленныхъ контурахъ, требуетъ отъ солдата личной инициативы, способности примѣняться къ мѣстности, вообще, дѣйствовать безъ приказанія, а въ этому нашъ солдатъ, привыкшій лишь безпрекословно повиноваться, въ массѣ совершенно не способенъ.

Настроеніе арміи въ такіе моменты возбужденія, какъ война, тѣсно связано съ настроеніемъ общественнаго мнѣнія, тѣмъ болѣе, что съ мобилизаціей почти знамена призываются изъ среды народа масса запасныхъ, давно забывшихъ всякую дисциплину, и живущихъ интересами не казармы, а той общественной среды, къ которой они принадлежатъ. Даже реакціонная печать признала, что война не популярна въ народѣ. Всѣ въ большей или меньшей степени понимаютъ, что самодержавное правительство начало войну въ надеждѣ укрѣпить свое пошатнувшееся положеніе и отвлечь вниманіе народа отъ вопросовъ внутренней жизни, отъ борьбы съ самимъ самодержавіемъ. Кровью десятковъ, а можетъ быть, и сотенъ тысячъ солдатъ хотѣло оно загасить искру политическаго сознанія, вспыхнувшую въ головахъ русскаго пролетаріата, и заглушить шумными криками объ его своихъ побѣдъ призывъ „долой самодержавіе", ставшій уже паролемъ дня. Но самодержавіе дурно разсчитало.

Внутренній врагъ, на которомъ такъ долго и съ такимъ блестящимъ успѣхомъ русское воинство изощряло мѣткость своей стрѣльбы, оказался теперь въ рядахъ этого самаго воинства въ немаломъ количествѣ и не обнаружилъ особеннаго усердія къ защитѣ царскаго дѣла. Этимъ внутреннимъ врагомъ оказались далеко не одни соціалисты! Солдаты угнетенныхъ народностей, поляки, армяне, литовцы, евреи и др., понимали, что побѣда русскаго оружія только укрѣпитъ тотъ режимъ, подъ гнетомъ котораго они такъ долго страдали, которыми они ненавидятъ до глубины души и на борьбу съ которымъ они и ихъ братья отдавали свои лучшія силы. Начиная съ 1899 года, расположенные на Дальнемъ Востокѣ полки усиленно пополнялись поляками, которыхъ правительство посылало туда съ цѣлью удалить ихъ изъ родныхъ мѣстъ, гдѣ они, конечно, не стали бы по первому *приказу* стрѣлять въ своихъ братьевъ и земляковъ, желающихъ добиться лучшей доли и вступившихъ въ борьбу съ царскимъ правительствомъ. Въ результатѣ 20% русскихъ плѣнныхъ — поляки. Крестьяне, призванные теперь изъ запаса, также не пламенѣютъ желаніемъ постоять за царя-батюшку. Они тщетно пытаются объяснить себѣ, изъ за чего собственно ведется эта война, для чего понадобились царю новыя земли, когда въ Россіи и Сибири у него огромнѣйшія площади пустующихъ земель и тѣсовъ: они хорошо знаютъ лишь одно то, что сами они не получатъ новыхъ земель и, вообще, никакихъ выгодъ отъ этой войны, по прежнему будутъ биться въ тискахъ нищеты, страдать отъ тяжести непомѣрныхъ повинностей и налоговъ, отъ произвола полиціи и всякаго другого начальства, по прежнему останутся безправнымъ сословіемъ, зависимымъ отъ дворянства, лишеннымъ свѣта и свободы. Правда, многіе изъ нихъ годами нужды и угнетенія доведены до состоянія полной апатіи и не чувствуютъ ни ненависти, ни злобы; они отупѣли до того, что свыклись съ своимъ положеніемъ, и не сознаютъ необходимости измѣнить его. Но, истощенные хроническими голодовками, тупые, невѣжественные и забитые, они могутъ служить только пушечнымъ мясомъ и безмолвно умирать подъ ударами чудовищъ японской артиллеріи. О „патріотизмѣ" солдатъ изъ рядовъ промышленнаго пролетаріата нечего, конечно, и говорить: площади большихъ городовъ столько разъ обагрялись его кровью въ борьбѣ съ существующимъ порядкомъ!

Таково настроеніе арміи. Столь же непопулярна война и въ обществѣ. Она принесла съ собой промышленный кризисъ застой въ торговлѣ, стѣсненіе кредита; сотни тысячъ рабочихъ оказались вышвырнутыми на мостовую и переживаютъ всѣ ужасы безработицы. Господствующіе классы смотрятъ на правительство, какъ хозяинъ на своего проворовавшагося приказчика, и готовятся предать его суду. Ему вѣрятъ такъ мало, что даже пожертвованія на красный крестъ почти совершенно прекратились. Къ этому присоединяется для правительства еще отсутствіе денегъ. Судорожно бросается оно отъ одной европейской биржи къ другой въ тщетныхъ поискахъ займа. Европейская буржуазія понимаетъ, что это должникъ ненадежный, близкій къ банкротству. Ему остается старое, героическое, но самоубійственное средство: выпускъ кредитныхъ билетовъ.

Окруженное атмосферой общаго недовѣрія, ненависти и презрѣнія, оно начинаетъ понимать, что стоитъ на краю пропасти и въ отчаяніи пытается найти себѣ помощь въ политическихъ уступкахъ господствующимъ классамъ. Его наемные писаки заговорили о реформахъ, министръ внутрен. дѣлъ занялся съ другомъ студентовъ, „Гражданинъ" проситъ мира. Мы знаемъ, что добровольно правительство не сдѣлаетъ никакихъ существенныхъ политическихъ уступокъ, даже господствующимъ классамъ, но мы думаемъ, что переживаемый моментъ благопріятствуетъ тому, чтобы заставить его пойти на такія уступки и обязываетъ соціалъ-демократію болѣе точнымъ образомъ опредѣлить ея тотъ случай свою помощь.

Л. Н.

КЪ ВОПРОСУ О ПОВѢДЕНІИ НА СУДѢ.

Товарищи! Прежде чѣмъ писать рѣчи для произнесенія ихъ на судѣ, не мѣшало бы отвѣтить на вопросъ, какъ держать себя на этомъ „особенномъ" судѣ. Разумѣется, каждый отвѣтъ не отдѣльныхъ лицъ, не участниковъ одного процесса, даже не только всѣхъ сидящихъ въ одной тюрьмѣ, важенъ отвѣтъ всей партіи, потому что только тогда, когда участники всѣхъ процессовъ будутъ дѣйствовать планомѣрно и единообразно, какъ члены одной партіи только тогда политическіе процессы будутъ имѣть для насъ свое полное значеніе. Какъ бы ни были они блестящи по внѣшности, они не принесутъ намъ пользы, если будутъ вести насъ по ложному пути, если будутъ затемнять, а не освѣщать политическое положеніе. Вотъ почему вопросъ о поведеніи на судѣ мы еще вернемся, разсчитывая, что въ дискуссіи по этому вопросу примутъ участіе и другіе товарищи практики.

Внутренній врагъ, на которомъ такъ долго и съ такимъ блестящимъ успѣхомъ русское воинство изощряло мѣткость своей стрѣльбы, оказался теперь въ рядахъ этого самаго воинства въ немаломъ количествѣ и не обнаружилъ особеннаго усердія къ защитѣ царскаго дѣла. Этимъ внутреннимъ врагомъ оказались далеко не одни соціалисты! Солдаты угнетенныхъ народностей, поляки, армяне, литовцы, евреи и др., понимали, что побѣда русскаго оружія только укрѣпитъ тотъ режимъ, подъ гнетомъ котораго они такъ долго страдали, которыми они ненавидятъ до глубины души и на борьбу съ которымъ они и ихъ братья отдавали свои лучшія силы. Начиная съ 1899 года, расположенные на Дальнемъ Востокѣ полки усиленно пополнялись поляками, которыхъ правительство посылало туда съ цѣлью удалить ихъ изъ родныхъ мѣстъ, гдѣ они, конечно, не стали бы по первому *приказу* стрѣлять въ своихъ братьевъ и земляковъ, желающихъ добиться лучшей доли и вступившихъ въ борьбу съ царскимъ правительствомъ. Въ результатѣ 20% русскихъ плѣнныхъ — поляки. Крестьяне, призванные теперь изъ запаса, также не пламенѣютъ желаніемъ постоять за царя-батюшку. Они тщетно пытаются объяснить себѣ, изъ за чего собственно ведется эта война, для чего понадобились царю новыя земли, когда въ Россіи и Сибири у него огромнѣйшія площади пустующихъ земель и тѣсовъ: они хорошо знаютъ лишь одно то, что сами они не получатъ новыхъ земель и, вообще, никакихъ выгодъ отъ этой войны, по прежнему будутъ биться въ тискахъ нищеты, страдать отъ тяжести непомѣрныхъ повинностей и налоговъ, отъ произвола полиціи и всякаго другого начальства, по прежнему останутся безправнымъ сословіемъ, зависимымъ отъ дворянства, лишеннымъ свѣта и свободы. Правда, многіе изъ нихъ годами нужды и угнетенія доведены до состоянія полной апатіи и не чувствуютъ ни ненависти, ни злобы; они отупѣли до того, что свыклись съ своимъ положеніемъ, и не сознаютъ необходимости измѣнить его. Но, истощенные хроническими голодовками, тупые, невѣжественные и забитые, они могутъ служить только пушечнымъ мясомъ и безмолвно умирать подъ ударами чудовищъ японской артиллеріи. О „патріотизмѣ" солдатъ изъ рядовъ промышленнаго пролетаріата нечего, конечно, и говорить: площади большихъ городовъ столько разъ обагрялись его кровью въ борьбѣ съ существующимъ порядкомъ!

Таково настроеніе арміи. Столь же непопулярна война и въ обществѣ. Она принесла съ собой промышленный кризисъ застой въ торговлѣ, стѣсненіе кредита; сотни тысячъ рабочихъ оказались вышвырнутыми на мостовую и переживаютъ всѣ ужасы безработицы. Господствующіе классы смотрятъ на правительство, какъ хозяинъ на своего проворовавшагося приказчика, и готовятся предать его суду. Ему вѣрятъ такъ мало, что даже пожертвованія на красный крестъ почти совершенно прекратились. Къ этому присоединяется для правительства еще отсутствіе денегъ. Судорожно бросается оно отъ одной европейской биржи къ другой въ тщетныхъ поискахъ займа. Европейская буржуазія понимаетъ, что это должникъ ненадежный, близкій къ банкротству. Ему остается старое, героическое, но самоубійственное средство: выпускъ кредитныхъ билетовъ.

Окруженное атмосферой общаго недовѣрія, ненависти и презрѣнія, оно начинаетъ понимать, что стоитъ на краю пропасти и въ отчаяніи пытается найти себѣ помощь въ политическихъ уступкахъ господствующимъ классамъ. Его наемные писаки заговорили о реформахъ, министръ внутрен. дѣлъ занялся съ другомъ студентовъ, „Гражданинъ" проситъ мира. Мы знаемъ, что добровольно правительство не сдѣлаетъ никакихъ существенныхъ политическихъ уступокъ, даже господствующимъ классамъ, но мы думаемъ, что переживаемый моментъ благопріятствуетъ тому, чтобы заставить его пойти на такія уступки и обязываетъ соціалъ-демократію болѣе точнымъ образомъ опредѣлить ея тотъ случай свою помощь.

Л. Н.

КЪ ВОПРОСУ О ПОВѢДЕНІИ НА СУДѢ.

Товарищи! Прежде чѣмъ писать рѣчи для произнесенія ихъ на судѣ, не мѣшало бы отвѣтить на вопросъ, какъ держать себя на этомъ „*особенномъ*" судѣ. Разумѣется, каждый отвѣтъ не отдѣльныхъ лицъ, не участниковъ одного процесса, даже не только всѣхъ сидящихъ въ одной тюрьмѣ, важенъ отвѣтъ всей партіи, потому что только тогда, когда участники всѣхъ процессовъ будутъ дѣйствовать планомѣрно и единообразно, какъ члены одной партіи только тогда политическіе процессы бу-

* Печатаемъ эту статью какъ голосъ товарища несогласнаго съ той постановкой вопроса которая нами дана въ № 71 „Искры" и которую мы продолжаемъ считать правильной. Къ вопросу о поведеніи на судѣ мы еще вернемся, разсчитывая, что въ дискуссіи по этому вопросу примутъ участіе и другіе товарищи практики.

† Допускаютъ одно лицо и то не братьевъ и сестеръ, а только мать, отца или жену.

не смолкавшихъ криковъ и рукоплесканій. Вышла цѣлая демонстрація, которая произвела сильное впечатлѣніе даже на людей, видавшихъ на своемъ вѣку и не такіе типы. Я упоминаю объ этомъ, разумѣется, не для того, чтобы познакомить своихъ читателей съ перезъ читателемъ „Искры" для того, чтобы обратить ихъ вниманіе на интересную черту психологіи сѣзда. Отнынѣ въ австрійскихъ делегатахъ удивляли потомъ, въ разговорѣ со мной, тому, что представители международной соціалъ-демократіи могли принять въ такой восторгъ въ ихъ поступка, который подскальзался всѣмъ нашимъ міросозерцаніемъ. „Тому же не извѣстно — восклицалъ онъ, — что мы, соціалъ-демократы, противъ войны"? Это въ самомъ дѣлѣ всѣмъ извѣстно и всѣ поняты, наконецъ, помнили какъ отзывающемся въ милитаризму рѣшенія предыдущихъ международныхъ сѣздовъ, такъ и тѣ дружескіе адресы, которыми обмѣнивались между собою соціалистическія рабочія Франціи и Германіи при начадѣ франко-прусской войны. Почему же они пришли въ такое возбужденіе при видѣ „непорядочнаго поступка"? Да просто потому, что они вовсе не такіе сухіе и холодные люди, какими ихъ обыкновенно считаютъ, и сентиментальная старушки просто потому что торжественное открытіе сѣзда всколыхнуло въ ихъ душѣ соотвѣтственный имъ отзвукъ къ своему дѣлу, и этому отзвуку нужно было только хорошій поводъ, чтобы шумно вырваться наружу. Вотъ какое маленькое обстоятельство очень знаменательно. Пріѣзжіе всѣхъ странъ могутъ только радоваться тому, что у нихъ есть нѣчто такъ много отзвуковъ. Еще болѣе странно было сказать, что отзвукамъ „боль страсти" не нашлось ничего равнаго въ исторіи.

Заканчивая свою рѣчь, я замѣтилъ, что наши политическій пролетаріатъ является единственнымъ изъ всѣхъ не кромѣ нѣмецкимъ прогресса и что вслѣдствіе того всѣ тѣ которые въ той или другой странѣ желаютъ того или другого цивилизованно прогрессивнаго дѣла невольно обращаютъ свои взоры въ сторону соціалистическаго пролетаріата. Ничто не яркимъ показательствомъ справедливости этихъ моихъ словъ служило присутствіе на сѣздѣ, въ англійской делегаціи, пріѣхавшаго *индуса* Дадабхаи Наороджи, который пріѣхалъ для того чтобы передъ лицомъ международнаго пролетаріата протестовать противъ долгаго, безпощаднаго и систематическаго ограбленія его родины Англіей. Когда, на основаніи его собственныхъ свѣдѣній онъ сталъ объяснять цѣли своего пріѣзда, ему грянула цѣлую овація. Рѣшеніе принятое сѣздомъ по этому вопросу, гласитъ такъ:

„Собраніе представителей рабочихъ всего цивилизованнаго міра выслушало отъ представителей Англіи и Индіи, что во Индіи, какъ и повсюду, Англія не перестаетъ отнимать у народа всѣ источники существованія, что она эксплуатируетъ и обворовываетъ его, что она является источникомъ величайшихъ бѣдствій, лишеній и голода для болѣе, чѣмъ 200 милліоновъ населенія на индійской почвѣ. Международный сѣздъ обращаетъ поэтому съ призывомъ къ рабочему классу Великобританіи и приглашаетъ его побудить свое правительство къ уничтоженію нынѣшней безразсудной и позорной колоніальной системы и къ замѣнѣ ея такъ осуществимымъ самоуправленіемъ. Индіи подъ верховной властью Англіи".

Существенное основательство. Дѣйствительно, не имѣетъ теперь другого защитника, кромѣ революціонаго пролетаріата. И, разумѣется, онъ сдѣлаетъ пролетаріату чрезвычайно большую честь, если не имѣетъ и свои недостатка. Не достаточно испытывать искреннее участіе для того, чтобы ясно понять задачи соціализма и усвоить себѣ соціалистическое міросозерцаніе. Неудивительно поэтому, что на международные соціалистическіе сѣзды посылаютъ и часто своихъ представителей такіе общественные элементы, которые по существу очень далеки отъ современнаго соціалистическаго движенія и имѣютъ о немъ лишь весьма смутное понятіе. Какъ бы ни были ихъ дѣлегаціи! Если ихъ внѣшняя сила много то ихъ присутствіе можетъ поставить въ затруднительное положеніе устроителей всего сѣзда по поводу мѣръ безопасности тѣхъ странъ, изъ которыхъ они пріѣдутъ. Въ виду этого казалось бы что международнымъ сѣздамъ слѣдуетъ очень разборчиво относиться къ соціалистическому „гербу" принимая въ представленіи по нимъ сходныя дѣлегаціи. Но не первый и не второй сѣздъ болѣе или менѣе неопредѣленнаго и смѣшательнаго образа мыслей является преимущественно изъ тѣхъ странъ, гдѣ соціалистическое движеніе только что начинаетъ развиваться, — всѣ тѣ которые тѣснѣе имѣютъ и свободы которыя имѣются во всѣхъ ихъ партіяхъ. Какъ свое время у всѣхъ по видѣ принимали извѣстныя программныя положенія, такъ и теперь должны быть Конгрессы у всѣхъ и установлены Традиціи въ вопросѣ о томъ, что представляетъ собою на самомъ дѣлѣ англійская и русская, польская или армянская или румынская соціалистическая организація. Не только не легко, но даже прямо невозможно для большинства отсутствующихъ имѣть достаточно данныхъ чтобы судить объ этомъ вопросѣ.

Если же нельзя *требовать* отъ всѣхъ и каждаго чтобы они имѣли правильное понятіе о томъ, что такое, напримѣръ, *каторга*, которая существуетъ для политическихъ преступниковъ въ странѣ, которую представляетъ данная организація и *требовать* отъ всѣхъ чтобы они имѣли практическое затруднительное понятіе о томъ, что такое, напримѣръ, *тюрьма

знаменитый процессъ. Это былъ, вопреки конституціонной хартіи, судъ первъ, а не судъ присяжныхъ. Мало того. Въ виду того, что защищать обвиняемыхъ хотѣли О. Контъ, Барбесъ, Ледрю-Роллэнъ, Жюль Фавръ, правительство запретило выбирать защитниковъ. Тогда всѣ привлеченные, какъ одинъ человѣкъ, отказались принять участіе въ этой комедіи. Что молчаніе было гораздо сильнѣе самыхъ краснорѣчивыхъ словъ и вызвало бурю въ странѣ. Когда въ 78-мъ участники процесса 193-хъ отказывались говорить, сенаторы буквально потеряли голову и большой ошибкой было со стороны Мышкина произнести знаменитую рѣчь, за которую ему прибавили, кажется, 500 лѣтъ каторги. И жалѣю, что сталъ говорить — сказалъ Мышкинъ — это не судъ, это комедія — это домъ терпимости и даже хуже дома терпимости. Развѣ признаешь судъ комедіей — нечего и участвовать въ этой комедіи, хотя бы участіе это и кончилось для оратора революціонера трагически — на радость правительству, неумѣющему по вашей рѣчи доказать принадлежность вашу и вашихъ товарищей къ преступному сообществу. Я знаю, что многіе изъ насъ уже мечтаютъ о судѣ, о рѣчи, объ „исторіи". Они убѣждены, что рѣчи говорить нужно. Какъ же они аргументируютъ въ пользу этого? Они говорятъ, что необходимо использовать судъ въ цѣляхъ агитаціи — какимъ образомъ? Въ послѣднемъ словѣ, которое мы будемъ говорить, черезъ головы судей, передъ всей Россіей! Мнѣ кажется, что использовать судъ можно, печатая обвинительные акты съ рѣчами прокуроровъ, со всей подлой процедурой, съ обличеніемъ произвола. Все это можно сдѣлать за стѣнами суда. И лучше, если адвокаты на другой день заявятъ: такіе то бойкотировали судъ и заключили его презрѣніемъ, чѣмъ если напечатать плохую рѣчь (а такія будутъ), произнесенную передъ продажной сволочью. Намъ скажутъ: все равно, дѣло безъ рѣчей и безъ адвокатовъ не обойдется. Вѣдь, случайно привлеченные захотятъ защищаться. Пусть ихъ, защищаются! Они будутъ фигурировать на судѣ не какъ революціонеры, не какъ члены партіи, а какъ обыватели. Революціонеръ обывателю не товарищъ. И трусливое трепыханіе случайнаго обывателя передъ „этимъ" судомъ только рѣзче оттѣнитъ гордое поведеніе революціонеровъ, если только они поставятъ себѣ за правило — не принимать участія въ этой гнусной комедіи. Это какъ разъ будутъ исключенія изъ того разряда, которые подтверждаютъ правило. Намъ скажутъ: тѣмъ вы поручитесь, что всѣ члены партіи, или большинство, согласится бойкотировать? Развѣ не всѣ говорятъ объ „отказѣ" отъ дачи показаній, а всѣ-ли отказываются? Разница громадная: 1) Ц. О., Ц. К. и комитеты должны предложить всѣмъ членамъ партіи провести бойкотъ, какъ лучшую мѣру и не только въ смыслѣ желательности, а въ смыслѣ необходимости. 2) не забывайте, что единообразную мѣру трудно провести, когда таскаютъ всѣхъ по одиночкѣ въ жандармскій застѣнокъ, и легко провести при совмѣстномъ участіи въ процессѣ, когда болѣе стойкіе и выдержанные могутъ взять дѣло въ свои руки. Я не сомнѣваюсь, что судьи и прокуроръ будутъ всячески провоцировать, уговаривать, грозить и — т. д. Мы должны только отвѣчать молчаніемъ или, если хотите, отказомъ въ двухъ словахъ: „вы мнѣ не судьи — я вамъ не преступникъ". Отказываться — это ваше право, отказываясь, вы безнаказанно клеймите презрѣніемъ судъ и вырываете почву изъ-подъ ногъ у „осо-беннаго суда". Отказъ отъ суда это — борьба, рѣчи на судѣ, это — отказъ отъ борьбы съ гнусной комедіей.. Подчеркивая безнаказанность, я не апеллирую къ шкурному чувству. Дѣло идетъ о простомъ расчетѣ, чтобы выгородиться для революціи: признать себя членомъ партіи передъ прохвостами, провоцирующими меня на это; или, не дѣлая никакихъ признаній, просто отказаться отъ всякихъ разговоровъ съ тѣми, за-кѣмъ мы не признаемъ никакого права судить насъ и спрашивать съ насъ отчетъ въ нашей дѣятельности, и, можетъ быть, на свободу выйти и продолжать работать. Остается возразить на мнѣніе, имѣющее сторонниковъ въ странѣ, что бойкотъ уничтожитъ революціонныхъ рѣчей. Нѣкоторые товарищи, указывая на процессъ 193-хъ, полагаютъ, что можно проводить бойкотъ — не давать никакихъ отвѣтовъ на вопросы „судей", не заявлять даже о принадлежности къ партіи, — но нѣтъ смысла лишать права произнести революціонно-обличительную рѣчь тѣхъ, кто, по очевидной доказанности принадлежности къ партіи, все равно ничего не теряетъ отъ произнесенія рѣчи, и, чтобы устранить субъективный элементъ при рѣшеніи произнести рѣчь, роль каждаго въ процессѣ должна быть указана общимъ обвиненіемъ участниковъ процесса на основаніи обвинительнаго акта. Какъ уже сказано, рѣчи участниковъ процесса 193 хъ мы склонны считать тактической ошибкой, которая помѣшала провести до конца бойкотъ, предрѣшенный было до суда, и этотъ примѣръ насъ долженъ только заставить избѣжать такой же ошибки. Разъ допущены рѣчи, необходимо разрушать организацію бойкота, такъ какъ трудно удержаться отъ того, чтобы своей рѣчью не попытаться загладить возможные недостатки рѣчи товарища, если видишь, что рѣчь его не достигла цѣли, что опасный выстрѣлъ пропалъ даромъ, — трудно особенно въ томъ приподнятомъ настроеніи, которое вызовется атмосферой обрываемой предсѣдателемъ революціонной рѣчи. Мысль о распредѣленіи ролей тоже въ громадномъ большинствѣ случаевъ невыполнима: вѣдь, рѣчь теперь идетъ не о тѣхъ случаяхъ суда, которые были до сихъ поръ, когда на судѣ выступали или исключительно крупныя величины революціоннаго міра, или взятые при исключительныхъ обстоятельствахъ: (на демонстраціи, при типографіи, съ транспортомъ и т. п.), иногда роли рѣзко опредѣлялись самими обстоятельствами дѣла. Теперь какъ разъ подавляющее большинство процессовъ будетъ безцвѣтнымъ и по личному составу (по крайней мѣрѣ, внѣшне), и по внѣшнимъ обстоятельствамъ дѣла, и въ громадномъ большинствѣ случаевъ намъ придется заявлять свою яркую революціонность для широкой публики впервые на судѣ, и самыя удачныя рѣчи въ этомъ случаѣ не произведутъ на публику такого впечатлѣнія, какое производятъ даже посредственныя рѣчи тѣхъ, о комъ она наслышалась до суда. Кромѣ того, по смутности данныхъ для обвиненія въ распредѣленіи ролей, неминуемо будетъ масса ошибокъ и тотъ, кто считаетъ себя даже по обв. акту погибшимъ, можетъ отдѣлаться пустякомъ, а другой неожиданно можетъ поплатиться жестоко. А потомъ и столковаться между собой участникамъ процессовъ далеко не во всѣхъ тюрьмахъ легко и удобно. Поэтому, въ выгодахъ революціоннаго движенія въ цѣломъ, въ выгодѣ чести партіи нужно сдѣлать молчаніе обязательнымъ.

Желательно, чтобы эти соображенія были выслушаны товарищами. Необходимо, не теряя времени, отвѣтить на вопросъ: говорить ли рѣчи, приглашать ли адвокатовъ, или объявить бойкотъ суду? Необходимо, чтобы участники процессовъ теперь же пришли къ опредѣленному рѣшенію и отвѣтили на этотъ вопросъ.

Х.

ФАБРИЧНЫЕ СТАРОСТЫ И УРОКИ ПРОШЛАГО.

„Зубатовская политика" въ Россіи какъ будто потерпѣла крушеніе...

Попытка превратить промышленный пролетаріатъ страны въ баранье стадо, пасомое жандармами, принесла для хитроумнаго авантюриста прямо-таки ошеломляющіе по своей неожиданности результаты: едва начатое „легализаторами" движеніе моментально сходило съ легальныхъ рельсъ на почву политики, и подъ вліяніемъ революціонныхъ бацилъ неминуемо превращалось во внушительную антиправительственную демонстрацію..

Легализаторы чувствовали себя еще слишкомъ одинокими: Шаевичей (Одесса), Зиминыхъ, Цвѣсевскихъ (Петербургъ), Афанасьевыхъ, Слѣповыхъ, Красивскихъ (Москва и прочихъ „добровольцевъ", неутомимыхъ поборниковъ неувядаемой славы Іуды Искаріотскаго, было все таки еще *сравнительно* ничтожное количество... Широкія полномочія, таинственныя „карточки", которыми въ изобиліи снабжались агенты Зубатова, наконецъ самые обильные потоки самаго „независимаго" краснорѣчія давали только обратные результаты: въ Одессѣ толпа рабочихъ, собранныхъ для „мирнаго обсужденія" *только* экономической стачки, уходила съ крикомъ „долой самодержавіе!" — и растерявшимся пропагандистамъ Охраннаго Отдѣленія оставалось бѣжать и докладывать по начальству о непостижимыхъ превратностяхъ судьбы благихъ начинаній жандармскихъ полковниковъ.

Не на шутку встревоженные необычайно широко разлившейся лѣтомъ 1903 года грозной волной рабочаго движенія, самодержцы земли русской, сердито преткнувъ перстомъ фонтанъ зубатовскаго краснорѣчія, озабоченно завозились у колеса „законодательнаго механизма", а сконфуженный прожектеръ поспѣшилъ съ видомъ „пострадавшаго за идею" на нѣкоторое время удалиться съ арены отечественной исторіи...

И не успѣли еще догорѣть послѣднія нефтяныя вышки въ Баку, на страницахъ газетъ еще красовались корреспонденціи и телеграммы „о безпорядкахъ на югѣ", — немногочисленныя, правда, тщательно профильтрованныя, но и въ этомъ жалкомъ видѣ много говорящія сердцу россійскаго обывателя, — какъ „Правительственный Вѣстникъ" въ 100001-ый разъ заявилъ всему міру о новомъ актѣ безконечной заботливости русскаго монарха.

Съ быстротою молніи, мигомъ облетѣвъ сотни различныхъ инстанцій „въ отмѣну и дополненіе подлежащихъ постановленій", опубликовался новый законъ „о фабричныхъ старостахъ"...

Дать „законную почву" провокаторамъ, систематизировать предательство и не мытьемъ, такъ катаньемъ ввести рабочее движеніе — вотъ основной тонъ новой мелодіи, которую затянулъ теперь правительственный граммофонъ.

„Шестая великая держава" затрубила о „новой эрѣ", въ „обществѣ", а главнымъ образомъ въ рабочей средѣ усиленно распускались слухи о „Высочайшемъ неудовольствіи" политикой Зубатова, его арестѣ (!) высылкѣ (!!) и т. п., но „имѣющій уши" могъ явственно слышать сквозь безбожно-фальшивые звуки „инструмента" незабвенный голосъ руководителя и вдохновителя этой самой политики, а сравнивъ новоиспеченный законъ со знаменитой „*Инструкціей Совету механическихъ рабочихъ въ Москвѣ*", съ которой шоперы зубатовщины оперировали въ 1901-1902 гг. и на подлинникѣ которой значится: *утверждено Г.-М. Треповъ, 1902 г.* — всякій немедленно и воочію убѣждался въ яхъ тѣснѣйшемъ родствѣ и самомъ трогательномъ сходствѣ...

— И каждый сознательно относящійся къ своему положенію рабочій, внимательно прочитавъ текстъ новаго закона, долженъ былъ тотчасъ смекнуть, что чередъ зубатовщины „воля монарша" не *колебель*, а *гробъ* готовила рабочему движенію...

Въ какой нибудь другой странѣ, гдѣ народъ уже съумѣлъ заставить своихъ властителей видѣть въ словахъ „законъ" и „право" не только пустыя *слова*, — тамъ законодательство играетъ такую же роль въ борьбѣ пролетаріевъ, какую во время войны играютъ неровности почвы на полѣ военныхъ дѣйствій: если сегодня обстрѣливали съ какого нибудь холма, то завтра подъ его прикрытіемъ мы можемъ сами нанести значительный уронъ непріятелю, а затѣмъ, укрѣпившись на отбитыхъ позиціяхъ и соединившись для общей атаки, перейти въ рѣшительное наступленіе и камня на камнѣ не оставить отъ непріятельскихъ твердынь...

Но у насъ, гдѣ все законодательство сводится къ простой и краткой, но чрезвычайно выразительной формулѣ — „*что хочу, то и ворочу*" — у насъ, гдѣ даже спеціалисту нѣтъ возможности разобраться въ этой *безнадежной* путаницѣ постановленій, узаконеній, циркуляровъ, взаимно другъ другу противорѣчащихъ, другъ друга исключающихъ — у насъ „рабочее законодательство" имѣетъ смыслъ и значеніе лишь въ видѣ необозримой сѣти „волчьихъ ямъ" и всевозможныхъ „капкановъ", разставленныхъ заботливой рукой самодержца на пути рабочаго класса къ своему освобожденію.

И вовсе *не нужно* быть „семи пядей во лбу", чтобы сообразить, что при самодержавіи выбирать „въ старосты" начальство *„позволять"* только такихъ, которые будутъ ему на руку, что вѣдь не зря же съ рядъ-ушенія и подъ покровительствомъ этого самаго начальства плодятся и множатся „независимцы" и что тогда только слѣдуетъ принимать участіе въ выборахъ, когда *на самомъ дѣлѣ* можно будетъ провести въ старосты *надежнаго* человѣка...

А это будетъ возможно лишь тогда, когда рабочіе дружной забастовкой, да еще въ горячее время, какъ слѣдуетъ проймутъ заводчика капиталиста, и когда поэтому заводское начальство станетъ поступчивѣе да посговорчивѣе.

Тогда то вотъ и вовремя будетъ напомнить ему о „новомъ законѣ"!

И выбранный тѣмъ временемъ „свой человѣкъ", юридически, такъ сказать, опираясь на коллективную волю выбравшихъ его, а фактически — давая нужное направленіе повседневной борьбѣ своихъ товарищей съ заводскимъ начальствомъ — можетъ и за короткое сравнительно время — многое сдѣлать въ смыслѣ выясненія рабочимъ данной фабрики ихъ интересовъ и организаціи для дружной *коллективной* ихъ защиты.

А что заводское начальство въ „горячее" время склонно сквозь пальцы смотрѣть на точное примѣненіе законовъ, — лишь бы только въ данную минуту не страдали его интересы — этому не мало примѣровъ въ исторіи нашего рабочаго движенія, и прекрасный случай такого рода мы можемъ найти въ знаменитой „Обуховской" стачкѣ.

Какъ извѣстно, она состояла изъ двухъ забастовокъ — 7 мая и 7 іюля.

Печальной памяти 7-ое мая, закончившееся разстрѣливаніемъ по привазу полковника К. Иванова безоружныхъ рабочихъ демонстрировавшихъ передъ его домомъ, принесло заводу громадные убытки: внезапная остановка огневыхъ металлургическихъ процессовъ дѣлала никуда не годными десятки тысячъ пудовъ дорогого металла...

Приходилось ломать гигантскія печи, чтобы извлечь оттуда застывшія глыбы стали. Кромѣ того заводу ее предстояла перспектива — лишиться сразу огромнаго количества опытныхъ и умѣлыхъ, спеціализировавшихся на сложной и трудной пушечной работѣ, рабочихъ. Все это заставило заводское начальство скоро выкинуть парламентерскій флагъ на прилежащихъ къ заводу улицахъ появились объявленія за подписью начальника завода, въ нихъ рабочіе приглашались на работу, а для предъявленія ихъ требованій имъ предлагалось выбрать отъ каждой мастерской уполномоченныхъ, *которымъ обязалась непрекословность*.

Обуховцы вышли на работу и выбрали уполномоченныхъ, сообща выработавъ и представивъ заводскому начальству требованія, состоявшія изъ 14 пунктовъ. Уже по выходѣ на работу они получили значительную уступку „авансомъ": полковникъ

---

[1]) Извѣстно, что отъ такой роли отказывался и „старый Интернаціоналъ", руководитель котораго былъ Марксъ. Когда Бакунинъ, основавшій въ Женевѣ свой „*Всесвятный Союз социальной демократіи*", пригласилъ Общій Совѣтъ Международнаго Товарищества Рабочихъ высказаться по поводу его программы, то Совѣтъ отвѣтилъ, что въ его функціи не входитъ „судъ надъ теоретическими принципами программъ различныхъ секцій".

если бы англійскіе марксисты въ самомъ дѣлѣ начали добиваться удаленія Киръ Гарди и его товарищей, а съѣздъ сталъ внимательно разбирать основательность ихъ требованій. Пришлось бы назначить коммиссію для пересмотра всѣхъ изданій „Независимой Рабочей Партіи", для изученія ея программы и для наведенія точныхъ справокъ о томъ, что говорили въ тѣхъ или другихъ спорныхъ случаяхъ ея агитаторы. Словомъ, началось бы пѣлое слѣдствіе, и международный социалистическій съѣздъ попалъ бы въ положеніе верховнаго судилища, произносящаго приговоры надъ ересями. А онъ ни за что не захочетъ принять на себя такую роль). Вотъ почему путанныя головы, подобныя Киръ Гарди, могутъ спокойно пропагандировать свой странный „социализмъ", нисколько не опасаясь того, что передъ ними закроется дверь „международнаго парламента рабочихъ". „Независимая Рабочая Партія" не только допускается на съѣзды, но пользуется даже правомъ представительства въ Международномъ Социалистическомъ Бюро.

Такова психологія международныхъ съѣздовъ. Намъ, россійскимъ соціалдемократамъ, она давно извѣстна, и мы равно какъ и соціалдемократы всѣхъ остальныхъ странъ, не могли не считаться съ нею. Когда, на лондонскомъ съѣздѣ 1896 г. мы потребовали удаленія представителя организаціи „соціалистовъ-революціонеровъ", то мы поддерживали свое требованіе не тѣмъ соображеніемъ, что „соціалистовъ-революціонеровъ" очень сомнительно, а указаніемъ на тотъ фактъ, что названная организація имѣла слишкомъ ничтожные размѣры: она состояла, если память не обманываетъ меня, изъ шести или семи заграничныхъ студентовъ. И если съѣздъ удовлетворилъ наше желаніе, то единственно потому, что этотъ нашъ доводъ показался ему убѣдительнымъ. А если бы мы начали критиковать передъ съѣздомъ *взгляды* соціалистовъ-революціонеровъ, то онъ очень скоро положилъ бы конецъ нашимъ разсужденіямъ, объявивъ *изъ неуместными, а себя некомпетентными*. Ко времени парижскаго съѣзда 1900 г. соціалисты-революціонеры ни на вершокъ не подвинулись впередъ въ идейномъ отношеніи. Но ихъ организація нѣсколько выросла къ тому времени, и вслѣдствіе этого никому изъ насъ и въ голову не пришло поднимать на Парижѣ вопросъ объ ихъ неопущеніи. Замѣтьте при этомъ, что, говоря, мы тогда уже имѣли право протестовать противъ присутствія делегатовъ отъ соціалистовъ-революціонеровъ. Брюссельская конференція 1899 г. рѣшила, что на международные съѣзды допускаются только такія общества, которыя признаютъ необходимость завоеванія политической власти *пролетаріатомъ, организованнымъ въ классовую партію*. Этимъ самымъ она поставила на видъ всѣмъ и каждому, что точка зрѣнія современнаго соціализма есть *пролетарская точка зрѣнія* и что въ средѣ представителей *этого* соціализма нечего дѣлать делегатамъ отъ тѣхъ организацій, которыхъ эта точка зрѣнія почему либо не удовлетворяетъ. Но къ чему этихъ послѣднихъ несомнѣнно и неосновательно принадлежитъ организація соціалистовъ-революціонеровъ. Всѣ знакомые съ ихъ ученіемъ знаютъ, что они находятъ пролетарскую точку зрѣнія слишкомъ *узкой* и, — „широта ты, широта, окіянъ-море!" — *дополняютъ* ее точкой зрѣнія *крестьянства* и точкой зрѣнія *интеллигенціи*. Эти широкіе дженельмены хотятъ держаться сразу *трехъ* точекъ зрѣнія. Но къ сожалѣнію, это „широкое" желаніе неосуществимо. Стоять въ одно и то же время на трехъ точкахъ зрѣнія также невозможно, какъ невозможно одному купцу одновременно ѣхать въ трехъ каретахъ. Поэтому „соціалисты-революціонеры" на самомъ дѣлѣ довольствуются *весьма узкой точкой зрѣнія мелкой буржуазіи*. Ясно, стало быть, что присутствіе ихъ делегатовъ на международномъ съѣздѣ 1900 г. *противорѣчило* постановленію, принятому годъ тому назадъ въ Брюсселѣ. Но послѣ всего вышесказаннаго читатель понимаетъ, что ни у кого изъ насъ не могло явиться охоты обнаруживать передъ парижскимъ съѣздомъ это противорѣчіе: мы и не спорили противъ принятія въ русскую секцію двухъ „соціально-революціонныхъ" делегатовъ, которые, — замѣчу мимоходомъ, — оказались рѣшительными и непреклонными сторонниками Жореса, какъ извѣстно, бывшаго отвѣтственнымъ издателемъ Мильерана, уже покрытаго тогда кровью рабочихъ Шалона и Мартиники. Не собирались мы воевать съ „сэромъ" и въ Амстердамѣ. Мы сдѣлали бы большую и непростительную ошибку, если бы сказали бы хоть одно слово противъ ихъ присутствія на съѣздѣ. Съѣздъ, навѣрно, отклонилъ бы критическое разсмотрѣніе ихъ программы, а они стали бы на всѣ голоса и на всѣхъ крышахъ, на всѣхъ перекресткахъ кричать, что добропорядочность ихъ широкаго соціализма признана и засвидѣтельствована соціалистами всѣхъ странъ, что рѣшеніе нашего второго съѣзда, объявляющее ихъ партіей мелкой буржуазіи, признано неосновательнымъ и такъ далѣе, и такъ далѣе. А простики, такъ охотно подставляющіе свои широкіе носы подъ щелкіе пальцы этихъ мастеровъ рекламы, внимали бы ихъ крикамъ и наивно радовались бы тому, что ужасный порокъ потерпѣлъ наконецъ пораженіе, и что широкая добродѣтель была торжественно вознаграждена за всѣ полученныя ею отъ него оскорбленія. Зачѣмъ же намъ было вводить во искушеніе „малыхъ сихъ"?

Органъ „соціалистовъ-революціонеровъ" не вѣритъ тому, что у насъ не было намѣренія аттаковать ихъ въ Амстердамѣ. Это его дѣло. Но онъ плохо вавѣсилъ значеніе тѣхъ доводовъ, съ помощью которыхъ онъ хочетъ доказать, что мы совсѣмъ уже выступили въ походъ противъ нихъ и пробили отбой только потому, что увидѣли, какъ нѣжно любятъ ихъ „соціалистовъ-революціонеровъ". Соціалдемократы другихъ странъ. „*Рев. Россія*" вспоминаетъ о томъ, что послѣ всѣмъ извѣстнаго кенигсбергскаго процесса я напечаталъ въ центральномъ органѣ германской соціалдемократіи *статью противъ терроризма*. Такая моя статья, дѣйствительно, появилась въ указанномъ органѣ. Но я ее не писалъ единственно потому, что въ Кенигсбергѣ много и неправильно говорилось объ отношеніи нашей партіи къ террору. Предстоявшій амстердамскій съѣздъ тутъ былъ рѣшительно не при чемъ. Кромѣ того, „*Революціонная Россія*" приводитъ тѣ строки изъ статьи „Къ амстердамскому съѣзду", — напечатанной въ нашемъ 71 номерѣ, — въ которыхъ сказано, что мы будемъ отстаивать для россійской соціалдемократіи право на единственное представительство въ международной организаціи пролетаріата и выступимъ противъ безразличнаго отношенія соціалистовъ другихъ странъ къ нашимъ отечественнымъ „фракціямъ". И согласенъ, что эти слова могли быть приняты тѣ „соціалистами революціонерами" за нѣкій непріятный намекъ на нѣкую „нехвать" въ ихъ „соціалистической" программѣ. Но здѣсь ли тѣхъ словахъ угроза добиваться удаленія съѣзда „соціально-революціонныхъ" делегатовъ? Такой угрозы въ нихъ нѣтъ и слѣда! Въ нихъ прямо и недвусмысленно говорится только то, что мы считаемъ нашу партію единственной представительницей сознательнаго пролетаріата Россіи и готовы доказывать это, между прочимъ, и въ Амстердамѣ. Но намъ не пришлось доказывать это по той простой и *вполнѣ достаточной* причинѣ, что *тамъ никто не выразилъ никакого сомнѣнія на этотъ счетъ*. Правда, въ докладѣ представленномъ амстердамскому съѣзду „соціалистами-революціонерами", встрѣчаются очень „большія чудеса" на счетъ ихъ собственнаго отношенія къ пролетаріату. Но ни на засѣданіяхъ съѣзда, ни въ его коммиссіяхъ доклады никогда не подвергаются обсужденію, поэтому намъ оставалось, — и остается, — характеризовать этотъ докладъ въ печати, и гг. соц-рев. могутъ быть увѣрены, что мы не забудемъ исполнить эту свою обязанность.

Къ чести „партіи соц-рев." надо сказать, что хотя своимъ появленіемъ на международномъ *пролетарскомъ* съѣздѣ она стала въ очевидное противорѣчіе съ коренной основой своей программы, но во время работъ съѣзда она вела себя съ этой стороны благопріятно и за пролетарскую партію себя не выдавала. Ея представитель г. Рубановичъ, обнаруживъ, можно сказать, образцовую скромность въ томъ *единственномъ* случаѣ, когда мы могли серьезно поспорить съ нимъ о томъ, кѣмъ представляется въ Амстердамѣ сознательный россійскій пролетаріатъ. Редакція „Революціонной Россіи" понимаетъ, что, говоря это, я имѣю въ виду время, происходившія по вопросу о правѣ „соціалистовъ-революціонеровъ" быть представленными въ Международномъ Соціалистическомъ Бюро.

---

[1]) Кстати, „Революціонная Россія" ликуетъ по поводу того, что „Vorwärts" обнаружилъ будто бы нѣкоторое сочувствіе къ терроризму. Здѣсь не мѣсто говорить о томъ, какъ надо понимать его сочувствіе. Я посвящу этому особую замѣтку.

Иванов[1]) командировался начальником завода въ Либаву, а въ разговорѣ съ уполномоченными отъ рабочихъ начальникъ завода, Г. М. Власьевъ, далъ „честное офицерское слово", что Иванов и совсѣмъ подастъ въ отставку. Впереди же обухов цы ожидали и еще большія уступки: въ торжественномъ засѣданіи съ уполномоченными отъ рабочихъ, на которомъ они предъявили ему свои требованія, Власьевъ заявилъ, что 12 пунктовъ изъ 14 онъ *принимаетъ* и можетъ удовлетворити своею властью, два же остальныхъ (8-ми часовой рабочій день и празднованіе 1-го мая) пошлетъ на разсмотрѣніе высшаго начальства.

Самымъ главнымъ было то, что съ этого времени на заводѣ устанавливалось *рабочее представительство*.

Никто и не заикался о „законѣ", а вѣдь по „закону" у насъ вообще запрещается коллективный договоръ рабочихъ съ предпринимателемъ. И если нѣсколько дней назадъ начальство во имя этого закона приказывало стрѣлять боевыми патронами въ рабочихъ, осмѣлившихся *коллективно* протестовать противъ слишкомъ ужъ безчеловѣчныхъ притѣсненій, то теперь, убѣдившись, какъ *убыточны* для него въ настоящую минуту всякія репрессивныя мѣры, — *оно само изъ себя начертило этому самому коллективному договору* и дѣлало видъ, что забыло о существованіи возбранящаго этотъ договоръ закона.

Но „обуховцы" мало вниманія обращали на свои безаконія: они и раньше имѣли слишкомъ много случаевъ убѣдиться, что *начальство вспоминаетъ о законахъ лишь тогда, когда они для него удобны*: они не теряли времени, и скоро на обуховскомъ заводѣ водворилось настоящее царствіе божіе: всякое распоряженіе большого и маленькаго заводского начальства подвергалось контролю представителей уполномоченныхъ, и роль заводскихъ мастеровъ, „погонять" и „забѣгать" всѣхъ сортовъ и чиновъ свелась къ ихъ нормальнымъ функціямъ. Сверхурочныя работы, расцѣнки и проч.—все устанавливалось лишь съ вѣдѣнія уполномоченныхъ...

Не скоро забудутъ обуховцы золотое времячко—май и іюнь 1901 года!..

Но... „что для рабочаго здорово — для начальства смерть!"

Предержащія власти завода скоро почувствовали себя очень „не по себѣ" отъ всѣхъ тѣхъ вольностей, которыя завоевали себѣ обуховцы, и попытались свести „на нѣтъ" всѣ либеральныя установленія...

Но за два мѣсяца своего „господства" обуховцы успѣли вырости: они теперь на опытѣ убѣдились въ великой силѣ солидарности, и сознаніе этой силы дѣлало ихъ совсѣмъ другими людьми.

На попытку — отнять ихъ вольности, они отвѣтили новой забастовкой, которая по организаціи *не оставляетъ желать ничего лучшаго*.

4-го іюля уполномоченные рабочихъ получили отъ начальника завода окончательный отвѣтъ относительно возвращенія на заводъ полковника Иванова: „честное офицерское слово" не представляло никакой цѣнности, и реакція, въ лицѣ возвращающагося къ „исполненію своихъ обязанностей" полковника карьериста, готовилась вступить въ свои права; съ его возвращеніемъ администрація переходила къ прежней своей политикѣ.

Получивъ въ девять часовъ утра отвѣтъ, что Иванов *не будетъ удаленъ*, уполномоченные вернулись съ этимъ сообщеніемъ въ свои мастерскія, а въ десять часовъ раздался заводскій свистокъ: обуховцы бастовали второй разъ.

Эта вторая забастовка производила прямо подавляющее впечатлѣніе выдержанностію бастовавшихъ рабочихъ: *вся семитысячная толпа покинула заводъ не болѣе, чѣмъ въ 15 минутъ*. Здѣсь какъ нельзя наглядно сказалась вся могучая сила солидарности, добытая Обуховцами изъ двухмѣсячной *практики борьбы* за свои элементарныя права: какъ одинъ человѣкъ отозвались они теперь на новую перемѣну фронта въ политикѣ заводской администраціи, передъ ней снова *отказалось не стало баранов*, подлежащихъ „сейко возможной" стрижкѣ, а семитысячная толпа людей, сознавшихъ свои интересы и готовыхъ биться за нихъ...

И бой грянулъ: начались безконечные, массовые аресты и высылки этапнымъ порядкомъ „на родину". Но и въ тюрьмѣ не покидало обуховцевъ прекрасное, бодрое настроеніе: изъ непроницаемыхъ камеръ пересыльной петербургской тюрьмы цѣлый день раздавались пѣсни:

Смѣло, друзья! Не теряйте
Бодрость въ неравномъ бою!
Родину мать вы спасайте,
Честь и свободу свою!..

слышались изъ одной камеры изъ другой въ отвѣтъ неслась передѣланная на свой ладъ „студенческая":

Безъ суда насъ осудили —
Это въ моду уже вошло!..

Изъ третьей раскатисто грянула „любимая" „своя", написанная кѣмъ то изъ Обуховцевъ:

Прощай надолго, Петроградъ!
Въ далекій путь идемъ мы смѣло:
Вдали твоихъ злачеяыхъ главъ
Мы снова примемся за дѣло!

И дѣйствительно, не оставалось никакого сомнѣнія, что разсѣянные по „лицу земли родной", они „снова примутся за дѣло" отстаиванія своихъ интересовъ рука объ руку съ новыми товарищами, въ новой дружной борьбѣ.

На этомъ примѣрѣ изъ борьбы обуховцевъ за свои права мы можемъ прекрасно видѣть „ничтожество" закона о фабричныхъ старостахъ: вмѣсто того, чтобы *открыто и ясно признать за рабочими право сообща отстаивать отъ капиталистовъ свои интересы*, — онъ награждаетъ капиталистовъ правомъ вербовать себѣ полицію изъ „благоразумныхъ" „незаинтересованныхъ"...

И этой безплодной попыткой „законодательствовать" самодержавіе лишній разъ доказываетъ свою полную ненужность, непригодность къ существованію...

И не мы помѣшаемъ ему въ этомъ, въ сущности, невинномъ, занятіи: пусть, подсчитывая оставшіеся дни своего существованія, занимается оно перешиваніемъ тряпичныхъ кафтановъ, да еще бѣлыми нитками.

Вѣди.

ИЗЪ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

На пути къ банкротству. Когда правительственная пресса начинаетъ безъ видимаго повода восхвалять „блестящее состояніе" русскихъ финансовъ, это значитъ, что ведутся переговоры о займѣ. Когда восхваляется „устойчивость" золотой валюты, пускно ждать новыхъ выпусковъ кредитныхъ билетовъ. За послѣднее время достаточно было панегириковъ и „блестящему состоянію", и „устойчивости", а 300 милліон. рублей внѣшняго займа, 150 — внутренняго и 200 — новыхъ кредитокъ явились наглядными доказательствомъ великолѣпія царскаго хозяйства. Однако, источникъ золотой благодати начинаетъ, повидимому, изсякать. Европейская биржа готова, пожалуй, съ снисходительной усмѣшкой подавать милымъ новопременскимъ дѣткамъ, восхвалявшимъ японское отступленіе какъ „блестящую побѣду" и требующимъ чуть ли не иллюминаціи по этому поводу. Но давать деньги подъ залогъ такихъ „побѣдъ", — это, конечно, другое дѣло. Когда рѣчь заходитъ о кошелькѣ, конецъ шуткамъ.

Говорятъ, царь заявилъ рѣшимость вести войну „до послѣдняго солдата и послѣдняго рубля". Нужно думать, народъ положитъ конецъ войнѣ раньше, чѣмъ дѣло дойдетъ до послѣдняго солдата. До „послѣдняго" же рубля, повидимому, не такъ уже далеко. Объ этомъ свидѣтельствуетъ, по крайней мѣрѣ, „совершенно секретный" циркуляръ берлинскаго союза для охраны промышленныхъ интересовъ, повавшій въ руки одной нѣмецкой соціалъ-демократической газеты. Въ циркулярѣ этомъ настоятельно рекомендуется всѣмъ членамъ союза съ величайшею осторожностію брать на себя подряды на поставки русскому правительству, такъ какъ, напр., недавно одно русское правительственное установленіе не внесло своему поставщику срочныхъ платежей, и это повлекло за собою банкротство нѣсколькихъ крупныхъ фирмъ — какихъ, русскихъ или нѣмецкихъ, циркуляръ не говоритъ. Затѣмъ сообщается, что одинъ русскій коммиссіонеръ, получивши большой заказъ для каленныхъ желѣзныхъ дорогъ, выпускать былъ согласиться на разсрочку платежей. Въ широкихъ кругахъ, продолжаетъ циркуляръ, господствуетъ убѣжденіе, что Россія наканунѣ государственнаго банкротства; случаи торговой несостоятельности учащаются въ ужасающей прогрессіи и обѣщаютъ всегда русско-японской войной. Въ заключеніе циркуляръ еще разъ предостерегаетъ нѣмецкихъ купцовъ отъ сдѣлокъ съ русскимъ правительствомъ.

На пути къ банкротству! На пути къ „послѣднему рублю"!

Петербургъ. Назначеніе Святополка Мирскаго министромъ внутреннихъ дѣлъ является нѣсколько неожиданнымъ, но далеко не новою главою въ бездонно-пестрой книгѣ русскаго самодержавія. Въ такихъ же, приблизительно, обстоятельствахъ и съ такими же надеждами недавно былъ выдвинутъ другой генералъ — Ванновскій. Святополку предстоитъ теперь на болѣе обширномъ полѣ внутренней политики повторить опытъ, сдѣланный Ваннов скимъ въ тѣсныхъ рамкахъ министерства народнаго просвѣщенія. Смыслъ этого опыта, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, одинаковъ. Измученное собственными преступленіями самодержавіе пытается увлониться отъ политическаго разсчета моральнымъ покаяніемъ. Елковые рукавицы смѣняются серебянными поцѣлуями. Но политическія задачи не разрѣшаются „хорошими обхожденіемъ". Личная доброта можетъ счастливо улодить нѣкоторыя произвольно созданныя политической борьбы, она можетъ отвести напряженное негодованіе отъ опредѣленнаго лица, обезоружить кинжалъ отъ бомбы террористовъ, но она не можетъ ослабить глубокаго революціоннаго движенія, вырастающаго на классовомъ фундаментѣ. „Добрый" министръ въ состояніи, конечно, принять въ университетъ исключеннаго студента, но онъ не въ состояніи „признать" въ современномъ капиталистическомъ обществѣ революціонера-рабочаго, сознающаго непримиримую противоположность своихъ интересовъ съ интересами всѣхъ остальныхъ общественныхъ классовъ. И даже съ болѣе узкой, исключительно политической точки зрѣнія, тактика доброты и сердечнаго попеченія не обѣщаетъ никакихъ полезныхъ результатовъ. Стремясь сохранить сущность самодержавнаго строя, она попытается добротою и сердечностью ослабить его гибельныя и жестокія проявленія. Но и въ области политики, повторяемъ, хорошее обхожденіе лишено творческой силы. Политическія болѣзни лѣчатся не моральными, а политическими лѣкарствами. И Святополкъ уже вынужденъ вступить на скользкую дорогу политическихъ уступокъ. Мирный пѣсъ, направляемый Плеве на земство, Зиновьевъ, прекратилъ свои набѣги. Уже готовый докладъ о вятскомъ земствѣ, полный самыхъ злостныхъ обвиненій, пріостановленъ и, вообще, и вся эта кампанія противъ земскихъ учрежденій, повидимому, кончится полнымъ отступленіемъ правительства. Затѣмъ въ петербургскихъ кружкахъ ходятъ упорные слухи о новомъ проектѣ „конституціи безъ конституціи", будто бы созрѣвающемъ въ нѣдрахъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Говорятъ, что государственный совѣтъ будетъ на половину пополненъ представителями общественныхъ учрежденій, дворянства, земства, и городовъ. Въ такомъ составѣ совѣтъ будетъ выбирать государственнаго канцлера, которому предоставляется право составлять кабинетъ министровъ. Этотъ проектъ, въ передачѣ „народной молвы", слишкомъ смутенъ, чтобы можно было опѣнить его по достоинству. Во всякомъ случаѣ, онъ характеренъ въ томъ отношеніи, что выражаетъ вожделѣнія нѣкоторыхъ слоевъ бюрократіи и дворянства, возмущенныхъ и кровно обиженныхъ силою и властью „камарильи", небольшой клики проходимцевъ, захватившихъ Николая и надавшихъ „ходу" другимъ охотникамъ попользоваться государственнымъ пирогомъ. Быть можетъ, конечно, всѣ разговоры и слухи, столь обильные теперь въ Петербургѣ, не имѣютъ серьезныхъ основаній, но заслуживательно, что отношеніе къ нимъ въ кружкахъ, создающихъ „общественное мнѣніе", показываетъ, какъ мы „созрѣли" со времени блаженной памяти Ванновскаго. Тогда первая милостивая улыбка сверху вызвала потокъ холопскихъ чувствъ и наивно розовыхъ ожиданій. Теперь большинство прогрессивно пожимаетъ плечами и глубокомысленно замѣчаетъ, что назначеніе Святополка — только жалкая попытка правительства увильнуть отъ разрѣшенія жгучихъ вопросовъ. Печать, залпировавшая соловьемъ по поводу самыхъ, выражаясь мягко, двусмысленныхъ приказовъ Ванновскаго, теперь постепенно „наглѣетъ" и начинаетъ требовать свободы и либеральныхъ реформъ ворчливымъ и несговорчивымъ тономъ. Очевидно, Россія вступаетъ, съ помощью Каминуры и Куроки, въ тотъ рѣдкій въ настоящее время подъемъ общественнаго настроенія, когда революціонная агитація способна принести богатые обильные и плоды.

Харьковъ. Съ сильными не борись! Въ началѣ іюля здѣсь произошла „исторія", сильно заволновавшая нѣкоторые слои нашего „общества". *Дѣйствующія лица составляютъ „небольшую, но теплую компанію"*: 1) воспитанникъ кадетскаго корпуса, князь С. Н. Святополкъ-Мирскій, (племянникъ нынѣ благополучно правящаго министра внутр. дѣлъ), живущій въ имѣніи своей матери князя Харькова; 2) М. А. Гаврилова, извѣстная харьковская шансонетная пѣвица, нывшая тоже на дачѣ около Харькова и 3) студентъ харьковскаго университета Е. Шустовъ, не менѣе извѣстный среди мѣстнаго студенчества donъ-Жуанъ, онъ же контролеръ на Екатерининской жел. дор.

Какъ догадывается читатель, яблокомъ раздора послужила г-жа Гаврилова, пѣвшая одновременно сердца обоихъ донъ-Жуановъ: какъ это ни странно, успѣхомъ пользовался студентъ, а князь былъ отказанъ. Но его сіятельство былъ не изъ уступчивыхъ и рѣшилъ, если не побѣдить, то, по крайней мѣрѣ, отомстить. Задумано — сдѣлано.

Въ одну прекрасную польскую ночь, когда нашъ контролеръ спалъ на ст. Люботинъ, ему подали записку отъ г-жи Гавриловой, въ коей она просила его немедленно пріѣхать къ ней на дачу на присланной за нимъ лошади. Шустовъ, конечно, тотчасъ же отправился. Но возлѣ дачи на плотинѣ на него кто-то набросился сзади на пролетку и сталъ душить, кучеръ же скрылся. Кое какъ бѣдному удалось вырваться и погнать лошадь.

Однако, на дачѣ его ожидало нѣчто болѣе непріятное. Оказалось, что тамъ былъ Святополкъ-Мирскій, который побоями

По поводу полученія ими этого проэкта революціонные органы россійской мелкой буржуазіи затѣяли громкую побѣдную пѣснь, — нѣчто въ родѣ „тебе бога хвалимъ", — самой бравурностью своего напѣва обнаруживающую ту неувѣренность, съ которой делегаты этой партіи ѣхали въ Амстердамъ и которая не переставала мучить ихъ въ „Бюро Внѣшнихъ Сношеній" вплоть до той самой минуты, когда имъ было наконецъ объявлено благопріятное для нихъ рѣшеніе. Однако, безпристрастный историкъ отмѣтитъ, что въ данномъ случаѣ успѣхъ социалистовъ-революціонеровъ былъ не такъ великъ и, главное, не имѣлъ такого яснаго для нихъ характера, какъ воображаетъ русскій органъ мелкобуржуазнаго соціализма.

Дѣло было такъ. Въ промежутокъ времени, отдѣлявшій парижскій съѣздъ отъ амстердамскаго, нѣкоторыя организаціи, дѣйствующія въ Россіи по тѣ поры изъ состава россійской соціалъ-демократической партіи, — напр. „группа" соціалистовъ-революціонеровъ литовскихъ соціалистовъ, Бунда и т. д., — обратились въ Международное Социалистическое Бюро съ просьбой дать имъ право самостоятельно представительства на этомъ бюро. Просьба эта обосновывалась различными организаціями различно: одни изъ нихъ ссылались на свои національныя особенности, другія на свои программно-тактическія или организаціонныя разногласія съ нашей партіей, но не тѣ, и другія ставили бюро въ одинаково затруднительное положеніе. Такъ какъ одинъ изъ пунктовъ голосовъ, приходящихся на долю Россіи во всякомъ случаѣ принадлежитъ россійской соціалъ-демократіи, то въ распоряженіи бюро оказался только *одинъ* голосъ, на который имѣлось по крайней мѣрѣ, *три* претендента. Кому онъ долженъ былъ достаться? На „этотъ" вопросъ можно было отвѣтить элементарнымъ словомъ „*большинствомъ*". Но, чтобы найти постоянѣйшаго, нужно было бы войти въ разсмотрѣніе программъ и взаимныхъ отношеній существующихъ въ Россіи организацій и именно этого-то и хотѣло избѣгнуть Бюро, слѣдуя указанному мною выше обыкновенію международныхъ съѣздовъ. Что же ему оставалось дѣлать? Въ засѣданіи бюро, состоявшемся послѣ открытія амстердамскаго съѣзда, В. Адлеръ предложилъ дать Россіи — *вмѣсто* обычныхъ *двухъ* голосовъ, — *три* или *четыре*. Но такое рѣшеніе сдѣлало бы споръ и при томъ еще большимъ трудностямъ. Въ Россіи много дѣйствительныхъ и не мало мнимыхъ національностей, и есть основанія думать, что въ ея революціонной средѣ долго еще будутъ возникать независимыя организаціи. Неужели каждая изъ нихъ получитъ особый голосъ въ Международномъ Бюро? Но, по справедливому замѣчанію Г. Люксембургъ, Бюро не этнографическій музей. И гдѣ же мы остановимся? Сколько голосовъ получитъ въ разборчивомъ Россіи? Проектъ Адлера былъ отклоненъ, при чемъ я, съ своей стороны, голосовалъ противъ него и на вопросъ того же Адлера, какой изъ россійскихъ организацій должны мы, въ такомъ случаѣ, дать второй голосъ, я отвѣчалъ: „*наиболѣе сильной*". Затѣмъ пренія по этому вопросу прекратились, и Бюро въ одномъ изъ послѣдующихъ своихъ засѣданій вынуждено было взяться за рѣшеніе трудной и щекотливой для него задачи *выяснить „достоинства"*.

Когда оно приступило, наконецъ, рѣшать ее, представитель Бунда и представитель „соціалистовъ революціонеровъ" были приглашены на это засѣданіе для объясненій. Въ своей краткой и крайне неловкой рѣчи представитель Бунда, — неужели эта организація не могла выставить болѣе искуснаго оратора? — имѣлъ безтактность сказать, что его организація *потому* должна имѣть особый голосъ въ Бюро, что она не можетъ быть уполномочена представителями уполномоченныхъ Рос. Соц.-Дем. Раб. Партіи, изъ которой она выступила и съ которой она теперь „на ножахъ". И *должна* быть вступить въ споръ съ неумѣлымъ оппонентомъ Бунда и я сказалъ, что такъ какъ его организація выступила изъ нашей партіи, то благодаря этому въ нашихъ взаимныхъ отношеніяхъ, несомнѣнно возникло нѣкоторое непріятное трение (Reibungsmoment), но что къ счастію мы все таки еще не „на ножахъ". А что касается разногласій, существующихъ между нашей партіей и Бундомъ, то я замѣтилъ, что этотъ послѣдній выступилъ изъ нашей организаціи не потому, что онъ не согласенъ съ нами въ какихъ нибудь вопросахъ *программы* или *тактики*, а потому, что уставъ нашей партіи не оставлялъ ему его мѣстнаго, достаточно мѣста для его болѣе или менѣе націоналистическихъ стремленій (ще le statut de notre parti ne laissait pas assez de place a ses tendances plus ou moins nationalistes). Наконецъ, я счелъ себя обязаннымъ по совѣсти прибавить, что, какъ организація рабочихъ, Бундъ несравненно сильнѣе и вліятельнѣе, чѣмъ партія соціалистовъ революціонеровъ. На мою рѣчь не возражали ни Рубановичъ, упустивши такимъ образомъ прекрасный случай показать имъ, что его „партія" также является представительницей пролетаріата" — ни дѣлегатъ отъ Бунда. И не знаю, почему промолчалъ этотъ послѣдній; недавно мнѣ изъ основныхъ публичныхъ собраній пришлось услышать, что они не отвѣчали мнѣ единственно потому, что представитель Бюро не далъ имъ слова. Но этотъ довѣтъ не выдерживаетъ критики. Во-первыхъ, *новая моя рѣчь* прекратитъ представитель Бунда, — сколько я помню, далъ слово *еще два раза*. Но если бы это было и не такъ, то странно, что они хранили такое глубокое молчаніе во время моей рѣчи, между тѣмъ какъ они чуть не на каждомъ слоѣ прерывали представителя „соціалистовъ революціонеровъ". Г. Рубановичъ, и не подумавши прервать Г. Люксембургъ, когда она не совсѣмъ точно перевела на нѣмецкій языкъ какія нибудь мѣсто моей рѣчи, тѣмъ не говорилъ о причинахъ, побудившихъ Бундъ разорвать съ нашей партіей: тутъ то можно и должно было мнѣ кажется, кстати уже крикнуть, что хотя ошиблась передвинувшая меня Г. Люксембургъ, но что я тоже *наложилъ дѣло* неправильно. Какъ бы тамъ ни было, представителей обѣихъ добивавшихся голоса организацій, послѣ данныхъ имъ подробныхъ объясненій, попросили выйти, и Бюро стало подводить итогъ ихъ доводамъ. Впечатлѣніе большинства было, сколько я могъ судить, *въ пользу Бунда*: нѣкоторые члены бюро, высказавшіеся прежде *противъ* него, прямо говорили мнѣ теперь, что они будутъ отстаивать *его* право на представительство. Но вотъ встаетъ вожакъ англійской соціалъ-демократіи Гайндманъ и съ чрезвычайно оперичной рѣчи дорогъ претензіи Бунда. Смыслъ его словъ сводился къ тому, что какъ бы ни была сильна его организація по своему вліянію на рабочихъ, она выступила изъ россійской соціалъ-демократической рабочей партіи вслѣдствіе своихъ націоналистическихъ стремленій и что, поэтому, давать ей право представительства въ бюро, мы оказались бы виновными въ поощреніи націонализма. „Le Bund n'a qu'à rentrer dans la social-democratie russe". Бунду остается только войти въ россійскую соціалъ-демократію — заключилъ Гайндманъ. Его аргументаціи сильно подѣйствовала на Бюро: нѣкоторые члены этого послѣдняго, собиравшіеся голосовать за Бундъ, шепнули мнѣ: „Гайндманъ правъ, мы должны голосовать противъ Бунда". Да и самъ я не зналъ, что *именно* можно было бы возразить Гайндману.

Въ концѣ концовъ за „соціалистовъ революціонеровъ" было подано 8 голосовъ, а за Бундъ семь. Значитъ не всѣхъ таки убѣдила рѣчь Гайндмана!

Смыслъ всего этого инцидента тотъ, что хотя большинство членовъ Бюро и признало Бундъ, какъ рабочую организацію, болѣе сильной и вліятельной, чѣмъ „партію соц.-рев.", но спорное право представительства все таки досталось этой послѣдней, такъ какъ представители международнаго пролетаріата не сочли возможнымъ поощрять національническія тенденціи Бунда.

Бундъ былъ побѣжденъ. Но онъ можетъ утѣшить себя тѣмъ соображеніемъ, что побѣда „партіи соц революціонеровъ" очень напоминаетъ знаменитую *побѣду Пирра*.

Г. Плехановъ.

---

[1]) Полковникъ К. Ивановъ — въ нашей степени бездарный карьеристъ, не останавливающійся ни передъ какими средствами. Его „политика" и привела обуховцевъ къ забастовкѣ.

[1]) Прошу читателя замѣтить, что я не помню въ точности, сколько именно голосовъ подано за каждую изъ этихъ организацій: возможно, что за „соц-революціонеровъ" было подано однимъ голосомъ больше, а за Бундъ меньше, — или наоборотъ. Точныя цифры записаны, вѣроятно, секретаремъ Бюро.

[2]) Онъ, очевидно, понялъ, что малѣйшее возраженіе съ его стороны дало бы мнѣ поводъ обратить вниманіе Бюро на отрицаніе „соц. революціонерами" *пролетарской* точки зрѣнія и что тогда, пожалуй, трудно было бы отклонить разсмотрѣніе этого вопроса. Г. Рубановичъ любитъ поговорить кстати и даже некстати о широкихъ стремленіяхъ своей „партіи". Но онъ знаетъ, что есть обстоятельства, при которыхъ *молчаніе — золото*.

Иванов[1]) командировался начальником завода въ Либаву, а въ разговорѣ съ уполномоченными отъ рабочихъ начальникъ завода, Г. М. Власьевъ, далъ „честное офицерское слово", что Иванов и совѣтъ его подастъ въ отставку. Впереди же обуховцевъ ожидали и еще большія уступки: въ торжественномъ засѣданіи съ уполномоченными отъ рабочихъ, на которомъ они предъявили ему свои требованія, Власьевъ заявилъ, что 12 пунктовъ изъ 14 онъ *принимаетъ* и можетъ удовлетворить ихъ властью, два же остальныхъ — они касаются рабочаго дня и празднованія 1 го мая — пошлетъ на разсмотрѣніе высшихъ начальствъ.

Самымъ главнымъ было то, что съ этого времени на заводѣ устанавливался *режимъ пресловутаго закона*.

Никто и не заикался о „законѣ" здѣсь по „закону" участвовать вообще запрещается соотвѣтственно новому рабочимъ и пріостановленъ пріемъ.

Если нѣкоторые изъ нихъ были задержаны на мѣстѣ нарушенія этого закона прикащиками стрѣлковыми патрулями изъ рабочихъ, бемъ имѣвшихъ *кодексъ* не протестовать противъ слишкомъ ужъ безсистематичныхъ придирокъ со стороны убійцевъ, какъ *убійственно* для нихъ настоящую минуту всякихъ репрессивныхъ мѣръ, — *оно само шло навстрѣчу этому самому коллективному договору* и дѣлало вновь то, что здѣсь существованія воспрещающаго этотъ договоръ закона.

Но „обуховцы" мало вниманія обращали на свои бѣдствія: они и раньше имѣли слишкомъ много случаевъ убѣдиться, что *начальство вспоминаетъ о законѣ лишь тогда, когда оно ему удобно*: они не терпѣли времени, и скоро на обуховскомъ заводѣ водворилось настоящее царство бюрократическаго произвола большого и маленькаго заводского начальства, совершенно контролю представителей уполномоченныхъ и роли городскихъ мастеровъ, „помощи" и „заботѣ" всѣхъ сортовъ и чиновъ свелась къ ихъ нормальнымъ функціямъ. Сверхурочныя работы, расцѣнки и проч. [illegible] были уполномоченныхъ.

Не скоро забудутъ обуховцы это время — время мая и іюня 1901 года.

Но... „что дѣлать, когда [illegible] смерть".

Предчувствія [illegible] оправдались: [illegible] „не по себѣ". [illegible] обуховцы и [illegible] себѣ обуховцы и [illegible] ный установленъ.

По за [illegible] [illegible] [illegible]

Иванов[1]) командировался начальником завода въ Либаву, а въ разговорахъ съ увольняемыми отъ рабочихъ начальникъ завода, Г. М. Власьевъ, далъ „честное офицерское слово", что Иванов и совѣтъ подастъ въ отставку. Впереди же обухов цы ожидали и еще большія уступки: въ торжественномъ засѣданіи съ уполномоченными отъ рабочихъ, на которомъ они предъявили ему свои требованія, Власьевъ заявилъ, что 12 пунктовъ изъ 14 онъ *принимаетъ* и можетъ удовлетворить своей властью, два же остальныхъ (8-ми часовой рабочій день и празднованіе 1-го мая) пошлетъ на разсмотрѣніе высшаго начальства.

Самымъ главнымъ было то, что съ этого времени на заводѣ устанавливалось *рабочее представительство*.

Никто и не заикался о „законѣ", а вѣдь по „закону" у насъ вообще запрещается коллективный договоръ рабочихъ съ предпринимателемъ. И если нѣсколько дней назадъ начальство во имя этого закона приказывало стрѣлять боевыми патронами въ рабочихъ, осмѣлившихся *коллективно* протестовать противъ слишкомъ ужъ безсовѣстныхъ притѣсненій, то теперь, убѣдившись, *какъ убыточны* для него въ настоящую минуту всякія репрессивныя мѣры, — *оно само шло навстрѣчу этому самому коллективному договору* и дѣлало видъ, что забыло о существованіи воспрещающаго этотъ договоръ закона.

Но „обуховцы" мало вниманія обращали на свои безаконія: они и раньше нѣлли слишкомъ много случаевъ убѣдиться, что *начальство вспоминаетъ о законахъ лишь тогда, когда они для него удобны*: они не теряли времени, и скоро на обуховскомъ заводѣ водворилось настоящее царствіе божіе: всякое распоряженіе большого и маленькаго заводского начальства подвергалось контролю представителей уполномоченныхъ, и роль заводскихъ инспекторовъ, „погонялъ" и „забѣгалъ" всѣхъ сортовъ и чиновъ свелась къ ихъ нормальнымъ функціямъ. Сверхурочныя работы, расцѣнки и проч.—все устанавливалось лишь съ вѣдѣнія уполномоченныхъ...

Не скоро забудутъ обуховцы золотое времячко—май и іюнь 1901 года!..

Но... что для рабочаго здорово — для начальства смерть!"

Предержащія власти завода скоро почувствовали себя очень не по себѣ" отъ всѣхъ тѣхъ вольностей, которыя завоевали себѣ обуховцы, и попытались свести „на нѣтъ" всѣ либеральныя установленія...

Но за два мѣсяца своего „господства" обуховцы успѣли вырости: они теперь на опытѣ убѣдились въ великой силѣ солидарности, и сознаніе этой силы дѣлало ихъ совсѣмъ другими людьми.

На попытку — отнять ихъ вольности, они отвѣтили новой забастовкой, которая по организаціи *не оставляетъ желать ничего лучшаго*.

7-го іюля уполномоченные рабочихъ получили отъ начальника завода окончательный отвѣтъ относительно возвращенія на заводъ полковника Иванова: „честное офицерское слово" не представляло никакой цѣнности, и реакція, въ лицѣ возвращающагося къ „исполненію своихъ обязанностей" полковника-карьериста, готовилась вступить въ свои права; съ его возвращеніемъ администрація переходила къ прежней своей политикѣ.

Получивъ въ девять часовъ утра отвѣтъ, что Ивановъ *не будетъ удаленъ*, уполномоченные вернулись съ этимъ сообщеніемъ въ свои мастерскія, а въ десять часовъ раздался заводскій свистокъ: обуховцы бастовали второй разъ...

Эта вторая забастовка производила прямо подавляющее впечатлѣніе выдержанностью бастовавшихъ рабочихъ: *вся семилетняя толпа покинула заводъ не болѣе, чѣмъ въ 15 минутъ*. Какъ нельзя наглядно сказалась вся могучая сила сознанія своей солидарности, добытая Обуховцами изъ двухмѣсячной *практики борьбы* за свои элементарныя права: какъ одинъ человѣкъ отозвались они теперь на новую перемѣну фронта въ политикѣ заводской администраціи; передъ ней снова стало не стадо барановъ, подлежащихъ „сликомъ возможной" стрижкѣ, а сомкнутая толпа людей, сознавшихъ свои интересы и готовыхъ биться за нихъ...

И бой грянулъ: начались безконечные, массовые аресты и высылки этапнымъ порядкомъ „на родину". Но и въ тюрьмѣ не покидало обуховцевъ прекрасное, бодрое настроеніе: изъ переполненныхъ камеръ пересыльной петербургской тюрьмы цѣлый день раздавались пѣсни:

Смѣло, друзья! Не теряйте
Бодрость въ неравномъ бою!
Родину мать вы спасайте,
Честь и свободу свою!—

слышимое изъ одной камеры изъ другой въ отвѣтъ неслась передѣланная на свой ладъ „студенческая":

Боевой нашъ братъ-рабочій
Не боится никого!
Онъ за правду, онъ за волю
Грудью станетъ за свое!

Безъ суда насъ осудили —
Это въ моду уже вошло!..

Изъ третьей раскатисто грянула „любимая", „своя", написанная кѣмъ то изъ Обуховцевъ:

Прощай надолго, Петроградъ!
Въ далекій путь идемъ мы смѣло:
Вдали твоихъ злачныхъ главъ
Мы снова примемся за дѣло!

И дѣйствительно, не оставалось никакого сомнѣнія, что разсѣянные по „лицу земли родной", они „снова примутся за дѣло" отстаиванія своихъ интересовъ рука объ руку съ новыми товарищами, въ новой дружной борьбѣ.

На этомъ примѣрѣ изъ борьбы обуховцевъ за свои права мы можемъ прекрасно видѣть „ничтожность" закона о фабричныхъ старостахъ: вмѣсто того, чтобы *открыто и ясно признать за рабочими право сообща отстаивать отъ капиталистовъ свои интересы*, — онъ награждаетъ капиталистовъ правомъ вербовать себѣ полицію изъ „благоразумныхъ" „незаинтересованныхъ"...

И этой безплодной попыткой „законодательствовать" самодержавіе лишній разъ доказываетъ свою полную ненужность, непригодность къ существованію...

И не мы помѣшаемъ ему въ этомъ, въ сущности, невинномъ, занятіи: пусть, подсчитывая оставшіеся дни своего существованія, занимается оно перешиваніемъ Тришкинъхъ кафтановъ, да еще бѣлыми нитками.

Вѣди.

ИЗЪ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

На пути къ банкротству. Когда правительственная пресса начинаетъ безъ видимаго повода восхвалять „блестящее состояніе" русскихъ финансовъ, это значитъ, что ведутся переговоры о займѣ. Когда восхваляется „устойчивость" золотой валюты, нужно ждать новыхъ выпусковъ кредитныхъ билетовъ. За послѣднее время достаточно было панегириковъ и „блестящему состоянію", и „устойчивости", а 300 милліон. рублей внѣшняго займа, 150 — внутренняго и 200 — новыхъ кредитокъ явились наглядными доказательствомъ великолѣпія царскаго хозяйства. Однако, источникъ золотой благодати начинаетъ, повидимому, изсякать. Европейская биржа готова, пожалуй, съ снисходительной усмѣшкой поддакивать милымъ пововременскимъ дѣткамъ, восхвалявшимъ японское отступленіе какъ „блестящую побѣду" и требующимъ чуть ли не иллюминаціи по этому поводу. Но давать деньги подъ залогъ такихъ „побѣдъ", — это, конечно, другое дѣло. Когда рѣчь заходитъ о кошелькѣ, конецъ шуткамъ.

Говорятъ, царь заявилъ рѣшимость вести войну „до послѣдняго солдата и послѣдняго рубля". Нужно думать, народъ положитъ конецъ войнѣ раньше, чѣмъ дѣло дойдетъ до послѣдняго солдата. До „послѣдняго" же рубля, повидимому, не такъ уже далеко. Объ этомъ свидѣтельствуетъ, по крайней мѣрѣ, „совершенно секретный" циркуляръ берлинскаго союза для охраны промышленныхъ интересовъ, попавшій въ руки одной нѣмецкой соціалъ-демократической газеты. Въ циркулярѣ этомъ настоятельно рекомендуется всѣмъ членамъ союза съ величайшею осторожностію брать на себя подряды на поставки русскому правительству, такъ какъ, напр., недавно одно русское правительственное установленіе не внесло своему поставщику *срочныхъ* платежей, и это повлекло за собою банкротство нѣсколькихъ крупныхъ фирмъ — какихъ, русскихъ или нѣмецкихъ, циркуляръ не говоритъ. Затѣмъ сообщается, что одинъ русскій коммисіонеръ, получившій большой заказъ для каленныхъ желѣзныхъ дорогъ, вынужденъ былъ согласиться на разсрочку платежей. Въ широкихъ кругахъ, продолжаетъ циркуляръ, господствуетъ убѣжденіе, что Россія наканунѣ государственнаго банкротства; случаи торговой несостоятельности учащаются въ ужасающей прогрессіи и объясняются всегда русско японской войной. Въ заключеніе циркуляръ еще разъ предостерегаетъ нѣмецкихъ купцовъ отъ сдѣлокъ съ русскимъ правительствомъ.

На пути къ банкротству! На пути къ „послѣднему рублю"!

Петербургъ. Назначеніе Святополкъ-Мирскаго министромъ внутреннихъ дѣлъ является нѣсколько неожиданнымъ, но далеко не новою ставкою въ безпокойно-проигранной игрѣ русскаго самодержавія. Въ такихъ же, приблизительно, обстоятельствахъ и съ такими же цѣлями недавно былъ выдвинутъ другой генералъ — Ванновскій. Святополкъ предстоитъ теперь на болѣе обширномъ полѣ внутренней политики повторить опытъ, сдѣланный Ванновскимъ въ тѣсныхъ рамкахъ министерства народнаго просвѣщенія. Смыслъ этого опыта, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, одинаковъ. Измученное собственными преступленіями самодержавіе жаждетъ укрыться отъ политическаго разсчета моральнымъ покаяніемъ. Елейныя рукавины смѣняются сердечнымъ попеченіемъ. Но политическія задачи не разрѣшаются „хорошими обхожденіемъ". Личная доброта можетъ счастливо угадать нѣкоторыя пріемлемыя для политической борьбы, она можетъ отвлечь напряженіе негодованія отъ опредѣленнаго лица, обезоружить массы отъ бомбы террористовъ, но она не можетъ ослабить глубокаго революціоннаго движенія, вырастающаго на классовомъ фундаментѣ. „Добрый" министръ въ состояніи, конечно, принять въ университетъ исключеннаго студента, но онъ не въ состояніи „принять" въ современное капиталистическое общество революціонера-рабочаго, сознательно непримиримаго противоположности своихъ интересовъ съ интересами всѣхъ остальныхъ общественныхъ классовъ. И даже съ болѣе узкой, исключительно политической точки зрѣнія, тактика доброты и сердечнаго попеченія не обѣщаетъ никакихъ полезныхъ результатовъ. Стремясь сохранить сущность самодержавнаго строя, она попытается добротой и сердечностью ослабить его гибельныя и жестокія проявленія. Но и въ области политики, повторяемъ, хорошее обхожденіе лишено творческой силы. Политическія болѣзни лѣчатся не моральными, а политическими лѣкарствами. И Святополкъ уже вынужденъ вступить на скользкую дорогу политическихъ уступокъ. Мирный пѣсъ, направляемый Плеве на земство, Зиновьевъ, прекратилъ свои набѣги. Уже готовый докладъ о вятскомъ земствѣ, полный самыхъ злостныхъ обвиненій, пріостановленъ и вообще, и вся эта кампанія противъ земскихъ учрежденій, повидимому, кончится полнымъ отступленіемъ правительства. Затѣмъ въ петербургскихъ кружкахъ ходятъ упорные слухи о новомъ проектѣ „конституціи безъ конституціи", будто бы сорвѣвшемъ въ кулуарахъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Говорятъ, что государственный совѣтъ будетъ на половину пополненъ представителями общественныхъ учрежденій, дворянства, земства, и городовъ. Въ такомъ составѣ совѣтъ будетъ выбирать государственнаго канцлера, которому предоставляется право составлять кабинетъ министровъ. Этотъ проектъ, въ передачѣ „народной молвы", слишкомъ смутенъ, чтобы можно было опѣнить его по достоинству. Во всякомъ случаѣ, онъ характеренъ въ томъ отношеніи, что выражаетъ вожделѣнія нѣкоторыхъ слоевъ бюрократіи и дворянства, возмущенныхъ и кровно обиженныхъ силою и властью „камарильи", небольшой кликѣ проходимцевъ, захватившихъ Николая и недавнимъ „ходу" другимъ охотникамъ воспользоваться государственнымъ пирогомъ. Быть можетъ, конечно, всѣ разговоры и слухи, столь обильные теперь въ Петербургѣ, не имѣютъ серьезныхъ основаній, но замѣчательно, что отношеніе къ нимъ въ кружкахъ, создающихъ „общественное мнѣніе", показываетъ, какъ мы „созрѣли" со времена блаженной памяти Ванновскаго. Тогда первая идіотская улыбка сверху вызвала потокъ холопскихъ чувствъ и наивно розовыхъ ожиданій. Теперь большинство иронически пожимаетъ плечами и глубокомысленно замѣчаетъ, что назначеніе Святополкъ — только жалкая попытка правительства уклониться отъ разрѣшенія жгучихъ вопросовъ. Печать, зализавшаяся словомъ по поводу самыхъ, выражаясь мягко, двусмысленныхъ приказовъ Ванновскаго, теперь постепенно „наглѣетъ" и начинаетъ требовать свободы и либеральныхъ реформъ ворчливымъ и несговорчивымъ тономъ. Очевидно, Россія вступаетъ, съ помощью Каминаги и Куроки, въ тотъ рѣшій изъ настоящее время подъемъ общественнаго настроенія, когда революціонная агитація способна принести богатые обильные и плоды.

Харьковъ. Съ сильными не борись! Въ началѣ іюля здѣсь произошла „исторія", сильно заволновавшая нѣкоторые слои нашего „общества". Дѣйствующія лица составляютъ „небольшую, но тѣсную компанію": 1) воспитанникъ кадетскаго корпуса, князь С. Н. Святополкъ-Мирскій, (племянникъ нынѣ благополучно правящаго министра внутр. дѣлъ), живущій въ имѣніи своей матери князя Харькова; 2) М. А. Гаврилова, владѣлица харьковскаи шансонетная пѣвица, жившая тоже на дачѣ около Харькова и 3) студентъ харьковскаго университета Е. Шуговъ, не менѣе извѣстный среди мѣстнаго студенчества donъ-Жуанъ, онъ же контролеръ на Екатерининской жел. дор.

Какъ догадывается читатель, яблокомъ раздора послужила г-жа Гаврилова, плѣнившая одновременно сердца обоихъ ловеласовъ; какъ это ни странно, успѣхомъ пользовался студентъ, и князю было отказано. Но его сіятельство былъ не изъ уступчивыхъ и рѣшилъ, если не побѣдить, то, по крайней мѣрѣ, отомстить. Задумано — сдѣлано.

Въ одну прекрасную іюльскую ночь, когда нашъ контролеръ сидѣлъ на ст. Люботинъ, ему подали записку отъ г-жи Гавриловой, въ коей она просила его немедленно пріѣхать къ ней на дачу на присланной за нимъ лошади. Шустовъ, конечно, тотчасъ же отправился. Но возлѣ дачи на плотинѣ на него изъ кустовъ набросился сзади на пролетку и сталъ душить, кучеръ же скрылся. Кое какъ бѣднягѣ удалось вырваться и погнать лошадь.

Однако, на дачѣ его ожидало нѣчто болѣе непріятное. Оказалось, что тамъ былъ Святополкъ-Мирскій, который побоялся

По поводу полученія ими этого права революціонный органъ россійской мелкой буржуазіи затянулъ громкую побѣдную пѣснь, — нѣчто въ родѣ „тебѣ бога хвалимъ", самой бравурностью своего напѣва обнаруживающую ту неувѣренность, съ которой делегаты этой партіи ѣхали въ Амстердамъ и которая не переставала мучить ихъ въ „сѣверной Венеціи" вплоть до той счастливой минуты, когда имъ было, наконецъ, объявлено благопріятное для нихъ рѣшеніе. Однако, безпристрастный историкъ отмѣтитъ, что въ данномъ случаѣ успѣхъ соціалистовъ-революціонеровъ былъ не такъ великъ и, — главное, — не имѣлъ такого лестнаго для нихъ характера, какъ воображаетъ россійскій органъ мелкобуржуазнаго соціализма.

Дѣло было такъ. Въ промежутокъ времени, отдѣлявшій парижскій съѣздъ отъ амстердамскаго, нѣкоторыя организаціи, дѣйствующія въ Россіи, по не входящія въ составъ россійской соціалъ-демократической партіи, — напр., „партія" соціалистовъ-революціонеровъ, литовскихъ соціалистовъ, Бунда и т. д., обратились въ Международное Социалистическое Бюро съ просьбой дать имъ право самостоятельнаго представительства въ этомъ бюро. Просьба эта обосновывалась различными организаціями различно: одни изъ нихъ ссылались на свои національныя особенности: другія на свои программно-тактическія или организаціонныя разногласія съ нашей партіей, но и тѣ, и другія ставили бюро въ одинаково затруднительное положеніе. Такъ какъ одинъ изъ двухъ голосовъ, приходящихся на долю Россіи, во всякомъ случаѣ принадлежитъ россійской соціалъ-демократіи, то въ распоряженіи бюро находился только *одинъ* голосъ, на который явились, по крайней мѣрѣ, три претендента. Кому онъ долженъ былъ достаться? На „этотъ вопросъ можно было отвѣтить элементарнымъ словомъ: *„достославному"*. Но, чтобы найти достойнѣйшаго, нужно было бы войти въ разсмотрѣніе программы и взаимныхъ отношеній дѣйствующихъ въ Россіи организацій, а именно этого-то и хотѣло избѣгнуть Бюро, слѣдуя указанному мною выше обыкновенію международныхъ съѣздовъ. Что же ему оставалось дѣлать? Въ засѣданіи бюро, состоявшемся наканунѣ открытія амстердамскаго съѣзда, В. Адлеръ предложилъ дать Россіи — *вмѣсто* обычныхъ *двухъ* голосовъ, — *три или четыре*. Но такое рѣшеніе создало бы новыя и при томъ еще большія трудности. Въ Россіи много дѣйствительныхъ и не мало мнимыхъ національностей, и есть основанія думать, что въ ея революціонной средѣ долго еще будутъ возникать независимыя организаціи. Неужели каждая изъ нихъ получитъ особый голосъ въ Международномъ Бюро? Но, по справедливому замѣчанію Р. Люксембургъ, Бюро не этнографическій музей. И гдѣ же мы остановимся? Сколько голосовъ получится въ распоряженіи Россіи? Проектъ Адлера былъ отклоненъ, при чемъ я, съ своей стороны, голосовалъ противъ него и на вопросъ того же Адлера, какой изъ россійскихъ организацій должны мы, въ такомъ случаѣ, дать второй голосъ, я отвѣчалъ: *„наиболѣе сильной"*. Затѣмъ пренія по этому вопросу прекратились, и Бюро въ одномъ изъ послѣдующихъ своихъ засѣданій вынуждено было взяться за рѣшеніе трудной и щекотливой для него задачи: *найти „достославнѣйшаго"*.

Когда оно приступило, наконецъ, рѣшать ее, представитель Бунда и представитель „соціалистовъ революціонеровъ" были приглашены на его засѣданіе для объясненій. Въ своей краткой и крѣпкой человѣкъ рѣчи представитель Бунда, — мнѣ кажется, что онъ былъ Либманъ, — заявилъ, что его организація *потому* должна имѣть особый голосъ въ Бюро, что она не можетъ быть удовлетворительно представлена уполномоченными Рос. Соц.-Дем. Раб. Партіи, изъ которой она выступила и съ которой она теперь „на ножахъ". Я *долженъ* былъ вступить въ споръ съ неумѣлымъ апологетомъ Бунда и я сказалъ, что такъ какъ его организація выступила изъ нашей партіи, то благодаря этому въ нашихъ взаимныхъ отношеніяхъ, несомнѣнно, возникло нѣкоторое непріятное трение (frottement), но что къ счастью мы все таки еще не „на ножахъ". А что касается разногласій, существующихъ между нашей партіей и Бундомъ, то я замѣтилъ, что этотъ послѣдній выступилъ изъ нашей организаціи не потому, что онъ не согласился съ нами въ какихъ нибудь вопросахъ *программы или тактики*, а потому, что уставъ нашей партіи не оставлялъ ни его мѣлкимъ, достаточно мѣста для его болѣе или менѣе націоналистическихъ стремленій (que le statut de notre parti ne laissait pas assez de place a ses tendances plus ou moins nationalistes). Наконецъ, я счелъ себя обязаннымъ по совѣсти прибавить, что, какъ организація рабочихъ, Бундъ несравненно сильнѣе и вліятельнѣе, чѣмъ партія соціалистовъ-революціонеровъ. На мою рѣчь не возражалъ ни г. Рубановичъ, — упустивши такимъ образомъ прекрасный случай показать намъ, что его „партія" также является представительницей пролетаріата", — ни дѣлегатъ отъ Бунда. И не знаю, почему про молчалъ этотъ послѣдній: недавно мнѣ на одномъ публичномъ собраніи пришлось услышать, что онъ не отвѣчалъ мнѣ единственно потому, что предсѣдатель Бюро не далъ ему слова. Но этотъ доводъ не выдерживаетъ критики. Во первыхъ, *посля моей рѣчи* представитель Бунда, — сколько я помню, — взялъ слово *еще два раза*. Но если бы это было и не такъ, то странно, что онъ хранилъ такое глубокое молчаніе во время моей рѣчи, между тѣмъ какъ онъ чутъ не на каждомъ словѣ прерывалъ представителя „соціалистовъ революціонеровъ", г. Рубановича, и не постѣснялся прервать Р. Люксембургъ, когда она не совсѣмъ точно перевела на нѣмецкій языкъ какъ разъ то мѣсто моей рѣчи, гдѣ я говорилъ о причинахъ, побудившихъ Бундъ разорвать съ нашей партіей: тутъ то можно и должно было, мнѣ кажется, кстати уже крикнуть, что хотя ошиблась переводившая меня Р. Люксембургъ, но что *я тоже наложилъ дѣло* неправильно. Какъ бы тамъ ни было, представителей обѣихъ добивавшихся голоса организацій, послѣ данныхъ имъ подробныхъ объясненій, попросили выйти, и Бюро стало подводить итогъ ихъ доводамъ. Впечатлѣніе большинства было, сколько я могъ судить, *въ пользу Бунда*: нѣкоторые члены Бюро, выславшіе прежде *противъ* него, прямо говорили мнѣ теперь, что они будутъ отстаивать *его* право на представительство. Но вотъ всталъ вожакъ англійской соціалдемократіи Гайндманъ и въ чрезвычайно энергичной рѣчи опровергъ претензіи Бунда. Смыслъ его словъ сводился къ тому, что какъ бы ни была сильна эта организація по своему вліянію на рабочихъ, она выступила изъ россійской соціалъ-демократической рабочей партіи вслѣдствіе своихъ національныхъ стремленій и что, поэтому, давать ей право представительства въ бюро, мы оказались бы виновными въ поощреніи національзма, „le Bund n'a qu'à rentrer dans la social-democratie russe" („Бунду остается только войти въ россійскую соціалъ-демократію" — заключилъ Гайндманъ. Его аргументація сильно подѣйствовала на Бюро: нѣкоторые члены этого послѣдняго, собиравшіеся голосовать за Бундъ, шепнули мнѣ: „Гайндманъ правъ, мы должны голосовать противъ Бунда". Да и самъ я не зналъ, что именно можно было бы возразить Гайндману.

Въ концѣ концовъ за „соціалистовъ революціонеровъ" было подано 16 голосовъ, а за Бундъ семь. Значитъ не всѣхъ таки убѣдила рѣчь Гайндмана[1]).

Смыслъ всего этого инцида тотъ, что хотя большинство членовъ Бюро и признало Бундъ, какъ рабочую организацію, болѣе сильной и вліятельной, чѣмъ „партія соц.-рев.", но спорное право представительства все таки досталось этой послѣдней, такъ какъ представители международнаго пролетаріата не сочли возможнымъ поощрять національныя тенденціи Бунда.

Бундъ былъ побѣжденъ. Но онъ можетъ утѣшить себя тѣмъ соображеніемъ, что побѣда „партіи соц революціонеровъ" очень напоминаетъ знаменитую *побѣду Пирра*.

Г. Плехановъ.

---

[1]) Онъ, очевидно, понялъ, что малѣйшее возраженіе съ его стороны дало бы мнѣ поводъ обратить вниманіе Бюро на отсутствіе „соц.-революціонеровъ" *пролетарской* точки зрѣнія и что тогда, пожалуй, трудно было бы отклонить разсмотрѣніе этого вопроса. Г. Рубановичъ любитъ поговорить кстати и даже некстати о широкихъ стремленіяхъ своей „партіи". Но онъ знаетъ, что есть обстоятельства, при которыхъ *молчаніе — золото*.

[1]) Прошу читателя замѣтить, что я не помню въ точности, сколько именно голосовъ подано за каждую изъ этихъ организацій: возможно, что за „соц.-революціонеровъ" было подано однимъ голосомъ больше, а за Бундъ меньше, — или наоборотъ. Точныя цифры записаны, вѣроятно, секретаремъ Бюро.

заставилъ Гаврихову вызвать запиской Шустова. Едва послѣдній вошелъ въ комнату, какъ, по приказанію князя, на студ. набросилось человѣкъ 5 6 пьяныхъ субъектовъ-служителей князя, которые повалили его на полъ и звѣрски избили его. Сами его сіятельство съ нагайкой въ одной рукѣ и кастетомъ въ другой, руководилъ истязаніемъ.

Минутъ 30 длилось истязаніе, подробности котораго неудобно описывать въ печати. Бѣдняга потерялъ память и очнулся въ истерзанномъ видѣ въ другой комнатѣ. Здѣсь князь потребовалъ отъ Шустова подписать бумагу о томъ, что онъ — Шустовъ — къ князю никакихъ претензій не имѣетъ. При этомъ несчастную жертву обступила опять пьяная ватага и грозила побоями, а князь съ пѣной у рта кричалъ: „Жалуйтесь на меня, кому хотите. Свидѣтелей нѣтъ. Я — князь. У меня протекція. Я никого не боюсь. Хозяинъ будетъ молчать: онъ свитъ." Бѣдняга долженъ былъ подписать бумагу и дать честное слово не стрѣлять въ князя и не жаловаться на него.

Потомъ его повозили съ дачи и бросили гдѣ то на краю деревни. Несчастный еле дотащился до своей дачи, пригласилъ врачей и пролежалъ недѣлю въ постели. Дѣлу былъ данъ „законный" ходъ: мать потерпѣвшаго отправилась въ Питеръ хлопотать на князя „высшему" начальству, но встрѣтила суровый отказъ и возвратилась во свояси, не солоно хлебавши, такъ какъ въ Питерѣ начальство знало, что мин. внутр. дѣлъ будетъ назначенъ дядюшка „пашалившаго" племянника. Студентъ подалъ тогда жалобу мѣстному прокурору. Дѣло было передано молодому слѣдователю: тотъ энергично взялся за дознаніе. Но... тутъ вмѣшались „соображенія высшаго порядка": Гаврихова была выслана губернаторомъ въ 24 часа изъ Харькова, „дѣло" было изъято изъ рукъ судебной власти, а рьяный слѣдователь получилъ нагоняй....

Невинно пострадавшему герою остается теперь, очевидно, надѣяться на „гуманность" дядюшки-министра внутрен. дѣлъ, громко возвѣщенную нашей легальной прессой.

Въ письмѣ изъ Варшавы пишутъ: „Настроеніе здѣсь очень возбужденное. Всюду и вездѣ толкуютъ о войнѣ. Отъ обывателей, которыхъ далеко нельзя причислить къ либераламъ, приходится слышать такія фразы: „Ну, мы, простые обыватели, могли и не знать, что такое Японія и каковы ея силы, могли быть увѣрены въ скорой побѣдѣ; ну, а ужъ тамъ то, на верхахъ, должны были знать и все разсчитать". Озлобленность населенія растетъ. Нигдѣ не встрѣчается никакого довѣрія даже и къ официальнымъ сообщеніямъ, а не только газетнымъ клинкамъ, утверждающимъ, что всѣ пораженія русской арміи входили въ планъ Главнаго Штаба, чуть ли не вплоть до гибели русскихъ адмираловъ и разоруженія русскихъ судовъ. Все это, и голодовку въ арміи, и десятки тысячъ жизней, и отнятыя территоріи — все обыватель ставитъ въ счетъ „верхамъ"...

Вообще, обыватель начинаетъ поневолѣ чувствовать себя человѣкомъ. Онъ толкуетъ и рядитъ обо всемъ, даже либерала нигдѣ уже не закрываютъ ставни, когда мечтаютъ о лучшемъ будущемъ. Вотъ очень характерный фактъ. Когда обсуждался вопросъ о пожертвованіяхъ среди адвокатовъ одного суда, то изъ значительнаго количества лицъ, лишь двое высказались за пожертвованіе, потому что, молъ, неудобно отказать, тогда какъ одинъ престарѣлый адвокатъ заявилъ, что онъ, какъ предсѣдатель, снимаетъ этотъ вопросъ съ очереди, и, какъ убѣжденный республиканецъ, не дастъ ни одной копѣйки въ помощь монархіи.

„Доброхотными" пожертвованіями возмущается даже и чиновничество. Вездѣ слышно о мирѣ, на какихъ угодно условіяхъ, лишь бы онъ былъ заключенъ, какъ можно скорѣе."

Гомель. 7 го сентября проѣзжали чрезъ Гомель солдаты по пути на Дальній Востокъ. Какъ только ихъ выпустили съ вокзала, солдаты бросились грабить ближайшія лавки. Брали только съѣстное: колбасу, булки, сахаръ, чай и т. п. Евреи, конечно, испугались и начали запирать лавки, опасаясь повторенія погрома, но, увидѣвъ, что забираетъ только годное для ѣды и что находящіяся тутъ же русскія лавки подверглись той же участи, успокоились.

Говорятъ, солдаты не позабыли заглянуть въ „казенку". Фактъ этотъ свидѣтельствуетъ о состояніи продовольственнаго дѣла въ арміи.

Въ ночь съ 29 на 30 августа арестована типографія мѣстнаго комитета Бунда. Взято три человѣка.

Юзовка 1 сентяб. Вчера была частичная (артиллерійская и кавалерійская) мобилизація. Завтра запасныхъ погонятъ, всего до 300 чел. Очень многіе бѣжали. Наскоро (мы узнали о мобилизаціи за сутки) приготовили листокъ и гектографіи отпечатали. Нетрѣченъ хорошо. Черезъ недѣлю или двѣ возьмутъ пѣхоту, до 3000 чел. Тогда нуженъ будетъ листокъ и возможны волненія. Уже сегодня отдѣльныя группы, на улицахъ довольно рѣзко говорили о войнѣ — а это сѣрые.

Екатеринославъ. По случаю мобилизаціи, сочли сюда 35 т. запасныхъ, въ числѣ ихъ много было евреевъ. 600 чел. изъ евреевъ начали. По городу начали ходить слухи, что евреи высылаютъ своихъ родственниковъ въ бочкахъ за границу, выдаютъ за умершихъ и т. д. Все это, въ связи съ тѣмъ, что во время закрытія монополіи водка продавалась запаснымъ по страшной цѣнѣ (полубутылки за 1 руб.) **вызвало возмущеніе среди солдатъ.** Они съ свистомъ и крикомъ ходятъ по городу, дуплятъ, кого попало, врываются въ дома, заставляютъ прохожихъ показывать кресты и т. д. 6 евреевъ звѣрски зарѣзано?). Солдаты останавливаютъ трамвай, выгоняютъ публику и требуютъ, чтобы ихъ катали. Разбито нѣсколько монополій. Полицеймейстеръ, пытавшійся уговорить толпу, избитъ; студентъ, хотѣвшій распространить прокламаціи, избитъ до полусмерти. Еврейамъ запрещено показываться на улицахъ. Противъ „бунтовщиковъ" не принимается никакихъ мѣръ, только стараются ихъ поскорѣе сплавить „на поле брани". На улицу нельзя выходить, не опасаясь подвергнуться насилію.

Новочеркасскъ. Въ ночь съ 6 на 7 августа здѣсь были распространены очень удачно и въ большомъ количествѣ прокламаціи Донского Комитета къ казакамъ, отправляющимся на Дальній Востокъ. Цѣлыя улицы на окраинахъ были буквально усыпаны листками. Много листковъ было роздано на базарѣ, откуда они разошлись по всему городу. Какъ курьезъ, передаютъ, что одна кухарка, получивъ нѣсколько прокламацій и вообразивъ, что это что нибудь „душеспасительное", начала ихъ раздавать встрѣчнымъ. Полиція усердно ищетъ какого-то старика, якобы, раздавшаго много листковъ. Арестовано трое рабочихъ: у одного изъ нихъ, по фамиліи Зеленскаго, найдено 86 экз. прокламацій, и они сидятъ при полиціи; другіе двое освобождены.

16 августа на станцію Персіяновку (въ 12 верстахъ отъ города) пріѣзжалъ царь, „благословлять" войска, отправляющіяся на Дальній Востокъ. Для за четыре передъ этимъ полиція начала усердствовать: произвела нѣсколько обысковъ, 8 человѣкъ арестовала на 4 дня, нѣсколькихъ лишь заставила явиться въ полицію по четыре раза въ день, и довольно многихъ обязала подпиской о невыѣздѣ. Всѣ эти мѣры вызвали большое раздраженіе.

Подробности пребыванія высочайшаго гастролера еще неизвѣстны. Могу пока сообщить только одинъ весьма темный, но **характерный слухъ:** говорятъ, какая-то женщина бросилась на **встрѣчу Николаю** и кричала: „царь, прекрати войну", пока ее **не оттащили.**

Передаютъ также — за достовѣрность не ручаюсь — что **въ лагеряхъ также были** распространены прокламаціи, и такъ **какъ тамъ въ это время** находились жены и родственники при**званныхъ казаковъ, то листки были** завезены ими въ нѣкото**рыя станицы.**

Витебскъ. Несмотря на то, что нашъ городъ не является крупнымъ промышленнымъ центромъ, здѣсь имѣются цѣлыхъ 3 революціонныя организаціи: комитетъ Бунда, группа соц.-рев. и группа Р. С.-Д. Р. П. (перечисляю ихъ въ хронологическомъ порядкѣ ихъ возникновенія). Изъ этихъ 3-хъ организацій я остановлюсь на послѣдней, съ дѣятельностью которой мнѣ и хотѣлось бы познакомить читателей „Искры".

Возникла эта группа вскорѣ послѣ II-го съѣзда Партіи, такъ какъ многіе изъ организовавшихъ бундовскихъ рабочихъ были недовольны позицій, занятой бундомъ на II съѣздѣ, а особенно выходомъ его изъ Партіи, и около 30 человѣкъ сразу примкнуло къ вновь образовавшейся группѣ, образовавшейся такимъ образомъ ея ядро. Само собой разумѣется, что группа не считала цѣлью своей дѣятельности отвлеченіе силъ отъ бундовскаго комитета, а постаралась распространить свое вліяніе на другихъ рабочихъ, еще мало задѣтыхъ прежней пропагандой и агитаціей, и особенно на рабочихъ христіанъ, которые, по тѣмъ или другимъ причинамъ, остались внѣ сферы вліянія бунда. Въ этомъ отношеніи особенно много сдѣлалъ одинъ товарищъ, рабочій, чрезвычайно способный агитаторъ и организаторъ, которому и удалось установить первыя прочныя связи съ рабочими христіанами и вовлечь, между прочимъ, въ мѣстное движеніе желѣзнодорожныхъ рабочихъ (пока ихъ считается 700 чел., но съ проведеніемъ новой жел. дор. числа это увеличится до 4.000). Рабочее населеніе города состоитъ изъ: ремесленниковъ (большею частью, евреи), рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ — немногочисленныхъ и незначительныхъ (преимущественно христіане, а на фабрикахъ исключительно христіане) и рабочихъ желѣзно-дорожныхъ (также христіане). Благодаря специфическимъ условіямъ жизни сѣверо-западнаго края и многолѣтней революціонной дѣятельности бунда, тамъ, если можно такъ выразиться, атмосфера уже насыщена крамолой и въ этомъ отношеніи условія для работы тамъ очень благопріятны. Въ самомъ дѣлѣ, интересъ рабочихъ къ правдивому слову революціонера и нелегальной книгѣ — громадны, спросъ на „литературу" сравнительно значительный, стремленіе рабочихъ организовываться проявляется даже среди мало задѣтыхъ рабочихъ. Но, къ прискорбію, здѣсь повторяется уже давно отмѣченное нашей печатью явленіе, что „ростъ стихійнаго развитія рабочаго движенія далеко опережаетъ ростъ социалъ-демократическихъ организацій", почему и мѣстная группа далеко не можетъ использовать все возрастающую революціонную энергію, не можетъ удовлетворить мѣстные запросы, не можетъ въ надлежащей степени расширить и углубить все болѣе и болѣе пробуждающееся сознаніе массъ. Немало, конечно, вредитъ въ этомъ отношеніи и общепартійныя неурядицы, такъ вредно отзывающіяся на работоспособности центральныхъ организацій и чрезвычайно тормозящія ходъ работы на мѣстахъ. Недостатокъ хорошо подготовленныхъ руководителей (особенно профессіональныхъ революціонеровъ), недостатокъ литературы, недостатокъ, наконецъ, матеріальныхъ средствъ, всѣ эти недостатки, составляющіе больное мѣсто всѣхъ нашихъ организацій, даютъ себя на каждомъ шагу чувствовать и у насъ въ Витебскѣ. Остается надѣяться, что съ упорядоченіемъ общепартійной работы и съ усиленіемъ дѣятельности Сѣверо-Западнаго Комитета, часть котораго составляетъ мѣстная группа, минуетъ всѣ эти недочеты, работа пойдетъ успѣшнѣе и организація сумѣетъ болѣе полно удовлетворять предъявляемыя ей жизнью требованія.

Вслѣдствіе отсутствія вполнѣ умѣлыхъ агитаторовъ, большія массовыя собранія рабочихъ до сихъ поръ не устраивались. Работа ведется, главнымъ образомъ, кружковая — пропагандистская, но еженедѣльно устраиваются такъ называемыя районныя сходки, человѣкъ въ 25, на которыхъ съ успѣхомъ выступаютъ и мѣстные агитаторы. Лѣтомъ, впрочемъ, удавалось устраивать за городомъ и болѣе значительныя сходки, одна изъ которыхъ — человѣкъ въ 90 — была накрыта полиціей. Большая часть присутствовавшихъ разбѣжалась, но полиціи удалось всетаки задержать на мѣстѣ 27 человѣкъ. Какъ курьезъ, слѣдуетъ, пожалуй, отмѣтить попытку полиціи принять въ борьбѣ съ крамолой и крамольниками новое оружіе — „политическое" краснорѣчіе, къ которому до сихъ поръ прибѣгали только жандармы. И вотъ начальникъ охраннаго отд. обратился къ задержаннымъ рабочимъ съ рѣчью приблизительно слѣдующаго содержанія: „пусть жиды бунтуютъ — это понятно! Но вы... христіане!.. и въ такое время?!!.. Мнѣ даже больно васъ арестовать". Разумѣется, эта краткая, но сильная рѣчь была оцѣнена по достоинству, да и крокодиловый характеръ слезъ не могъ не обнаружиться тутъ же. Изъ арестованныхъ 27 чел. было вскорѣ освобождено, послѣ того какъ жандармы убѣдились, что никакихъ „интересныхъ данныхъ" отъ нихъ получить не удается. Остались подъ арестомъ 2 рабочихъ и 1 интеллигентъ, котораго взяли тогда же ночью у него дома и котораго обвиняютъ, будто онъ былъ на сходкѣ и произносилъ тамъ агитаціонную рѣчь.

Изъ прокламаціонной литературы, за послѣдніе 4—5 мѣсяцевъ распространены: майскій листокъ изд. Ц. К., листки противъ войны, изданные ред. „Искры" и перепечатанные Сѣв. Зап. Ком., и прокламація по поводу голодовки политическихъ въ мѣстной тюрьмѣ и избіенія ихъ, изданная мѣстной группой.

Промышленный и денежный кризисъ, съ неизбѣжной необходимостью вызванные войной, отразились, конечно, и на ходѣ торговли и промышленности и въ нашемъ городѣ. Банкротства сдѣлались чуть не обычнымъ явленіемъ. Между прочимъ, обанкротился владѣлецъ бумажной фабрики Киммель, почему работа на фабрикѣ совершенно прекратилась. На льно-прядильнѣ предполагаютъ сократить производство, и, имѣетъ съ тѣмъ, сократить штатъ рабочихъ. Уменьшились заказы и у ремесленниковъ. Вообще, экономическое положеніе рабочихъ не можетъ не ухудшиться, а революціонное настроеніе, конечно, возрастетъ.

Соціалъ-демократическая работа въ Кременчугѣ. Всего въ нашемъ городѣ рабочихъ, включая и мелкія ремесленныя заведенія, насчитывается тысячъ 10, изъ которыхъ заводскіе и фабричные составляютъ немного болѣе половины. Изъ крупныхъ промышленныхъ заведеній въ Кременчугѣ и посадѣ Крюковѣ отмѣтимъ шесть металлическихъ предпріятій, въ томъ числѣ машиностроительный заводъ, разсчитанный на 3000 раб., но занимающій въ настоящее время всего 700, и желѣзнодорожное депо, восемь лѣсопилокъ, семь паровыхъ мельницъ, одну табачную фабрику, три махорочныхъ, заводы: пивоваренный, мыловаренный, маслобойный и кожевенный. Во всѣхъ этихъ заведеніяхъ, равно какъ и среди ремесленниковъ, у мѣстной организаціи имѣются связи.

До послѣдняго времени наша организація построена была по принципу раздѣленія рабочихъ по цехамъ и выборнаго начала. Работа шла чисто кружковая, при чемъ рабочіе соединялись не по уровню знаній, а по профессіямъ, руководители, за рѣдкими исключеніями стояли не на высотѣ призванія, вся работа сводилась къ безсильному топтанію на мѣстѣ.

Но жизнь и у насъ взяла свое. Рабочимъ, наконецъ, надоѣли всѣмъ толкованія о томъ, что живется плохо и что рабочихъ нужно объединяться и собраться для обсужденія своихъ нуждъ. слѣдующая сходка будетъ тогда-то и въ такомъ-то мѣстѣ — они потребовали, чтобы имъ помогли выработать себѣ ясное и цѣльное міросозерцаніе и политическую программу. Старые работники должны были уступить мѣсто новымъ людямъ и на послѣднихъ выборахъ въ комитетъ прошли исключительно работники новаго закала. Съ этого момента начинается обновительная работа.

Вся масса раздѣлена, по уровню развитія, на „летучки" и „массовки". Для первыхъ принята и проводится измѣненная въ нѣкоторыхъ деталяхъ Екатеринославская программа летучекъ; для вторыхъ кружковъ пропагандистовъ (съ участіемъ представителя отъ комитета) былъ разработанъ планъ агитаціонныхъ рѣчей на слѣдующія темы: 1) Капиталистическое общество и неизбѣжность соціализма; 2) Рабочее движеніе и соціализмъ, 3) программа соціалъ-демократіи; 4) Исторія революціоннаго движенія въ Россіи и 5) Другія партіи и отношеніе къ нимъ соціалъ-демократіи. Каждая изъ этихъ рѣчей кончается призывомъ къ соціализму. Кромѣ того, устраиваются массовыя собранія въ 40-50 чел., гдѣ произносятся рѣчи на злобу дня.

Работа организаціи сильно тормозится хроническимъ недостаткомъ литературы, какъ агитаціонной, такъ и пропагандистской. Приходится кормить рабочихъ обѣщаніями, которымъ не суждено быть исполненными, и престижъ организаціи страдаетъ, ибо масса не представляетъ себѣ нелегальной организаціи безъ нелегальной литературы.

Мы дѣлимся съ товарищами этими свѣдѣніями о положеніи дѣлъ въ нашемъ городѣ, полагая, что партіи не безынтересно узнать, какъ идетъ и отъ чего страдаетъ работа въ „глухой" провинціи, и надѣясь, что она придетъ на помощь нашимъ молодымъ и неопытнымъ работникамъ какъ людьми, такъ и литературой, ибо отсутствіе тѣхъ и другой обрекаетъ нашу организацію на полный застой.

Мелитополь. Отсюда, кажется, давно уже не посылалось корреспонденцій въ „Искру", между тѣмъ именно за это время работа здѣсь приняла болѣе широкій характеръ, благодаря открытому выступленію Крымскаго Союза. Въ первой половинѣ мар. здѣсь былъ произведенъ удачный подметъ листковъ, охватившій значительную часть Мелитопольскаго и окраину сосѣдняго Бердянскаго уѣзда сюда вошли города: Мелитополь, Геническъ, села: Юзкунъ, Кизіяръ, Вдиновка, Терпѣніе, Богдановка, Троицкое, Рубановка, Пескомено и, кажется, еще: Менчикура, Александровка и Б. Строгозы). Произведенный неодновременно, подметъ тянулся двѣ-три недѣли и встрѣтилъ, въ общемъ, очень хорошее отношеніе не только со стороны городскихъ рабочихъ, но и со стороны крестьянъ. Выражалось даже неудовольствіе, что въ томъ или другомъ селѣ не было листковъ. Распространялись листки: „Война противъ войны", „Для чего долженъ умирать русскій солдатъ" и „Ко всему рабочему народу"—все печатные, изд. Союза. Въ городахъ и нѣкоторыхъ селахъ ихъ этому добавлялись еще №№ „Искры", брошюры: Науки и труда", „Іюльскія событія" и друг. (всего было распространено нѣсколько больше двухъ тысячъ экземпляровъ). Прокламаціи также и расклеивались, — при томъ не только въ городахъ, но и въ нѣкоторыхъ селахъ; такъ, въ сел. Юзкунѣ листокъ „Война противъ войны" былъ приколотъ на внутреннихъ дверяхъ волостного управленія. Толковъ была масса. Немало было, конечно, и курьезовъ. Изъ с. Богдановки пріѣхалъ въ Мелитополь одинъ крестьянинъ-подѣлу и, между прочимъ, собравъ своихъ знакомыхъ кузнецовъ, началъ имъ читать прокламацію, найденную имъ въ своемъ селѣ. Его забрали за это въ участокъ, но на другой же день выпустили. Ушелъ онъ, возмущенный: „у города телеграммы задень продаютъ, а у насъ даромъ — да и то нельзя!" Или вотъ случай. Одинъ изъ товарищей ѣдетъ на лошадяхъ въ городъ. Возница крестьянинъ разсказываетъ ему о листкахъ; соглашается со всѣмъ, что тамъ написано, и неожиданно заключаетъ: одного я въ толкъ не возьму: какъ это у насъ наемный царь будетъ? Онъ же не будетъ заботиться, какъ слѣдуетъ, — ему же что? лишь бы жалованье получать! А этотъ сохранитъ Россію, — потому „она къ его сыну по наслѣдству перейдетъ"... Не рѣдкость были и такіе замѣчательные отзывы: „цз, мабудь, японіи писалы, бо наши русскіи такой правды не напишутъ"...

Вообще, однако, Союзу не удалось использовать результаты этого распространенія не только въ дальнѣйшихъ организаціонныхъ или агитаціонныхъ цѣляхъ, но и просто въ смыслѣ болѣе близкаго знакомства съ чаяніями и настроеніями среды, подвергавшейся воздѣйствію. Отсутствіе связи у Союза мѣшаетъ ему использовать имѣющіяся связи и мѣстныя силы и повести работу въ томъ объемѣ, въ какомъ она могла бы быть поведена. Это же отсутствіе силъ явилось въ дальнѣйшемъ причиной съѣзженія области распространенія листковъ въ сѣверной части Таврической губ. И подметъ здѣсь, состоявшійся на началѣ августа, охватилъ уже только Мелитополь и Геническъ. При чемъ въ Мелитополѣ онъ былъ выполненъ неудачно, а въ Геническѣ, какъ и въ первый разъ, сошелъ хорошо: незадолго до того въ Геническѣ, благодаря, кажется, провокаціи, было арестовано 7 рабочихъ). Распространялись и въ этотъ разъ листки редакціи „Искры", изд. Союза: „Кризисъ, война и безработица" (печат.), „Ко всѣмъ запаснымъ рядовымъ" печат. и гектографъ) и „Рабочему народу" (только гектографъ) — всего немного болѣе 1000 экз. Наконецъ, въ воскресеніе 15 августа, только въ Мелитополѣ, опять были распространены прокламаціи: гектографированный листокъ изд. и ред. Союза — по поводу послѣднихъ военныхъ событій, убійства Плеве и послѣдняго манифеста — въ количествѣ 220 экз. Въ самомъ городѣ была разбросана лишь незначительная часть листковъ; большая же часть — въ городскомъ саду во время большого гулянья, на которое стеклось тысячи двѣ народу. Въ моментъ, когда публика, привлеченная тѣмъ-то, сгрудилась возлѣ эстрады, изъ толпы фонтаномъ взлетѣли кверху листки. Вопреки предполагавшемуся плану, листки были брошены съ одного мѣста, но публика, то есть, конечно, „сѣрая" публика — сама ужъ позаботилась о дальнѣйшемъ распространеніи листковъ по всему саду. Мальчишки съ криками „ура" подхватывали листки и еще резвѣе подбрасывали ихъ вверхъ. Какихъ то двое рабочихъ немного навеселѣ) — каждый съ зажатой прокламаціей въ поднятой рукѣ, съ ликующимъ видомъ торжественно несутъ ихъ надъ головами... Одинъ изъ неизвѣстныхъ доброжелателей закинулъ даже одну прокламацію въ лотерейный „выгрышъ" — съ очевиднымъ намѣреніемъ, чтобы кто-нибудь ее оттуда „выудилъ". „Ну, это ужъ прямо подлость!" — не вытерпѣлъ какой то возмущенный обыватель. Неправникъ, узнавъ о такомъ скандалѣ, взвылъ: „подчиненные" элементовъ только городовые были очень недовольны: „опять намъ прійдется ночь бѣгать!" жаловались они.

Вологда. 26, 27 и 28 августа были разбросаны по городу прокламаціи: одна соц.-дем. по поводу 55 осужденныхъ въ Якутскѣ и здѣсь сидѣвшихъ, къ запаснымъ по поводу войны. Сейчасъ здѣсь сборный пунктъ запасныхъ и ихъ собралось до трехъ тысячъ.

Полиція всполошилась, сдѣлала въ одну ночь 7 обысковъ, сыщики съ ногъ сбились, но ничего не нашли и думаютъ, что виновники были пропѣжіе.

Изъ Якутской ссылки. Изъ двухъ колоній Якутской области пришли однородные по тексту протесты:

Событія, происходившія въ г. Якутскѣ въ февралѣ и мартѣ нынѣшняго года, мы разсматриваемъ, какъ первый за послѣднее время примѣръ рѣшительнаго **активнаго** отпора со стороны политическихъ ссыльныхъ цѣлому ряду репрессивныхъ выходокъ правительства. Мы заявляемъ, что 60 товарищей, смѣло начавшихъ борьбу съ нестерпимымъ положеніемъ ссылки, были только передовымъ отрядомъ, и что каждый изъ насъ до послѣдней возможности будетъ продолжать это дѣло активнаго протеста.

[1]) Майскаго распространенія не было, вслѣдствіе провала прокламацій.

Подписи: 1) Леонидъ Г. Васильевскій, Л.-М. Венгроверъ, Анатолій Гольдманъ, Никита Ивановъ, Лидія Канцель, Анна Махлина, Ал. Лобановъ, Мееръ Медвишъ, Поликарпъ Мачарадзе, Борисъ Ник. Окинъ Пальчикъ, Константинъ Поповъ, Александръ Ник. Александръ Сачава, Татьяна Феденева, Виргилій Ник. Абрамъ Шварцъ, Давидъ Штейнъ.

Маркусъ Бабинскій, Шмерко Серъ, Соломонъ Шерманъ Хиной, Шмерко Глазеръ, Самуилъ Алтшулеръ, Ицко Осипъ Ярошевскій, Карлъ Дочкалъ, Найденовъ, Карл Левъ Либерманъ.

Дело Мартыновское, Киренскаго уѣзда, Иркутской губерніи. 1 марта 1904 г. въ село Мартыновское пріѣхалъ становой приставъ Кулагинъ, получившаго приговоръ, объ отсылки въ Якутскую область. Приставъ не допускалъ тогда провожать его и проститься съ нимъ. Всѣ Мартыновскіе семейные энергично протестовали противъ этого и хотѣли насильно вторгнуться черезъ ряды полицейскихъ къ товарищу обратно. Произошла свалка, въ которой одному изъ товарищей Глазеру, порѣзали руку шашкой. Послѣ этого приставъ далъ на уступки: самъ удалился, а тѣмъ товарищамъ удалось Кулагинымъ проститься и проводить его по селу съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ. Черезъ два дня человѣкъ изъ нихъ поѣхали въ волостное правленіе и объявили посзвоненіе при себѣ отъ нихъ арестъ въ мѣстной каталажкѣ по обстоятельствамъ отношенія властямъ и устройствѣ демонстраціи при проводахъ товарища Кулагина... Въ виду отказа ихъ подчиниться распоряженію пристава, основаннаго на томъ, что безъ постановленія подлежащихъ властей они считаютъ арестъ незаконнымъ и, вообще, заключенію въ каталажкѣ не подлежатъ. Волостное Правленіе дало возможность возвратиться домой. Въ тотъ же вечеръ всѣ политическіе села Мартыновскаго на общемъ собраніи постановили: товарищей властямъ не выдавать, сопротивляясь до послѣдней возможности. Всю ночь всѣ политическіе просидѣли вмѣстѣ; къ нимъ неоднократно заглядывали полиціонны, слѣдя, не разошлись ли они. 14 марта приставъ, расставивъ слухъ о своемъ отъѣздѣ, велѣлъ собрать сходъ. Черезъ нѣкоторое время онъ вернулся и, окруживъ сходъ десятскими и сотскими, предложилъ крестьянамъ, въ виду отказа старшины безъ распоряженія крестьянскаго начальника арестовать политическихъ, — во что бы то ни стало взять ихъ силой, предлагая имъ за это полъ-ведра водки и грозя въ противномъ случаѣ арестовать ихъ. Пошла торговля и согласились на трехъ четвертяхъ водки, причемъ приставъ разрѣшилъ крестьянамъ бить арестуемыхъ въ случаѣ сопротивленія. Въ три часа дня приставъ съ толпою крестьянъ, урядниковъ, сотскихъ и десятскихъ свыше 100 человѣкъ), съ револьверомъ въ рукѣ вошелъ въ квартиру политическаго Хиноя, гдѣ въ то время отдыхали вернувшіеся съ собранія Бабинскій и Левинъ, и потребовалъ сдачи ихъ. Тѣ отвѣчали отказомъ, заявивъ, что на силу отвѣтятъ силой, не останавливаясь ни передъ чѣмъ. По командѣ пристава „взять ихъ силой", толпа бросилась на нихъ и началось жестокое избіеніе. Приставъ кричалъ, чтобы арестуемыхъ били и вязали. Связанныхъ и окровавленныхъ, политическихъ бросили въ кошеву, повезли въ волостное правленіе, тамъ обыскали и бросили въ каталажку — двухъ въ темную безъ окна каморку, одного въ нѣсколько большую съ маленькимъ окошечкомъ. Узнавъ объ этомъ, пять политическихъ, оставшихся на свободѣ, бросились къ квартирѣ Хиноя. Двое изъ нихъ были арестованы во дворѣ (Серъ и Кирякинъ, двое ворвались въ избу, пытаясь броситься на пристава, но были тутъ же схвачены Шерманъ и Глазеръ), а пятый (Граннъ) былъ арестованъ на улицѣ. Всѣ они были жестоко избиты и тоже брошены въ каталажку двое въ ту же темную, остальные въ ту, что посвѣтлѣе. Тутъ же приставъ произнесъ рѣчь къ своей ратн, запретивъ десятскимъ допускать къ заключеннымъ кого бы то ни было, доставлять пищу и кипятокъ и убѣждая ихъ рубить заключенныхъ головы, если они станутъ высовываться въ окна или дверь. Въ то же время приставъ совершилъ обыскъ на квартирахъ всѣхъ арестованныхъ, рвалъ и топталъ книги и другія вещи, бралъ все, что ему нравилось, поощрялъ крестьянъ разбирать вещи, высыпалъ изъ мѣшковъ муку и пр. Черезъ 9 дней пріѣхали въ Мартыновское тов. прокурора и жандармскій ротмистръ (у нѣкоторыхъ изъ арестованныхъ была найдена нелегальная литература). Вызванные къ допросу, арестованные просили тов. прокурора начать слѣдствіе объ ихъ арестѣ, но получили грубый отказъ, на вопросы же по дѣлу о нелегальной литературѣ отвѣчать отказались. Всѣ они были освобождены — пятеро подъ особый надзоръ полиціи. Квартиры теперь нашлись съ трудомъ, такъ какъ приставъ убѣждалъ крестьянъ не сдавать квартиры политическимъ. — Въ началѣ мая всѣ мартыновскіе ссыльные послали протестъ губернатору приблизительно такого содержанія: высказавъ, что жизнь въ ссылкѣ послѣ изданія циркуляровъ Кутайсовымъ, стала невозможной, они описали всю исторію разыгравшуюся съ ними, начиная съ арестомъ Кулагина и заявили, что будутъ протестовать противъ циркуляровъ Кутаисова, и что выходки администраціи, подобныя вышеописанной будутъ всегда встрѣчать рѣзкій отпоръ. Такъ какъ корреспонденція ссыльныхъ не принималась по распоряженію пристава въ волости, то для отправки протеста пришлось совершить отлучку въ городъ Киренскъ. Тамъ и арестовали Шермана и Глазера, а черезъ нѣсколько дней были арестованы Хиной, Серъ и Бабинскій. Въ тюрьмѣ имъ объявили, что они по постановленію губернатора высылаются въ Якутскую область, а черезъ мѣсяцъ противъ нихъ же было возбуждено преслѣдованіе по 278, 283 и 286, ст. ст. Улож. о Нак., т. е. по обыкновенію въ сопротивленіи властямъ и оскорбленіи должностного лица (пристава) словами и дѣйствіемъ при исполненіи служебныхъ обязанностей. Просидѣвъ въ тюрьмѣ до 17 іюня — до окончанія слѣдствія, — они послѣдовали со второй лѣтней Ленской партіей въ Якутскую область.

Вторая лѣтн. Ленская партія 1904 г. Партія вышла изъ села Александровскаго 25 іюня. На первомъ же станкѣ Московскимъ офицеръ, ведшій партію изъ Александровска (вѣроятно, изъ боязни скандаловъ, такъ какъ они пьянымъ принялъ партію и грубо обращался съ политическими, былъ замѣненъ штабъ-капитаномъ. Партія, вышедшая изъ Александровска, состояла изъ лицъ, пересылавшихся изъ Иркутскаго уѣзда въ отдаленнѣйшія мѣста Киренскаго уѣзда за протесты, самовольные отлучки и т. п. Здѣсь были Тугутуйская, часть Кунгской и часть Зиинской колоній.

Только два лица изъ всѣхъ было 26 взрослыхъ и семеро дѣтей) высылалось по приговору — оба по Иркутскимъ дѣламъ. На станціи Жердовкѣ къ партіи были присоединены семь человѣкъ, содержавшихся до сихъ поръ въ Иркутской тюрьмѣ. Отношенія между конвойнымъ офицеромъ и партіей съ самаго начала не оставляли желать ничего лучшаго: въ каждомъ селѣ на пути политики могли отправляться за покупками въ неограниченномъ числѣ, во всѣхъ попутныхъ колоніяхъ свиданія разрѣшались (такъ, партія имѣла свиданіе съ мѣстными колоніями въ селѣ Манзурскомъ, въ с. Марковскомъ, въ г. Киренскѣ, въ с. Чечуйскомъ). Путешествіе, казалось, должно пройти совсѣмъ хорошо, что было тѣмъ удивительнѣе, что до всей дороги до партіи доходили слухи о предшествовавшей партіи (вышедшей изъ Александровска 15 мая). Но дѣло оказалось совсѣмъ не такъ. Въ Киренскѣ къ партіи присоединялась Мартыновская колонія (5 чел.), высылавшаяся въ Якутскую область за сопротивленіе властямъ, а въ Чечуйскомъ высылались послѣдніе назначенные въ Киренскій уѣздъ политики. Съ тѣхъ поръ въ составѣ партіи входили всего 14 чел. 4 ушла (Васильевскій, Венгроверъ, Мачарадзе и Нейманъ); 5 мартыновцевъ Бабинскій, Глазеръ, Серъ, Хиной и Шерманъ) и 5 слѣдовавшихъ изъ Иркутской тюрьмы (Лидія Канцель, Поповъ, Савенковъ, Шанцеръ (пересылался изъ Ачинска въ Якутск. обл. и Феденевъ). По дорогѣ еще было нѣсколько колоній въ с. Петропавловскомъ, въ с. Иверскомъ, въ с. Нохтуйскомъ и въ г. Олекминскѣ. Петропавловское проѣхали ночью, а въ Иверскомъ остановились по случаю сильнаго вѣтра. Паузки причалили на другой сторонѣ рѣки противъ села. Зная, что въ Иверскомъ есть политики, двое изъ партіи съѣздили въ село, повидались съ мѣстными политиками, сообщили имъ, что партія будетъ требовать свиданія, просили ихъ переѣхать на лодкахъ къ паузкамъ. Оказалось, однако, что мѣстный колонистамъ запрещено давать лодки, и что офицеръ, допускающій до сихъ поръ свиданія, вдругъ запретилъ ихъ, ссылаясь на то, что въ Иверы пріѣхали изъ Киренска становой приставъ и жандармъ. Партія, однако, стала требовать свиданія черезъ своего старосту, который говорилъ съ конвойнымъ офицеромъ и со становымъ. Въ свиданіи было отказано. Наступилъ вечеръ. Вся партія заявила, что не поѣдетъ до тѣхъ поръ, пока не получитъ свиданія, вышла на паузка на берегъ, и. боясь, что ночью паузки могутъ двинуться въ путь, рѣшила заночевать на берегу. Офицеръ не показывался и отдалъ только распоряженіе усилить на берегу конвой. Эту ночь (съ 20 на 21 іюля) партія провела на берегу у костра. На слѣдующее утро вѣтеръ стихъ, можно было двинуться въ путь, но партія опять отказалась войти въ паузки. Тогда былъ отданъ приказъ взять партію силой: на 14 человѣкъ политиковъ, совершенно безоружныхъ, приходилось около 50 чел. солдатъ, и послѣ 20 минутнаго сопротивленія политики были брошены на паузокъ и заперты въ немъ на замокъ. Справедливость требуетъ отмѣтить, что солдатамъ былъ отданъ строгій приказъ не драться и до самаго конца ни кулакъ, ни прикладъ не были пущены въ ходъ: политиковъ только толкали, схватывали и бросали въ паузокъ. Нужно сказать также, что во время этой исторіи, и во все послѣдующее время конвойный офицеръ не показывался, а отдавалъ свои приказанія черезъ унтеръ-офицера. Когда двери были отомкнуты, оказалось, что конвойнымъ офицеромъ былъ отданъ новый приказаніе: 1) не пускать политиковъ на палубу, т. е. на крышу паузка, 2) пускать въ село за покупками только одного старосту, 3) на берегъ при остановкахъ никого не выпускать. Партія черезъ старосту потребовала отмѣны этихъ распоряженій, т. е. возстановленія стараго режима; но конвойный офицеръ не пожелалъ ихъ отмѣнить (за исключеніемъ перваго), и партія объявила голодовку до тѣхъ поръ, покуда эти распоряженія не будутъ отмѣнены. Въ число требованій не было включено требованіе свиданій, такъ какъ партія не хотѣла предъявлять его къ конвою, какъ таковому, считая его болѣе общимъ. Офицеру было, однако, заявлено, что партія по прежнему, будетъ требовать свиданій въ каждой попутной колоніи. Вѣроятно, это заявленіе и заставляло офицера упорствовать на двухъ послѣднихъ распоряженіяхъ. Село Нохтуйское проѣхали на пятый день голодовки, здѣсь не останавливались, и къ паузкамъ на лодкѣ подъѣхали два товарища изъ мѣстной колоніи. Они на паузокъ не входили и только довольно долгое время провожали паузокъ и разговаривали съ партіей. Къ концу шестого дня голодовки (27 іюля ночью), когда уже паузки подъѣжали къ Олекминску, съ офицеромъ были начаты переговоры, и онъ отмѣнилъ оба свои распоряженія, строго, однако, приказавъ конвойнымъ препятствовать всякимъ попыткамъ свиданій. Ему, однако, было заявлено, что партія по прежнему будетъ требовать свиданій. Голодовка, какъ достигшая цѣли, была прекращена, и партія стала думать о свиданіи съ товарищами въ Олекминскѣ. За время голодовки партія дважды требовала отъ офицера вызова врача, чтобы осадить тяжело больныхъ въ Витимѣ и въ Нохтуйскѣ, но оба раза послѣ различныхъ предлогами врачи не были вызваны. Этотъ незаконный поступокъ офицера были оба раза возмущенъ.

Въ Олекминскѣ свиданія требовать не пришлось, такъ какъ 28 іюля рано утромъ (часовъ въ 5 на паузокъ явился приставъ и заявилъ, что, по распоряженію Якутскаго губернатора, вся партія временно остается въ Олекминскѣ. Одинъ изъ товарищей пріѣхалъ за партіей на лодкѣ, и всѣ были освобождены тутъ же на берегу изъ подъ конвоя. Съ пріѣзда с. Иверы конвойный офицеръ ни разу не показывался на паузкѣ политиковъ.

ИЗЪ ДЕРЕВНИ

Изъ Черниговской губерніи. 23 мая текущаго года въ сел. Володьковой Дѣвицѣ, Нѣжинскаго уѣзда, производилъ „отеческую" расправу губернаторъ Черниг. г. А. А. Хвостовъ, достойный преемникъ „лучшаго изъ губернаторовъ" — Андреевскаго.

Сел. Вол. Дѣвица принадлежитъ къ числу тѣхъ многочисленныхъ многолюдныхъ малорусскихъ селъ, въ которыхъ, наряду съ казаками, живутъ и крестьяне, Богъ вѣсть когда и какимъ образомъ закрѣпощенные. Изъ прежнихъ владѣльцевъ народная память сохранила только Румянцева; возможно, что „за великія заслуги" пожалованы они ему „царицей-матушкой" Екатериной II. И почему то въ сознаніи народномъ живо убѣжденіе, что отданы они владѣльцу „по смерть". Когда умеръ Румянцевъ и имѣніе перешло къ кн. Голицынымъ, крестьяне отказались по винокаться новому владѣльцу слѣдствіемъ чего была жестокая экзекуція, — многіе были „нещадно" биты на площади кнутомъ и сосланы въ Сибирь.

Послѣдній владѣлецъ, князь М. П. Голицынъ, хозяйства въ имѣніи не заводилъ, и вся почти земля находилась въ пользованіи крестьянъ. При этомъ очень многіе крестьяне владѣли землей на правѣ полной собственности, какъ полученной отъ казаковъ вслѣдствіе родства или купли у мелкопомѣстныхъ дворянъ, на что у нѣкоторыхъ даже имѣлись домашніе купчія. Передъ 1861 г. у многихъ купчія были отобраны, и земля „по закону" вся была записана за помѣщикомъ. Крестьянамъ былъ предложенъ нахлѣбъ. Но они заявили, что не желаютъ платить за свою землю, да еще такъ дорого, что земля и такъ имъ достанется, потому что—что съ нея взять будетъ князь?" Померъ безлѣтный князь, такъ тогда земля безспорно ужъ ихъ будетъ... Такъ лучше взять по 1½ десятины зарового надѣла съ усадьбами 1½, который предложилъ имъ князь (въ Черкеевскомъ имѣніи тоже водилъ Нѣжина, гр. Кушелевъ-Безбородко при такихъ же условіяхъ надѣлъ даже по 1 десят.). Прошло послѣ 19 февраля нѣсколько лѣтъ — продолженіе которыхъ крестьяне продолжали владѣть землею по прежнему не возили уже помѣщику „скопщину", т. е. установленную часть урожая. Но вотъ началось размежеваніе „дорожка" крестьянамъ стали выдѣлять по 1½ дес., причемъ у кого были большія усадьбы у того и отъ нихъ отрѣзали, а въ полѣ уже не дали ни ступни начальныхъ волненія. Князь Голицынъ, человѣкъ очень образованный, либералъ другъ Александра II (такъ разсказывалъ) предложилъ крестьянамъ купить у него землю по 25 руб. десятину. Для выкупа земля была оплачена иное выше „И такъ наша будетъ" рѣшили крестьяне и отказались согласившись взять лучше землю въ аренду. Сначала арендная плата поступала по пранно. Но вотъ князь умеръ и арендаторы рѣшили, что земля должна перейти въ ихъ собственность и отказались платить. Вдовѣ, къ которой имѣніе перешло въ пожизненное владѣніе. Тогда княгиня, по совѣту нѣкоего Мостицкаго, рѣшила завести собственное хозяйство. Только теперь крестьяне почувствовали всю тяжесть своего положенія, когда имъ отказали въ арендѣ и въ спокойствіи. Начались самовольные выпасы порубки, начались поджоги иной отстраиваемыхъ хозяйственныхъ построекъ и хлѣба. Но управляющій княгини Мостицкой энергично вступилъ въ борьбу съ крестьянами, возстановляя права владѣльцы при помощи суда и полиціи. Тогда борьба приняла другой характеръ. Еще во время „дорожки", когда крестьянъ стали сгонять съ земли, которою они издавна владѣли они пробовали обращаться къ властямъ за защитою, причемъ нѣкоторые извлекли изъ подъ спуда принадлежащіе отъ кн. слугъ крѣпостные документы. Ничего, конечно, не выходило и большинство примирялось со своимъ положеніемъ предоставивъ „отстаивать правду" наиболѣе потерпѣвшимъ „отъ воли". Но режимъ Мостицкаго разбудилъ всѣхъ. Немедленно передъ тѣмъ бывшій управляющій Дмитревскій, уволенный княгиней, передалъ крестьянамъ извлеченную изъ княжескаго архива инвентарную опись, составленную передъ волей; въ этой описи было точно указано, кто изъ крестьянъ какимъ количествомъ земли владѣлъ и на какомъ основаніи. Эта книга сразу оживила надежды крестьянъ. Были выбраны уполномоченные, собраны деньги, и началось всякаго „человѣка", который взялся бы вести дѣло. Адвокаты отказывались вести дѣло, не признавая за ихъ документами юридическаго значенія. Крестьяне объяснили это тѣмъ, что „паны всѣ закупленны княгиней", и искали благожелателей среди трактирныхъ ходатаевъ. Послѣдніе не отказывались, но требовали денегъ и за свой трудъ и „для подмазки" нужныхъ людей, и началось обираніе темныхъ тружениковъ, подача прошеній царю и всѣмъ членамъ царской фамиліи, а также въ разныя существующія и несуществующія учрежденія[1]). Къ какимъ мѣрамъ прибѣгали „аблакаты" для убѣжденія простодушныхъ уполномоченныхъ въ успѣшности ихъ ходатайствъ, показываетъ слѣдующая выяснившаяся оффиціально исторія. Нѣкій „ходатай" Яшенко, подвизающійся и поднесь въ Нѣжинѣ, повезъ уполномоченныхъ въ Петербургъ и въ какомъ-то зданіи, кажется, въ парикмахерской изъ чулана въ щелку показалъ имъ „засѣданіе сената"; крестьяне собственными глазами видѣли, какъ нѣсколько пановъ сидѣли за столомъ и одинъ изъ нихъ „весь въ золотѣ" прочиталъ, что „по указу его императорскаго величества и т. д. сенатъ рѣшилъ: изъять землю изъ владѣнія Голицыной и передать крестьянамъ". Не знаемъ, кто помогалъ Яшенко въ этой комедіи, но только онъ побывалъ за это дѣло въ арестантскихъ ротахъ и, кромѣ того, былъ губернаторомъ Анастасьевымъ, тоже по секрету, наказанъ розгами. „Молитвы богу — земля буде наша" — говорили крестьянамъ уполномоченные, возвращаясь изъ своихъ поѣздокъ, но „аблакатамъ тільки треба ше де-дать"... Тѣмъ временемъ ушелъ управляющій Мостицкій, княгиня сократила хозяйство и снова сдала часть земли въ аренду крестьянамъ. Арендную плату они вносили исправно и ждали смерти княгини. И дождались, наконецъ: года два тому назадъ она умерла, и имѣніе досталось кн. Долгоруковой, вдовѣ извѣстнаго земскаго дѣятеля, Черниг. губ. предводителя дворянства, и одному изъ Голицынскихъ, который немедленно продалъ свои права сонаслѣдницѣ. Крестьяне снова перестали платить аренду, заявляя, что земля теперь окончательно принадлежитъ имъ — и арендованная, и та, на которой вела хозяйство сама владѣлица. Уполномоченный княгини Долгоруковой объявилъ землю въ продажу. Жители сосѣднихъ селеній, мѣстные казаки и нѣкоторые изъ крестьянъ, стали вносить задатки. Крестьяне подстерегали покупщиковъ и били, устраивали засады на сельскихъ властей, не допустили до осмотра уполномоченнымъ крестьянскаго банка, выѣзжавшихъ по просьбѣ покупщиковъ, толпами являлись во дворъ имѣнія, когда узнавали, что кто нибудь явился по поводу земли, грозили уполномоченнымъ княгини и т. п. Нѣсколько разъ уѣздныя власти пытались образумить крестьянъ, выѣзжалъ чиновникъ особыхъ порученій Шрамченко. Но на сходахъ, и при земскомъ начальникѣ и при губернскомъ чиновникѣ, крестьяне твердили свое, что земля принадлежитъ имъ, такъ какъ была отобрана у нихъ незаконно, что они подчинялись силѣ, а теперь рѣшили лучше умереть, чѣмъ отказаться отъ земли, — все равно безъ земли имъ предстоитъ голодная смерть[2]). Никакія убѣжденія не дѣйствовали — крестьяне вѣрили только тому, кто говорилъ въ ихъ пользу, а объ остальныхъ говорили, что они подкуплены княгиней или просто: панъ за пана... Въ поискахъ за „человѣкомъ", уполномоченные крестьянъ случайно встрѣтились съ уполномоченными какого то села Конотопскаго уѣзда, которые разсказали, что они много лѣтъ вели тяжбу съ паномъ, но ведь имъ отказали, такъ какъ у нихъ нѣтъ документовъ; какой-то присяжный повѣренный посовѣтовалъ имъ закладать землей; они это сдѣлали и уже шесть лѣтъ владѣютъ, „а панъ ихъ позываетъ". Эта мысль — изъ истиковъ превратиться въ отвѣтчиковъ — очень понравилась крестьянамъ, и весной этого года сотни плуговъ одновременно появились на землѣ княгини, причемъ нѣкоторые изъ крестьянъ пахали особняками — на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ „до покраски" владѣлъ его отецъ и дѣдъ. Явившемуся къ нимъ управляющему крестьяне заявили, чтобы онъ не смѣлъ на эту землю загонять панскій скотъ, но его самого ни словомъ не обидѣли. Одновременно по всѣмъ лугамъ и лѣсамъ княгиня стали пасти скотъ, причемъ насильно загоняли на панскую землю скотъ всѣхъ жителей Вол. Дѣвицы, даже казаковъ.

Наконецъ, власти рѣшили, что пора принять „мѣры". Пріѣхали въ Нѣжинъ губернаторъ Хвостовъ и жандармъ Рудовъ со свитой. Между тѣмъ, было собрано въ Вол. Дѣвицѣ около 200 стражниковъ и городовыхъ, душъ 40 урядниковъ и нѣсколько становыхъ приставовъ. Въ Нѣжинѣ созваны были уѣздныя власти, и составленъ планъ усмиренія. При этомъ губернаторъ при глашалъ къ себѣ для дачи заключенія двухъ присяжныхъ повѣренныхъ — Гриневскаго и Кисилевича, къ которымъ крестьяне обращались въ разные сроки. Оба дали заключеніе, что никакого юридическаго основанія у крестьянъ нѣтъ. Говорятъ, что губернаторъ выражалъ въ разговорахъ съ прокуроромъ и другими сожалѣніе къ крестьянамъ и обѣщалъ употребить всѣ усилія, чтобы дѣло обошлось мирно. Когда онъ уѣзжалъ изъ Нѣжина, крестьяне, ожидавшіе его въ Дѣвицу, заговорили: „Ага, якъ побачивъ, що наше право, то и очей не показавъ!" Между тѣмъ, команда надъ стражниками и прочей компаніей была поручена губернаторскому фавориту, приставу Колодію.

19 мая одного изъ урядниковъ, выѣхавшаго сгонять скотъ, крестьяне сильно избили. Въ ночь на 20 по селу разбросаны были прокламаціи, въ которыхъ надо понятнымъ галицкимъ языкомъ крестьянамъ приглашали не надѣяться на царя и начальство, а соединяться въ союзы и силой добывать свое право. „Выдно подякъ писавъ — все „але" та „але", говорили тѣ, кто пробовалъ прочесть прокламаціи (кстати, плохо гектографированныя). Утромъ пристава съ урядниками и стражниками ѣздили по волю, требуя, чтобы крестьяне угнали скотъ, а иначе они будутъ арестованы. Крестьяне отвѣчали, что они не просили полиціи приходить на ихъ землю, и просили не мѣшать имъ. Пристава ушли съ поля. Но вотъ передъ вечеромъ прибѣжали изъ села бабы съ крикомъ, что полиція шарить по хатамъ и скрынямъ, ищетъ какихъ то бумагъ, что при обыскѣ у кого то изъ скрыни исчезли деньги, что пять душъ крестьянъ арестованы и увѣдены во дворъ имѣнія. Толпы крестьянъ бросились туда. Ворота оказались запертыми. Сотни мужиковъ, бабъ и подростковъ столпились на улицѣ и сосѣднихъ дворахъ, требуя выдачи арестованныхъ. Весь отрядъ былъ уже наготовѣ. На требованіе разойтись крестьяне отвѣчали бранью и угрозами. Уже вечерѣло. Въ это время изъ сосѣдняго мѣстечка Носовки привезли для полиціи печеный хлѣбъ, и ворота были открыты. Толпа ворвалась во дворъ. Тогда конные урядниками приказано было разогнать толпу нагайками. Стоять въ 40 душъ бросился на безоружную толпу, нанося удары направо и налѣво; конныхъ поддерживали пѣшіе стражники. Толпа шарахнулась по огородамъ. Въ то же время въ полицію полетѣли кирпичи, колья, и даже раздались, будто бы выстрѣлы. Тогда полиціи приказано было стрѣлять. Большинство стрѣляло въ воздухъ, но нѣкоторые, видно, не хотѣли тратить даромъ зарядовъ, и пять или шесть мужиковъ и бабъ были ранены, въ томъ числѣ одинъ смертельно. Немедленно во всѣ стороны полетѣли телеграммы, а на другой день въ Дѣвицу пришло 2 роты пѣхоты и сотня казаковъ. Говорятъ, что явившійся съ разсѣченомъ въ Нѣжинѣ губернаторъ потребовалъ еще одну сотню казаковъ и до прихода ея и полученія телеграммы изъ Петербурга оставался пѣшій день и ночь въ Нѣжинѣ. Всю ночь не спали крестьяне, ожидая отвѣта отъ царя на телеграмму, для посылки которой собрали до 200 руб. Нѣкоторые надѣялись, что изъ Кіева на помощь пріѣдутъ какіе то „студенты". Нѣсколько душъ крестьянъ поспѣшили „скрыться". На утро

[1]) За исключеніемъ Окружного Суда.

[2]) Надо замѣтить, что арендный договоръ съ кн. Голицынымъ былъ судомъ расторгнутъ по жалобѣ кн. Долгоруковой за неплатежъ аренды, причемъ на крестьянъ былъ наложенъ штрафъ въ 1000 руб. за контрактъ на простой бумагѣ, а на Долгорукову всего въ сто рублей (стоимость бумаги), такъ какъ за наслѣдодателя она не отвѣчаетъ. Крестьяне объяснили это пристрастіемъ суда.

Подписи: 1) Леонидъ Г. Васильевскій, Л.-М. Венгроверъ, Анатолій Гольдинъ, Никита Ивановъ, Лидія Канцель, Анна Махлина, Ефимъ Лобановъ, Мееръ Медвинъ, Поликарпъ Мачарадзе, Борисъ Мирскій, Акимъ Пальчикъ, Константинъ Поповъ, Александръ Сапожниковъ, Александръ Сачава, Татьяна Феденева, Вирголій Шмидтъ, Абрамъ Шварцъ, Давидъ Штейнъ.

Марксъ Бабинскій, Шмерко Серъ, Соломонъ Шерманъ, Ефимъ Хиной, Шверко Глазеръ, Самуилъ Алтшулеръ, Ицко Гершковичъ, Осипъ Ярошевскій, Карлъ Дочкалъ, Найденовъ, Карповъ, Левъ Либерманъ.

Село Мартыновское, Киренскаго уѣзда, Иркутской губерніи. 17 марта 1904 г. въ село Мартыновское пріѣхалъ становой приставъ арестовать товарища Кулагина, получившаго приговоръ, отсылки въ Якутскую область. Приставъ не допускалъ товарищей проводить его и проститься съ нимъ. Всѣ Мартыновскіе ссыльные энергично протестовали противъ этого и хотѣли насильно вторгнуться черезъ ряды полицейскихъ къ товарищу Кулагину. Произошла свалка, въ которой одному изъ товарищей Глазеру, поръзали руку шашкой. Послѣ этого приставъ далъ на уступки: самъ удалился, и тѣмъ товарищамъ удалось Кулагинымъ проститься и проводить его по селу съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ. Черезъ два дня человѣкъ изъ нихъ ѣздилъ въ волостное правленіе и объявилъ постановленіе ихъ объ ихъ арестѣ въ мѣстной каталажкѣ по обвиненію въ противленіи властямъ и устройствѣ демонстраціи при проводахъ товарища Кулагина... Въ виду отказа ихъ подчиниться постановленію пристава, основаннаго на томъ, что безъ постановленія подлежащихъ властей они считаютъ арестъ незаконнымъ и, вообще, заключеніе въ каталажкѣ не подлежатъ. Волостное Правленіе дало возможность возвратиться домой. Въ тотъ же вечеръ всѣ политическіе села Мартыновскаго на общемъ собраніи постановили: товарищей властямъ не выдавать, сопротивляясь до послѣдней возможности. Всю ночь всѣ политическіе просидѣли вмѣстѣ; къ нимъ неоднократно заглядывали шпіоны, слѣдя, не разошлись ли они. 14 марта приставъ, распустивъ слухъ о своемъ отъѣздѣ, велѣлъ собрать сходъ. Черезъ нѣкоторое время онъ вернулся и, окруживъ сходъ десятскими и сотскими, предложилъ крестьянамъ, въ виду отказа старшины безъ распоряженія крестьянскаго начальника арестовать политическихъ, — во что бы то ни стало взять ихъ силой, предлагая имъ за это полъ-ведра водки и грозя въ противномъ случаѣ арестовать ихъ. Пошла торговля и согласились на треть чертяхъ водки, причемъ приставъ разрѣшилъ крестьянамъ бить арестуемыхъ въ случаѣ сопротивленія. Въ три часа дня приставъ съ толпою крестьянъ, урядниковъ, сотскихъ и десятскихъ свыше 100 человѣкъ, съ револьверомъ въ рукѣ вошелъ въ квартиру политическаго Хиной, гдѣ въ то время отдыхали вернувшіеся съ собранія Бабинскій и Левинъ, и потребовалъ сдачи ихъ. Тѣ отвѣчали отказомъ, заявивъ, что на силу отвѣтятъ силой, не останавливаясь ни передъ чѣмъ. По командѣ пристава „взять ихъ силой", толпа бросилась на нихъ и началось жестокое избіеніе. Приставъ кричалъ, чтобы арестуемыхъ били и вязали. Связанныхъ и окровавленныхъ, политическихъ бросили въ кошеву, повезли въ волостное правленіе, тамъ обыскали и бросили въ каталажку — двухъ въ темную безъ окна каморку, одного въ нѣсколько большую съ маленькимъ окошечкомъ. Узнавъ объ этомъ, пять политическихъ, оставшихся на свободѣ, бросились къ квартирѣ Хиной. Двое изъ нихъ были арестованы во дворѣ (Серъ и Кирякинъ), двое ворвались въ избу, пытались броситься на пристава, но были тутъ же схвачены Шерманъ и Глазеръ), а пятый (Граннъ) былъ арестованъ на улицѣ. Всѣ они были жестоко избиты и тоже брошены въ каталажку, двое въ ту же темную, остальные въ ту, что посвѣтлѣе. Тутъ же приставъ произнесъ рѣчь къ своей ратти, запретивъ десятскимъ допускать къ заключеннымъ кого бы то ни было, доставлять пищу и кипятокъ и убѣждая ихъ рубить заключенныхъ головы, если они станутъ высовываться въ окна или дверь. Въ то же время приставъ совершилъ обыскъ на квартирахъ всѣхъ арестованныхъ, рвалъ и топталъ книги и другія вещи, бралъ все, что ему нравилось, поощрялъ крестьянъ разбирать вещи, высыпалъ изъ мѣшковъ муку и пр. Черезъ 9 дней пріѣхали въ Мартыновское тов. прокуроръ и жандармскій ротмистръ (у нѣкоторыхъ изъ арестованныхъ была найдена нелегальная литература). Вызванные къ допросу, арестованные просили тов. прокурора начать слѣдствіе объ ихъ арестѣ, но получили грубый отказъ, на вопросы же по дѣлу о нелегальной литературѣ отвѣчать отказались. Всѣ они были освобождены — пятеро подъ особый надзоръ полиціи. Квартиры теперь нашлись съ трудомъ, такъ какъ приставъ убѣждалъ крестьянъ не сдавать квартиры политическимъ. — Въ началѣ мая всѣ мартыновскіе ссыльные послали протестъ губернатору приблизительно такого содержанія: высказавъ, что жизнь въ ссылкѣ послѣ изданія циркуляровъ Кутайсовымъ, стала невозможной, они описали всю исторію разыгрывшуюся съ ними, начиная съ ареста Кулагина, и заявили, что будутъ протестовать противъ циркуляровъ Кутаисова и что выходки администраціи, подобныя вышеописанной будутъ всегда встрѣчать рѣзкій отпоръ. Такъ какъ корреспонденція ссыльныхъ не принималась по распоряженію пристава въ волости, то для отправки протеста пришлось совершить отлучку въ городъ Киренскъ. Тамъ и арестовали Шермана и Глазера, а черезъ нѣсколько дней были арестованы Хиной, Серъ и Бабинскій. Въ тюрьмѣ имъ объявили, что они по постановленію губернатора высылаются въ Якутскую область, а черезъ мѣсяцъ противъ нихъ же было возбуждено преслѣдованіе по 278, 281 и 280 ст. ст. Улож. о Нак., т. е. по обыкновенію въ сопротивленіи властямъ и оскорбленіи должностного лица (пристава) словами и дѣйствіемъ при исполненіи служебныхъ обязанностей. Просидѣвъ въ тюрьмѣ до 17 іюня — до окончанія слѣдствія, — они послѣдовали со второй дѣтней Ленской партіей въ Якутскую область.

Вторая лѣтн. Ленская партія 1904 г. Партія вышла изъ села Александровскаго 25 іюня. На первомъ же станкѣ Московщина офицеръ, ведшій партію изъ Александровска (вѣроятно, изъ боязни скандаловъ, такъ какъ они пьяными принялъ партію и грубо обращался съ политическими: были замѣнены штыками. Партія, вышедшая изъ Александровска, состояла изъ лицъ, пересылавшихся изъ Иркутска уѣзда въ отдаленнѣйшія мѣста Киренскаго уѣзда за протесты, самовольные отлучки и т. п. Здѣсь были Тугутуйская, часть Кундской и часть Зминской колоній. Только два лица изъ всѣхъ было 20 взрослыхъ и семеро дѣтей) высылалось по приговору — оба по Иркутскимъ дѣламъ. На станціи Жердовкѣ къ партіи были присоединены семь чел., содержавшихся до сихъ поръ въ Иркутской тюрьмѣ. Отношенія между конвойнымъ офицеромъ и партіей съ самаго начала не оставляли желать ничего лучшаго: въ каждомъ селѣ на пути политики могли отправляться за покупками въ неограниченномъ числѣ, во всѣхъ попутныхъ колоніяхъ свиданія разрѣшались (такъ, партія имѣла свиданіе съ мѣстными колоніями въ селѣ Манзурскомъ, въ с. Марковскомъ, въ г. Киренскѣ, въ с. Чечуй скомъ). Путешествіе, казалось, должно пройти совсѣмъ хорошо, что было тѣмъ удивительнѣе, что по всей дорогѣ до партіи доходили слухи о предшествовавшей партіи (вышедшей изъ Александровска 15 мая). Но дѣло оказалось совсѣмъ не такъ. Въ Киренскѣ къ партіи присоединялась Мартыновская колонія (5 чел.), высылавшаяся въ Якутскую область за сопротивленіе властямъ, а въ Чечуйскомъ высылались послѣдніе назначенные въ Киренскій уѣздъ политики. Съ тѣхъ поръ въ составъ партіи входили всего 14 чел.: 4 уэнца (Васвлевскій, Венгроверъ, Мачарадзе и Нейманъ); 5 мартыновцевъ Бабинскій, Глазеръ, Серъ, Хиной и Шерманъ); и 5 слѣдовавшихъ изъ Иркутской тюрьмы: Лидія Канцель, Поповъ, Савенковъ, Шанцеръ (пересылался изъ Ачинска въ Якутск. обл. и Феденьевъ). По дорогѣ еще было нѣсколько колоній въ с. Петропавловскомъ, въ с. Иверскомъ, въ с. Нохтуйскомъ и въ г. Олекминскѣ. Петропавловское проѣхали ночью, а въ Иверскомъ остановились по случаю сильнаго вѣтра. Паузки причалили на другой сторонѣ рѣки противъ села. Зная, что въ Иверскомъ есть политики, двое изъ партіи съѣздили въ село, повидались съ мѣстными политиками, сообщили имъ, что партія будетъ требовать свиданія, просили ихъ переѣхать на лодкахъ къ паузкамъ. Оказалось, однако, что мѣстныхъ колонистамъ запрещено давать лодки, и что офицеръ, допускающій до сихъ поръ свиданія, вдругъ запретилъ ихъ, ссылаясь на то, что въ Иверскомъ пріѣхали изъ Киренска становой приставъ и жандармъ. Партія, однако, стала требовать свиданія черезъ своего старосту, который говорилъ съ конвойнымъ офицеромъ и со становымъ. Въ свиданіи было отказано. Наступилъ вечеръ. Вся партія заявила, что не поѣдетъ до тѣхъ поръ, пока не получитъ свиданія, вышла изъ паузка на берегъ, и, боясь, что ночью паузки могутъ двинуться въ путь, рѣшила заночевать на берегу. Офицеръ не показывался и отдалъ только распоряженіе усилить на берегу конвой. Эту ночь (съ 20 на 21 іюля) партія провела на берегу у костра. На слѣдующее утро вѣтеръ стихъ, можно было двинуться въ путь, но партія опять отказалась войти въ паузки. Тогда былъ отданъ приказъ взять партію силой: на 14 человѣкъ политиковъ, совершенно безоружныхъ, приходилось около 50 чел. солдатъ, и послѣ 20 минутнаго сопротивленія политики были брошены на паузокъ и заперты въ немъ на замокъ. Справедливость требуетъ отмѣтить, что солдатамъ былъ отданъ строгій приказъ не драться и до самаго конца ни кулакъ, ни прикладъ не были пущены въ ходъ политиковъ только толкали, схватывали и бросали въ паузокъ. Нужно сказать также, что во время этой исторіи, и во все послѣдующее время конвойный офицеръ не показывался, а отдавалъ свои приказанія черезъ унтеръ-офицера. Когда двери были отомкнуты, оказалось, что конвойнымъ офицеромъ были отданы новыя приказанія: 1) не пускать политиковъ на палубу, т. е. на крышу паузка, 2) пускать въ село за покупками только одного старосту, 3) на берегъ при остановкахъ никого не выпускать. Партія черезъ старосту потребовала отмѣны этихъ распоряженій, т. е. возстановленія стараго режима; но конвойный офицеръ не пожелалъ ихъ отмѣнить (за исключеніемъ перваго), и партія объявила голодовку до тѣхъ поръ, покуда эти распоряженія не будутъ отмѣнены. Въ число требованій не было включено требованіе свиданій, такъ какъ партія не хотѣла предъявлять его къ конвою, какъ таковому, считая его болѣе общимъ. Офицеру было, однако, заявлено, что партія по прежнему, будетъ требовать свиданій въ каждой попутной колоніи. Вѣроятно, это заявленіе и заставляло офицера упорствовать на двухъ послѣднихъ распоряженіяхъ. Село Нохтуйское проѣхали на пятый день голодовки, здѣсь не останавливались, и къ паузкамъ на лодкѣ подъѣхали два товарища изъ мѣстной колоніи. Они на паузокъ не входили и только довольно долгое время провожали паузокъ и разговаривали съ партіей. Къ концу шестого дня голодовки (27 іюля ночью), когда уже паузки подъѣзжали къ Олекминску, съ офицеромъ были начаты переговоры, и онъ отмѣнилъ оба свои распоряженія, строго, однако, приказавъ конвойнымъ препятствовать всякимъ попыткамъ свиданій. Ему, однако, было заявлено, что партія по прежнему будетъ требовать свиданій. Голодовка, какъ достигшая цѣли, была прекращена, и партія стала думать о свиданіи съ товарищами въ Олекминскѣ. За время голодовки партія дважды требовала отъ офицера вызова врача, чтобы осадить тяжело больныхъ въ Витимѣ и въ Нохтуйскѣ, но оба раза послѣ различныхъ предлогами врачъ не былъ вызванъ. Этотъ незаконный поступокъ офицера были оба раза обжалованы.

Въ Олекминскѣ свиданія требовать не пришлось, такъ какъ 28 іюля рано утромъ (часовъ въ 5) на паузокъ явился приставъ и заявилъ, что, по распоряженію Якутскаго губернатора, вся партія временно остается въ Олекминскѣ. Одинъ изъ товарищей проѣхалъ за партіей на лодкѣ, и всѣ были освобождены тутъ же на берегу изъ подъ конвоя. Съ проѣзда с. Иверы конвойный офицеръ ни разу не показывался на паузкѣ политиковъ.

ИЗЪ ДЕРЕВНИ

Изъ Черниговской губерніи. 23 мая текущаго года въ сел Володьковой Дѣвицѣ, Нѣжинскаго уѣзда, производилъ „отеческую" расправу губернаторъ Черниговскій А. А. Хвостовъ, достойный преемникъ „лучшаго изъ губернаторовъ" — Андреевскаго.

Сел. Вол. Дѣвица принадлежитъ къ числу тѣхъ многочисленныхъ многолюдныхъ малорусскихъ сель, въ которыхъ, наряду съ казаками, живутъ и крестьяне, Богъ вѣсть когда и какимъ образомъ закрѣпощенные. Изъ прежнихъ владѣльцевъ народная память сохранила только Румянцева; возможно, что „за великія заслуги" пожаловали они ему „царицей-матушкой" Екатериной II. И почему то въ сознаніи народномъ живо убѣжденіе, что отданы они владѣльцу „по смерть". Когда умеръ Румянцевъ и имѣніе перешло къ кн. Голицынымъ, крестьяне отказались повиноваться новому владѣльцу; слѣдствіемъ чего была жестокая экекуція, многіе были „нещадно" биты на площади кнутомъ, и сосланы въ Сибирь.

Послѣдній владѣлецъ, князь М. П. Голицынъ, хозяйства въ имѣніи не заводилъ, и вся почти земля находилась въ пользованіи крестьянъ. При этомъ очень многіе крестьяне владѣли землей на правѣ полной собственности, какъ полученной отъ казаковъ вслѣдствіе родства или купли у мелкопомѣстныхъ дворянъ, на что у нѣкоторыхъ даже имѣлись домашніе купчія. Передъ 1861 г. у многихъ купчія были отобраны, и земли „по закону" вся была записана за помѣщикомъ. Крестьянамъ былъ предложенъ надѣлъ. Но они заявили, что не желаютъ платить за свою землю, да еще такъ дорого, что земля и такъ имъ достанется, потому что — что съ нею князь будетъ дѣлать? А помретъ безплатный князь, такъ тогда земли безспорно ужъ ихъ будетъ. Такъ лучше взять по 1½ десятины даровой надѣла съ усадьбами (1), который предложилъ имъ князь (въ Борковскомъ имѣніи, тоже возлѣ Нѣжина, гр. Кушелевъ безбородко при такихъ же условіяхъ далъ даже по 1 десят.). Прошло послѣ 19 февраля нѣсколько лѣтъ впродолженіе которыхъ крестьяне продолжали владѣть землею по прежнему по нолямъ уже помѣщику „скошную", т. е условленную часть урожая. Но вотъ началось размежеваніе „дорожка" крестьянамъ стали выдѣлять по 1½ дес., причемъ у кого были большія усадьбы у того и отъ нихъ отрѣзали, а въ полѣ уже не дали ни стулки начались волненія. Князь Голицынъ, человѣкъ очень образованный, либералъ, другъ Александра II (такъ разсказываютъ) предложилъ крестьянамъ купить у него землю по 25 руб. десятину. Для выкупа земли была оплачена вышеуказанная. „И такъ наша будетъ" рѣшили крестьяне и отказались согласившись взять лучше землю въ аренду. Сначала арендная плата поступала исправно. Но вотъ князь умеръ и арендаторы рѣшили, что не должна перейти въ ихъ собственность и отказались платить вдовѣ, къ которой имѣніе перешло въ пожизненное владѣніе. Тогда княгиня, по совѣту нѣкоего Мостицкаго, рѣшила завести собственное хозяйство. Только теперь крестьяне почувствовали всю жесть своего положенія. Когда имъ отказали въ арендѣ и въ сѣнокошеніи. Начались самовольные выпасы, порубки, начались поджоги вновь отстраиваемыхъ хозяйственныхъ построекъ и хлѣба. Но управляющій княгини Мостицкой энергично вступилъ въ борьбу съ крестьянами, возстановляя права владѣльцы при помощи суда и полиціи. Тогда борьба приняла другой характеръ. Еще во время „дорожка", когда крестьянъ стали сгонять съ земли, которою они издавна владѣли они пробовали обращаться къ властямъ за защитою, принося нѣкоторые извлеки изъ подъ спуда припрятанные отъ кн. слугъ крѣпостные документы. Ничего, конечно, не выходило и большинство принялось со своимъ положеніемъ предоставивъ „отставшаго правду" наиболѣе потерпѣвшимъ „отъ воли". Но режимъ Мостицкаго разбудилъ всѣхъ. Недавно передъ тѣмъ бывшій управляющій Дмитревскій, уволенный княгиней, передалъ крестьянамъ извлеченную изъ княжескаго архива инвентарную опись, составленную передъ волей; въ этой описи было точно указано, кто изъ крестьянъ какимъ количествомъ земли владѣлъ и на какомъ основаніи. Эта книга сразу оживила надежды крестьянъ. Были выбраны уполномоченные, собраны деньги, и началось искапіе „человѣка", который взялся бы вести дѣло. Адвокаты отказывались вести дѣло, не признавая за ихъ документами юридическаго значенія. Крестьяне объяснили это тѣмъ, что „паны всѣ закуплены княгиней", и искали благодѣтелей среди трактирныхъ ходатаевъ. Послѣдніе не отказывались, но требовали денегъ и за свой трудъ и „для подмазки" нужныхъ людей, и началось обираніе темныхъ тружениковъ, подача прошеній царю и всѣмъ членамъ царской фамиліи, а также въ разныя существующія и несуществующія учрежденія[1]). Къ какимъ мѣрамъ прибѣгали „аблакаты" для убѣжденія простодушныхъ уполномоченныхъ въ успѣшности ихъ ходатайствъ, показываетъ слѣдующая выяснившаяся оффиціально исторія. Нѣкій „ходатай" Яшенко, подвизающійся и поднесь въ Нѣжинѣ, повезъ уполномоченныхъ въ Петербургъ и въ какомъ-то зданіи, кажется, въ парикмахерской изъ чулана въ щелку показалъ имъ „засѣданіе сената"; кресть яне собственными глазами видѣли, какъ нѣсколько пановъ сидѣли за столомъ и одинъ изъ нихъ „весь въ золотѣ" прочиталъ, что „по указу его императорскаго величества и т. д. сенатъ рѣшилъ: изъять землю изъ владѣнія Голицыной и передать крестьянамъ". Не знаемъ, кто помогалъ Яшенко въ этой комедіи, но только онъ побывалъ за это дѣло въ арестантскихъ ротахъ и, кромѣ того, былъ губернаторомъ Анастасьевымъ, тоже по секрету, наказанъ розгами. „Молитви богу — земля буде наша" — говорили крестьянамъ уполномоченные, возвращаясь изъ своихъ поѣздокъ, но „аблакатамъ тільки треба ше де-дать"... Тѣмъ временемъ ушелъ управляющій Мостицкій, княгиня сократила хозяйство и снова сдала часть земли въ аренду крестьянамъ. Арендную плату они вносили исправно и ждали смерти княгини. И дождались, наконецъ: года два тому назадъ она умерла, и имѣніе досталось кн. Долгоруковой, вдовѣ извѣстнаго земскаго дѣятеля, Черниг. губ. предводителя дворянства, и одному изъ Голицынскихъ, который немедленно продалъ свои права сонаслѣдницѣ. Крестьяне снова перестали платить аренду, заявляя, что земля теперь окончательно принадлежитъ имъ — и арендованная, и та, на которой вела хозяйство сама владѣлица. Уполномоченный княгини Долгоруковой объявилъ землю въ продажу. Жители сосѣднихъ селеній, мѣстные казаки и нѣкоторые изъ крестьянъ, стали вносить задатки. Крестьяне подстерегли покупщиковъ и били, устраивали засады на сельскихъ властей, не допустили до осмотра уполномоченнымъ крестьянскаго банка, выѣзжавшихъ по просьбѣ покупщиковъ, толпами являлись во дворъ имѣнія, когда узнавали, что кто нибудь явился по поводу земли, грозили уполномоченнымъ княгини и т. п. Нѣсколько разъ уѣздныя власти пытались образумить крестьянъ, выѣзжалъ чиновникъ особыхъ порученій Шрамченко. Но на сходахъ, и при земскомъ начальникѣ и при губернскомъ чиновникѣ, крестьяне твердили свое, что земля принадлежитъ имъ, такъ такъ была отобрана у нихъ незаконно, что они подчинялись силѣ, а теперь рѣшили лучше умереть, чѣмъ отказаться отъ земли, — все равно безъ земли имъ предстоитъ голодная смерть[2]). Никакія убѣжденія не дѣйствовали — крестьяне твердили только тому, кто говорилъ въ ихъ пользу, а объ остальныхъ говорили, что они подкуплены княгиней или просто: панъ за пана... Въ поискахъ за „человѣкомъ", уполномоченные крестьянъ случайно встрѣтились съ уполномоченными какого то села Конотопскаго уѣзда, которые разсказали, что они много лѣтъ вели тяжбу съ паномъ, но вездѣ имъ отказали, такъ какъ у нихъ нѣтъ документовъ; какой-то прислежный повѣренный посовѣтовалъ имъ закладать землей; они это сдѣлали и уже шесть лѣтъ владѣютъ, „а панъ ихъ позываетъ". Эта мысль — изъ истцовъ превратиться въ отвѣтчиковъ — очень понравилась крестьянамъ, и весной этого года сотни плуговъ одновременно повмѣлися на землѣ княгини, причемъ нѣкоторые изъ крестьянъ пахали особнякомъ — на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ „до революціи" владѣлъ его отецъ и дѣдъ. Явившемуся къ нимъ управляющему крестьяне заявили, чтобы онъ не смѣлъ на эту землю загонять панскій скотъ, но его самого ни словомъ не обидѣли. Одновременно по всѣмъ лугамъ и лѣсамъ имѣнія стали пасти скотъ, причемъ насильно загоняли на панскую землю скотъ всѣхъ жителей Вол. Дѣвицы, даже казаковъ.

Наконецъ, власти рѣшили, что пора принять „мѣры". Пріѣхали въ Нѣжинъ губернаторъ Хвостовъ и жандармъ Рудовъ со свитой. Между тѣмъ, было собрано въ Вол. Дѣвицѣ около 200 стражниковъ и городовыхъ, душъ 40 урядниковъ и нѣсколько становыхъ приставовъ. Въ Нѣжинѣ созвали были уѣздныя власти, и составленъ планъ усмиренія. При этомъ губернаторъ приглашалъ къ себѣ для дачи заключенія двухъ присяжныхъ повѣренныхъ — Гриневскаго и Кисилевича, къ которымъ крестьяне обращались въ разные сроки. Оба дали заключеніе, что никакого юридическаго основанія у крестьянъ нѣтъ. Говорятъ, что губернаторъ выражалъ въ разговорахъ съ прокуроромъ и другими сожалѣніе къ крестьянамъ и обѣщалъ употребить всѣ усилія, чтобы дѣло обошлось мирно. Когда онъ уѣзжалъ изъ Нѣжина, крестьяне, ожидавшіе его въ Дѣвицу, заговорили: „Ага, якъ побачивъ, що наше право, то и очей не показавъ!" Между тѣмъ команда надъ стражниками и прочей компаніей была поручена губернаторскому фавориту, приставу Колодію.

19 мая одного изъ урядниковъ, вымѣхавшаго сгонять скотъ, крестьяне сильно избили. Въ ночь на 20 по селу разбросаны были прокламаціи, въ которыхъ мало понятнымъ галицкимъ языкомъ крестьянъ приглашали не надѣяться на царя и начальство, а соединяться въ союзы и силой добывать свое право. „Выдно полякъ писавъ — все „але" та „але", говорили тѣ, кто пробовалъ прочесть прокламаціи (кстати, плохо гектографированныя). Утромъ приставъ съ урядниками и стражниками ѣздили по полю, требуя, чтобы крестьяне угнали скотъ, а иначе они будутъ арестованы. Крестьяне отвѣчали, что они не просили полиціи приходить на ихъ землю, и просили не мѣшать имъ. Приставъ ухали съ поля. Но вотъ передъ вечеромъ пригнали изъ села бабы съ крикомъ, что полиція шаритъ по хатамъ и скрынямъ, ищетъ какихъ то бумагъ, что при обыскѣ у кого то изъ скрыни нечели деньги, что пять душъ крестьянъ арестованы и уведены во дворъ имѣнія. Толпы крестьянъ бросились туда. Ворота оказались запертыми. Сотни мужиковъ, бабъ и подростковъ столпились на улицѣ и сосѣднихъ дворахъ, требуя выдачи арестованныхъ. Весь отрядъ былъ уже на готовѣ. На требованіе разойтись крестьяне отвѣчали бранью и угрозами. Уже вечерѣло. Въ это время изъ сосѣдняго мѣстечка Носовки привезли для полиціи печеный хлѣбъ, и ворота были открыты. Толпа ворвалась во дворъ. Тогда конные урядниками приказано было разогнать толпу нагайками. Стрять въ 40 душъ бросился на безоружную толпу, нанося удары направо и налѣво. конныхъ поддерживали пѣшіе стражники. Толпа шарахнулась по огородамъ. Въ то же время въ полицію полетѣли кирпичи, колья, и даже раздались, будто бы выстрѣлы. Тогда полиціи приказано было стрѣлять. Большинство стрѣляло въ воздухъ, но нѣкоторые, видно, не хотѣли тратить даромъ заряды, и пять или шесть мужиковъ избѣгли были ранены, изъ томъ числѣ одинъ смертельно. Немедленно во всѣ стороны полетѣли телеграммы, и на другой день въ Дѣвицу пришло 2 роты пѣхоты и сотня казаковъ. Говорятъ, что, явившійся съ разсѣченомъ въ Нѣжинѣ губернаторъ потребовалъ еще одну сотню казаковъ и до прихода ея и полученія телеграммы изъ Петербурга оставался пѣшій день и ночь въ Нѣжинѣ. Всю ночь не спали крестьяне, ожидая отвѣта отъ царя на телеграмму, для посылки которой собрали по 200 руб. Нѣкоторые надѣялись, что изъ Кіева на помощь пріѣдутъ какіе то „студенты". Нѣсколько душъ крестьянъ посѣщали „скрытся". На утро

[1]) За исключеніемъ Окружного Суда.

[2]) Надо замѣтить, что арендный договоръ съ кн. Голицынымъ былъ судомъ расторгнутъ по жалобѣ кн. Долгоруковой за неплатежъ аренды, причемъ на крестьянъ былъ наложенъ штрафъ въ 1000 руб. за контрактъ на простой бумагѣ, а на Долгорукову всего въ сто рублей (стоимость бумаги), такъ какъ за наслѣдователи она не отвѣчаетъ. Крестьяне объяснили это пристрастіемъ суда.

Подписи: 1) Леонидъ Г. Васильевскій, Л. М. Венгроверъ, Анатолій Гольдинъ, Никита Ивановъ, Лидія Канцель, Анна Махлина, Давидъ Лобановъ, Мееръ Медницъ, Поликарпъ Мачарадзе, Борисъ Мирскій, Акимъ Пальчикъ, Константинъ Поповъ, Александръ Сидоровъ, Александръ Сачава, Татьяна Феденева, Вирджилій Шишеръ, Абрамъ Шваръ, Давидъ Штейнъ.

2) Маркусъ Бабинскій, Семенъ Серъ, Соломонъ Шегерисъ, Шмерко Хинчой, Шмерко Глазеръ, Самуилъ Алтшулеръ, Ицко Окушеръ, Осипъ Ярошевскій, Карлъ Дочкалъ, Найденовъ Карлъ, Левъ Либерманъ.

Село Мартыновское, Киренскаго уѣзда, Иркутской губерніи. 11 марта 1904 г. въ село Мартыновское при... становой при... арестовать товарища Кулагина, получившаго приговоръ, ... отсылки въ Якутскую область. Приставъ не допускалъ товарищей провожать его и проститься съ нимъ. Всѣ Мартыновскіе ссыльные энергично протестовали противъ этого и хотѣли насильно вторгнуться въ ... ряды полицейскихъ къ товарищу Кулагину. Произошла свалка, ... въ которой одному изъ товарищей, Глазеру, порвали руку шашкой. Послѣ этого приставъ ... ... уступки, самъ удалился, и тѣмъ товарищамъ удалось ... Кулагинымъ проститься и проводить его до села съ пѣснями революціонныхъ пѣсенъ. Черезъ два дня ночью ... ... явили въ волостное правленіе и объявили постановленіе ... ... объ ихъ арестѣ въ мѣстной каталажкѣ по обвиненію въ ... противленіи властямъ и устройствѣ демонстраціи ... ... провожать товарища Кулагина. ... Въ виду отказа ихъ подчиниться ... постановленію пристава, основаннаго на томъ, что безъ ... ... постановленія подлежащихъ властей они считаютъ арестъ незаконнымъ и, вообще, заключеніе въ каталажкѣ не подлежать. Волостное Правленіе дало возможность возвратиться домой. Въ ... же вечеръ всѣ политическіе села Мартыновскаго на общемъ собраніи постановили, товарищей властямъ не выдавать, сопротивляться до послѣдней возможности. Всю ночь всѣ политическіе просидѣли вмѣстѣ, ...

приказано было всѣмъ крестьянамъ, имѣющимъ право голоса на сходѣ, собраться въ верстѣ отъ села на княг. лугу. Туда же явились и ихъ семейные и множество любопытныхъ; но всѣ явившіеся безъ зова были далеко отогнаны полицей, которой набралось до 250 душъ. Сюда же съ пѣснями, одна за другой, были двинуты двѣ роты пѣхоты и двѣ сотни казаковъ, которые и выстроились противъ крестьянъ. Появились ѣздныя власти; наконецъ, показались верховые, а за ними губернаторъ въ сопровожденіи отряда казаковъ. Передъ тѣмъ онъ заѣзжалъ въ церковь, гдѣ служилъ молебенъ, какъ и подобаетъ истинному христіанину передъ начатіемъ всякаго дѣла; затѣмъ заходилъ въ волостное правленіе, гдѣ тоже крестился и молился передъ иконами. Подлетѣвъ къ собравшимся, губернаторъ поздоровался съ войсками и начальствомъ, затѣмъ обернулся къ крестьянамъ, которые, какъ только подъѣхалъ губернаторъ, стали на колѣни; впереди себя они поставили на столѣ икону и хлѣбъ-соль. Губернаторъ ударилъ передъ иконой земной поклонъ, затѣмъ обратился къ колѣнопреклоненнымъ крестьянамъ съ рѣчью. Онъ сказалъ, что явился, какъ царскій уполномоченный, наказывать ихъ за совершенные преступки и преступленія, но, видя ихъ покорность, готовъ принять хлѣбъ-соль и ходатайствовать о смягченіи заслуженнаго имъ наказанія, если они обѣщаютъ повиноваться властямъ и не искать земли, на которую не имѣютъ права. Долго и горячо говорилъ губернаторъ („дуже кричавъ і наказуваръ". т. е. кричалъ). Потомъ велѣлъ арестовать 7 душъ для заключенія въ тюрьму за безпорядки и сопротивленіе властямъ, по постановленію слѣдователя, и болѣе 35 душъ для высылки административнымъ порядкомъ въ сѣверныя губерніи за подстрекательство къ неосновательнымъ жалобамъ и за возбужденіе смуты[1]). Послѣ этого губернаторъ потребовалъ, чтобы крестьяне составили приговоръ, что они навѣки отказываются отъ намѣренія отнять землю у кн. Долгоруковой. Такъ какъ не всѣ, стоящіе на колѣняхъ, называли поднятіемъ руки согласіе, то при казано было имъ встать и раздѣлиться. Огромное большинство отошло въ сторону, несогласные остались на мѣстѣ. Моментально, по командѣ, пѣхота, стоявшая противъ крестьянъ, приготовила ружья, казаки окружили ихъ, а переодѣтые въ святки стражники (дабы не срамить „честь мундира") принесли пучки розогъ. Въ этотъ моментъ прокуроръ (настоящій европеецъ по внѣшности) сдѣлалъ видъ, что ничего не понимаетъ, сѣлъ со своими помощниками въ коляску и укатилъ въ Нѣжинъ... Еще нѣсколько душъ отдѣлилось; осталось человѣкъ 40. Крестьяне почему то были увѣрены, что нельзя сѣчь: „царь подарувавъ ризки"... Первого потребовали старика 65 лѣтъ. Бойко, державшаго въ рукахъ надежду — документы. Согласенъ ли подчиниться властямъ и отказываешься отъ земли? — „Воля ваша, а земля наша[!]" Вслѣдъ за симъ, краткое совѣщаніе начальства и опредѣленіе: 20 ударовъ розогъ. Переодѣтые стражники схватили сѣдого старика, лицомъ напоминавшаго угодника, и началось. Ни звука не издалъ старикъ, но зато со всѣхъ сторонъ подняли вопли отдаленныхъ зрителей (ближніе и кричать не смѣли). Когда отсчитали десять, губернаторъ пріостановилъ истязаніе и предложилъ тотъ же вопросъ; послѣдовалъ прежній отвѣтъ. Устыдился ли губернаторъ сѣдинъ дѣда (говорятъ, у него самого жинъ еще отецъ) или на защиту выступилъ докторъ, но только экзекуція надъ нимъ больше не продолжалась, а былъ онъ немедленно отправленъ подъ арестъ. Затѣмъ принялись за другихъ; число ударовъ доходило до 40. Усердствовали переодѣтые такъ, что брызги крови вверхъ летѣли, а воплей истязуемыхъ не могли заглушить крики и плачъ тысячной толпы, отпущенной, правда, на далекое разстояніе. Когда дошли до 13 го, остальные не выдержали и съ съ криками: „отказываемся отъ земли, пустіть хоть душу!" бѣгомъ присоединились къ согласнымъ. Немедленно былъ составленъ приговоръ, которымъ крестьяне, „посовѣтовавшись между собой, съ общаго нашего согласія постановили: навсегда отказаться отъ земли, признавъ, что она принадлежитъ княгинѣ Долгоруковой". Послѣ этого губернаторъ публично выразилъ благодарность полиціи за усердіе и уѣхалъ. А войска остались для окончательнаго водворенія порядка. Впрочемъ, вездѣ наступила такая тишина, какъ будто все вымерло. Говорятъ, крестьяне записываются теперь на ту часть земли, которую княгиня рѣшила продать (обагренный кровью лугъ она оставляетъ за собой). Въ тотъ-же день одинъ изъ высѣченныхъ отвезъ задатокъ на землю, говоря встрѣчнымъ: „коли-бъ раньше перегнали разумъ изъ..... въ голову, то давно земля была бъ наша". Есть, впрочемъ, и такіе, что говорятъ: „царь ничего не знае,—це все губернаторъ своею властью робить; а узнае царь, то ще хто знае, якъ воно буде". И это послѣ того, какъ раньше говорили, „что паны и солдаты за княгиню, не ничого не знаютъ — якъ підкупить можно (наймаютъ ихъ солдаты робить на поміщікивъ), а отъ уже якъ казаки прыйдуть, то це вже одъ царя"...

ИЗЪ КАЗАРМЫ.

Въ чугуевскихъ лагеряхъ, мѣстѣ постоянной лѣтней стоянки десятаго армейскаго корпуса въ настоящее время находится шесть полковъ. Въ значительной своей части, эти войска состоятъ изъ запасныхъ, призванныхъ во время недавней мобилизаціи, и это обстоятельство чрезвычайно измѣнило общій видъ и настроеніе чугуевскаго „христолюбиваго воинства". Возвратившіеся изъ запаса солдаты совсѣмъ не то, что только что взятые новобранцы: суровая школа жизни, да еще жизни подъ яремнаго русскаго человѣка, дѣлала понемногу свое великое дѣло воспитанія народныхъ массъ. И пробуждающаяся, хотя и медленно, мысль, и чувство собственнаго достоинства, большій жизненный опытъ — все это до неузнаваемости преобразило бывшаго солдата, вышколеннаго ежедневной муштрой и знавшаго раньше лишь одну несложную солдатскую истину: „не смѣть разсуждать[!]" Теперь онъ сталъ совсѣмъ другимъ. Попробуй его оскорбить офицеръ—и онъ готовъ сейчасъ же защитить свое достоинство. Правда, военная дисциплина и внушаемый ею страхъ еще настолько велики, что онъ не рѣшится дѣйствовать въ одиночку, но массой, толпой онъ всегда готовъ къ открытому возмущенію какой-нибудь несправедливостью, грубымъ обращеніемъ начальства, напримѣръ. И это не фраза: чугуевская хроника полна событій такого рода. Приведу здѣсь для примѣра два факта, прекрасно характеризующихъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и наши военные порядки. Въ числѣ запасныхъ, взятыхъ во время мобилизаціи, много имѣется изъ уѣздовъ, лежащихъ по близости отъ Чугуева. Родственники этихъ солдатъ дѣлали, естественно, попытки навѣщать ихъ, тѣмъ болѣе, что все время ожидалась отправка войскъ на Дальній Востокъ... Но связь солдата съ домомъ, съ семьей, конечно, вещь опасная и обществу нашему лишь дальнѣйшее ослабленіе дисциплины. И вотъ выходитъ приказъ по дивизіи — воспретить эти свиданія во всѣ дни, за исключеніемъ воскресеній. Само собой понятно, что для крестьянъ, пріѣзжавшихъ иногда за 50-60 и не имѣющихъ никакого представленія о приказахъ дивизіонныхъ генераловъ, послѣдняя оговорка была лишена всякаго смысла. Для нихъ дѣло сводилось къ полному запрещенію свиданій, и начальство приняло бесцеремонно гнать ихъ изъ лагерей и его окрестностей. Какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, солдаты пустили въ ходъ различные „обходы", пытаясь обмануть бдительное око „отцовъ командировъ", и гдѣ-нибудь тайкомъ побѣсѣдовать съ родичами, погоревать съ ними объ оставленномъ домѣ хозяйствѣ, покинутой женѣ, дѣтяхъ... Что все создало, въ концѣ концовъ, тяжелую атмосферу крайне обостренныхъ отношеній съ начальствомъ, старательно налаживавшимъ нарушителей генеральскаго приказа. Наконецъ, накопившееся у солдатъ чувство горечи и обиды за несправедливыя притѣсненія прорвалось и одинъ офицеръ, грубый бурбонъ, былъ жестоко ими избитъ среди бѣлаго дня за то, что посмѣлъ ударить солдата, пойманнаго имъ вмѣстѣ съ родичами на мѣстѣ преступленія. Высшее начальство, смущенное этой выходкой, постаралось замять весь этотъ инцидентъ, не давъ ему никакого дальнѣйшаго хода.

Другой случай имѣлъ мѣсто въ Лебединскомъ полку. Офицеръ, отводившій два батальона этого полка на обѣдъ, замедлилъ немного съ отдачей команды и солдаты стали садиться безъ нея. Офицеръ тотчасъ же обрушился на нихъ цѣлымъ потокомъ самой грубой брани; изъ толпы солдатъ послышался по этому поводу чей-то протестующій возгласъ, и онъ, не долго думая, съ шашкой наголо устремился на дерзкаго, посмѣвшаго возвысить свой голосъ. Но тутъ произошло уже нѣчто совершенно для него неожиданное. Вся масса солдатъ, какъ одинъ человѣкъ, срывается съ мѣста и съ страшнымъ крикомъ и свистомъ бросается на зарвавшагося вояку, которому поневолѣ пришлось спасаться самымъ позорнымъ образомъ... И въ этомъ случаѣ начальство постаралось сдѣлать видъ, какъ будто ничего не знаетъ о случившемся.

Недавно было еще нѣсколько подобныхъ же инцидентовъ въ Богодуховскомъ полку. Приводили даже для „усмиренія" дежурную роту въ полномъ вооруженіи, но обыкновенно никого изъ „бунтовщиковъ" уже не находили. Да солдаты и не особенно боятся этого. „Хіба воны въ насъ будутъ стріляты", говорятъ они. Да, съ такимъ войскомъ не особенно будетъ легко ходить на усмиреній внутреннихъ враговъ. И знаю изъ достовѣрныхъ источниковъ, что начальство прекрасно понимаетъ это и проектируетъ уже переводъ ихъ въ другое, болѣе спокойное и глухое мѣсто...

Кругомъ въ войскахъ самое безстыдное казнокрадство, грабежъ и безпорядокъ рѣшительно; во всемъ. Отправили, напр., недавно на войну отсюда конную артиллерію, недавно лишь перевооруженную. На смотровой стрѣльбѣ она, стрѣляя по заранѣе вымѣреннымъ разстояніямъ, попала изъ 80 сдѣланныхъ выстрѣловъ всего четырьмя снарядами въ установленныя мишени. Въ заключеніе—еще одна маленькая подробность изъ области нашихъ россійскихъ порядковъ: запасные солдаты, призванные теперь на службу, до сихъ поръ не получили ни казенныхъ сапогъ, ни шароваръ. Выдали имъ рубахи и фуражки, а остальное „выдадимъ, молъ", когда домой будете уходить. Солдаты этимъ, конечно, очень недовольны. „Обѣдяѣлъ нашъ царь", говорятъ они. И все таки, несмотря на все это, стоитъ только кликнуть кличъ, и среди нихъ найдется масса желающихъ итти на войну. Слишкомъ ужъ сильно у нихъ стремленіе уйти отъ томительной бездѣятельности казарменной жизни.

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ
и
ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

Стачка каменьщиковъ въ Варшавѣ. Всеобщая стачка каменьщиковъ въ Варшавѣ, о началѣ которой сообщалось въ № 73 „Искры", кончилась послѣ слишкомъ двухнедѣльной борьбы частичной побѣдой стачечниковъ: 1) работа наканунѣ праздничныхъ и воскресныхъ дней будетъ оканчиваться часомъ раньше, съ сохраненіемъ обычной поденной платы, 2) расчетъ производится каждую субботу, самое позднее, до шести часовъ вечера, 3) устроены паккамеры для храненія платья и инструментовъ, а также для защиты на случай непогоды и 4) заработная плата нѣсколько увеличена. Однако, не этими, въ сущности, незначительными результатами опредѣляется значеніе варшавской стачки. Она имѣла громадное политическое и общественное значеніе и, прежде всего, сыграла крупную роль въ дѣлѣ развитія классоваго самосознанія и революціонизированія какъ тѣхъ многихъ тысячъ рабочихъ, которые участвовали въ стачкѣ, такъ и тѣхъ, которые, не принимая непосредственнаго въ ней участія, съ живѣйшимъ интересомъ слѣдили за ея теченіемъ.

Въ прошломъ № „Искры" описаны были массовое собраніе и демонстративное шествіе каменьщиковъ въ предмѣстіи Воля. Слѣдующее собраніе, по численности не уступавшее первому, устроено было въ четвергъ 25 авг. за іерусалимской заставой, можно сказать, почти на глазахъ полиціи. Третье собраніе назначено было на субботу. Каменьщики сошлись на улицѣ Хлодной ровно въ 12 час. Полиція встрепенулась. Вызваны были весь „личный составъ" 7 ой части съ приставомъ во главѣ. Повидимому, опасались демонстраціи. Въ одно мгновеніе рабочіе разными путями направились къ набережной Вислы, въ такъ называемыя „Сѣкѣрки". Значительная же часть устремилась въ сторону ул. Товаровой. Полиція, полагая, что мы соберемся опять на Волѣ, цѣлой громадой, въ сопровожденіи казаковъ, поспѣшила въ предмѣстье Чисте, въ лѣсокъ, но, никого тамъ не нашедши, вернулась съ кислой миной въ городъ. Между тѣмъ, наши, въ числѣ 700-800 чел., собрались на „Сѣкѣркахъ". Собраніе продолжалось около полутора часа, ораторы изъ П. С. Д. прованосили агитаціонныя рѣчи, производившія на слушателей чрезвычайно сильное впечатлѣніе. Собраніе уже подходило къ концу, какъ вдругъ является начальникъ земской стражи („Сѣкѣрки" находятся внѣ вѣдѣнія варшавской полиціи съ нѣсколькими стражниками. Спрашиваетъ, кто мы такіе и что мы здѣсь дѣлаемъ. Одинъ изъ товарищей объясняетъ ему, что это собраніе каменьщиковъ, которые обсуждаютъ свои дѣла. Начальникъ просилъ насъ разойтись, прбавляя, что онъ могъ бы по телеграфу вызвать войска и всѣхъ насъ арестовать. Ему отвѣтили, что пускай вызываетъ и арестуетъ, если ему это угодно. Въ дальнѣйшее разговоры мы, однако, не входили, такъ какъ собраніе кончилось и мы стали возвращаться въ городъ. Начальникъ со стражниками провожалъ насъ все время до самой заставы. У послѣдней ожидала насъ полиція съ оберъ полиціймейстеромъ во главѣ, но видя шествіе изъ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, она никого изъ насъ не тронула, попросивъ только разойтись: нѣсколько же товарищей, которые отдѣлились еще раньше до заставы и пошли иной дорогой, наткнулись на другой отрядъ полиціи и были всѣ арестованы. Въ понедѣльникъ 29 авг. собраніе было созвано въ Мокотовѣ, повидимому, полиція пронюхала заранѣе, такъ какъ, лишь только успѣли собраться 300 каменьщиковъ и произнесена была одна рѣчь, немедленно явился начальникъ съ полиціей; при этомъ были арестованы четыре массовыхъ рабочихъ. Въ среду 31 авг. опять было устроено собраніе въ іерусалимскихъ аллеяхъ, причемъ произнесена была однимъ товарищемъ рѣчь. Только послѣ этого явилось нѣсколько десятковъ городовыхъ, арестовавшихъ одного рабочаго, котораго, однако, вскорѣ освободили. —

Вы видите, это была необычная стачка. Начать съ того, что въ стачкѣ принимали участіе всѣ каменьщики города Варшавы, числомъ до 7000. Почти каждый день массовыя собранія подъ открытымъ небомъ, на которыхъ произносятся агитаціонныя политическія рѣчи, демонстративныя шествія и т. д. Каменьщики за все время стачки ежедневно тысячами собираются на своей „биржѣ", здѣсь они узнаютъ о предполагаемыхъ собраніяхъ, раздаютъ другъ другу прямо на улицѣ, не стѣсняясь, социалъ-демократическую литературу; мѣсто для „биржи", конечно, каждый день назначается другое. При этомъ полиція въ погонѣ за рабочими постоянно попадаласъ въ просакъ. Рабочіе собираются, напр., на улицѣ Хлодной, спустя нѣкоторое время, появляется цѣлая полицейская орда — и никого не находитъ. На слѣдующій день, конечно, полиція, рѣшившись, во что бы то ни стало, захватить добычу, устраиваетъ на той же Хлодной съ самаго утра засаду на каменьщиковъ, но то время какъ эти послѣдніе преспокойно собираются на Маршалковской или Вольцѣ.

Въ четвергъ 8 сент. стачечный комитетъ рѣшилъ устроить демонстрацію въ центрѣ города. Около часа дня человѣкъ 500 каменщиковъ собрались на Краковскомъ предмѣстьи между улицами Медовой и Трембацкой. Подъ звуки „Краснаго знамени" шествіе двинулось по направленію къ памятнику Мицкевича. Немедленно же къ шествію присоединились другія группы рабочихъ: подняли красный флагъ съ надписями: „Долой эксплуатацію[!]". „Да здравствуетъ 8-ми часовой рабочій день[!]" „Да здравствуетъ соціализмъ[!]". Отъ памятника Мицкевича демонстранты повернули назадъ и по Медовой, Сенаторской, вышли на Театральную площадь; передъ городской ратушей (здѣсь же полицейское управленіе) демонстранты остановились, и революціонные однодушные возгласы огласили воздухъ. Изъ воротъ выскочила свора полицейскихъ, пытаясь арестовать нѣкоторыхъ изъ участниковъ демонстраціи. На углу Верзбодовой завязалась настоящая стычка съ полиціей. Товарищи съ палками кидались на представителей полиціи и отбивали арестуемыхъ. Во время этой стычки ранены были трое околодочныхъ и одинъ городовой довольно серьезно. — Еще удачнѣе была демонстрація, устроенная въ тотъ же день въ шесть съ половиной часовъ вечера на Вольской ул., гдѣ въ шествіи участвовало отъ 2 до 3 хъ тысячъ человѣкъ. Полиція попряталась, испугавшись внушительнаго шествія „рабочихъ батальоновъ", а дворники, которымъ еще въ началѣ августа пристава читали „курсъ" о демонстраціяхъ, причемъ за ихъ головы обѣщана была награда въ 25 руб. — снявши шапки, безпомощно стояли у воротъ домовъ.

Небезынтересно отмѣтить, что П. П. С., устраивающая на страницахъ своихъ собственныхъ органовъ, а также „Освобожденія", чуть ли не каждый день громадныя демонстраціи и издающая лишь изъ соображеній высшей политики съ явнымъ ущемленіемъ сигнала къ всеобщему возстанію, въ описаніемъ движенія не принимала рѣшительно никакого участія. Впрочемъ, какъ говоритъ Варшавскій корреспондентъ „Naprzod'a" органа Галицій ской партіи), „настоящій моментъ, вообще, не годится для стачечныхъ движеній, и П. П. С. старается направить всѣ свои силы, какъ агитаціонныя, такъ и организаціонныя, для использованія положенія, для развитія политическаго сознанія среди самыхъ широкихъ массъ". Но, хотя „настоящій моментъ вообще не годится", корреспондентъ, тѣмъ не менѣе, увѣряетъ, что „вся стачка ведется исключительно организаціонными въ П. П. С. товарищами каменьщиками". Надо, однако, добавить, что варшавскимъ корреспонденціямъ „Naprzod'a" вовсе въ Галиціи никто не вѣритъ. Даже Галиційская печать, но въ лицѣ своихъ буржуазныхъ и строго-консервативныхъ органовъ, какъ, напр., „Nova Reforma" и „Czas", по поводу послѣдней стачки, въ рядѣ статей отмѣчаетъ, конечно, съ крайнимъ прискорбіемъ, все возрастающее вліяніе С.-Д. П. П. и Л. Поддерживать падающій престижъ П. П. С. въ глазахъ „общества", мистифицировать послѣднее всякими небылицами — въ этомъ корреспонденты и писатели П. П. С. видятъ главное свое призваніе; этимъ также объясняется приведенная выше несуразность варшавской корреспонденціи „Naprzod'a".

Изъ Иваново-Вознесенскаго житья бытья. Вотъ нѣсколько картинокъ, характеризующихъ условія жизни рабочихъ на фабрикѣ Кувваева. 16 іюля послѣ окончанія работъ караульный, безъ всякаго повода, пристала въ корридорѣ къ одному молодому рабочему съ требованіемъ, чтобы онъ разулся для обыска. Оскорбленный и сконфуженный этимъ надъ вательствомъ въ присутствіи цѣлой толпы соговаривавшей — рабочій отказался и потребовалъ отъ сторожа, чтобы онъ пошелъ съ нимъ въ контору. Послѣдній, ни слова не говоря, изо всей силы толкнулъ парня. Рабочій упалъ на асфальтовый полъ и расшибъ себѣ затылокъ и спину. Послѣ этого его всетаки свели въ контору и обыскали, при чемъ ничего не нашли; вадумалъ рабочій пожаловаться управляющему, — но въ отвѣтъ получилъ грубый окрикъ и... разсчетъ. У воротъ его поджидало нѣсколько товарищей, которымъ онъ сталъ разсказывать, какъ было дѣло. Другіе рабочіе стали подходить, и вскорѣ образовалась толпа человѣкъ въ 200. По мѣрѣ его разсказа волненіе росло, и когда онъ кончилъ, раздались негодующія восклицанія и возгласы, предлагавшіе вернуться на фабрику и раздѣлаться съ мерзавцемъ. Мысль эта нашла сочувственный откликъ, и не сдобровать бы хозяйскому прихвостню, если бы въ дѣло не вмѣшались старика, которымъ удалось отговорить рабочихъ. Послѣдніе разошлись съ угрозами хорошенько проучить варвара, если попадется еще разъ. Избитаго товарища повели къ полицейскому надзирателю и потребовали, чтобы онъ составилъ протоколъ. Какъ водится, это оказалось „не его дѣломъ". Пошли къ фабричному врачу, который призналъ раны серьезными и посовѣтовалъ обратиться въ судъ, что пострадавшій и сдѣлалъ. Однако, о разбирательствѣ дѣла что то ничего не слышно.

Одна изъ самыхъ тяжелыхъ работъ на нашей фабрикѣ — работа напорщиковъ[1]. На прессъ полагается пять человѣкъ; тѣмъ не менѣе, въ теченіи двухъ недѣль напорщиковъ было только трое. Не разъ они говорили объ этомъ мастерамъ, но ихъ ничего не дѣлали. Наконецъ, 26 іюля они бросили всѣ вмѣстѣ прессъ, и пошли къ старшему съ требованіемъ, чтобы имъ дали человѣка въ помощь. Старшій не нашелъ другого отвѣта, какъ затопать на нихъ ногами и осыпать площадной бранью. Вернувшись отъ него ни съ чѣмъ, напорщики, не будучи больше въ силахъ исполнять непосильный трудъ, принуждены были взять разсчетъ.

Послѣ такого отеческаго обхожденія у „благодѣтеля" на фабрикѣ, рабочаго встрѣчаетъ материнская нѣжность полицейскаго на улицѣ. Вечеромъ того же дня передъ квартирами кувваевскихъ прикащиковъ наблюдалась такая сценка: около канавы свалились двое пьяныхъ рабочихъ. Сторожъ поднялъ крикъ: прибѣжалъ полицейскій. Послѣ каторжнаго труда ино совершенно обезсиливаетъ человѣка. Однимъ крикомъ его не заставишь очнуться. Одному изъ лежавшихъ полицейскій сталъ „тереть уши" и привелъ его въ сознаніе; на другого и этотъ утонченный пріемъ первой медицинской помощи не произвелъ желательнаго дѣйствія. Тогда... городовой выломилъ вѣтку изъ куста и сталъ безпощадно стегать безчувственнаго человѣка, пока его не остановилъ случайно проходившій рабочій. „Тѣлесныя наказанія всемилостивѣйшимъ манифестомъ отмѣнены".

Бахмутъ. Бахмутская группа Донецкаго союза организовала массовую сходку. На ней присутствовало 50 чел. рабочихъ. Сначала говорили о современномъ народномъ бѣдствіи — войнѣ, которую затѣяло варварское правительство для того, чтобы свистомъ пуль заглушить стоны и крики изстрадавшагося народа и покрыть блескомъ славы ставленниковъ царя. Потомъ одинъ изъ ораторовъ познакомилъ рабочихъ со всѣми ужасными условіями жизни политическихъ ссыльныхъ, изложилъ причины, непосредственно вызвавшія протестъ якутскихъ товарищей и сообщилъ рѣшеніе суда надъ ними. Въ заключеніе рабочими единогласно была принята слѣдующая резолюція:

„Возмущенные и потрясенные до глубины души грубымъ произволомъ и дикимъ насиліемъ гнуснаго царскаго правительства надъ товарищами въ Романовкѣ, собраніе Бахмутскихъ рабочихъ, будучи вполнѣ солидарно съ требованіями, предъявленными Якутскому губернатору, протестуетъ самымъ энергичнымъ образомъ противъ звѣрскаго преступленія царскаго самодержавія, шлетъ горячій братскій привѣтъ Якутскимъ борцамъ и призываетъ всѣхъ честныхъ гражданъ идти въ ряды борцовъ противъ гнуснаго самодержавія".

Сходка прошла очень оживленно, настроеніе рабочихъ было очень поднято и медленно, съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ, они разошлись по домамъ.

Владикавказъ. Со самаго послѣдняго времени волна революціоннаго движенія проносилась мимо нашего соннаго городка. Великая борьба пролетаріата оставалась совершенно неизвѣстной мѣстнымъ рабочимъ. Лучи новой свѣтлой жизни не западали въ наше сѣрое царство пошлой обывательщины. Но съ недавняго времени и у насъ появились первые признаки движенія. Образовалась группа социалъ-демократовъ, которая повела дѣятельную агитацію среди рабочихъ, большинство которыхъ мелкіе ремесленники, подвергающіеся самой ужасной эксплуатаціи. Образовавъ цѣлый рядъ кружковъ изъ грузинъ, осетинъ,

[1]) Работающіе на печатномъ прессѣ.

...ихъ и армянъ, выпущено нѣсколько прокламацій на русскомъ и грузинскомъ языкахъ, устроенъ рядъ агитаціонныхъ собраній, на которыхъ выяснялись какъ ближайшія задачи даннаго класса, такъ и его конечныя стремленія. Особенно обращаютъ на себя вниманіе два загородныхъ собранія, одно въ другое въ 85 человѣкъ. Второе изъ нихъ, носившее рѣзко выраженный политическій характеръ, было посвящено памяти недавно грузинскаго соціалъ-демократа Ладо Кецховели, убитаго въ тюрьмѣ; было поднято красное знамя съ надписью на грузинскомъ и русскомъ языкахъ: „долой самодержавіе"; два оратора говорили на русскомъ языкѣ и одинъ на грузинскомъ; ораторы выясняли необходимость свержения самодержавія и достиженія политической свободы. Рѣчи произвели на рабочихъ большое впечатлѣніе, и, развернувъ красное знамя, они съ пѣснями и съ криками „долой самодержавіе" и „да здравствуетъ свобода", двинулись по лѣсу. Чувствовалось необыкновенное воодушевленіе. Мѣстная рабочая организація раскидываетъ свои сѣти во всѣ стороны и надѣется, что черезъ нѣкоторое время владикавказскій пролетаріатъ ііп готрге съ честью вступитъ въ ряды самыхъ рѣшительныхъ борцовъ за политическую свободу и соціализмъ. Къ сожалѣнію, только, какъ и вездѣ, у насъ чувствуется недостатокъ въ опытныхъ пропагандистахъ.

Фактъ съ пробужденіемъ пролетаріата къ новой жизни захватилъ нѣкоторый ростъ самосознанія и среди туземной интеллигенціи. Такъ, осетинская интеллигенція въ лицѣ учащейся молодежи и учителей на нѣсколькихъ собраніяхъ обсуждала вопросъ о современномъ положеніи дѣлъ въ краѣ и пришла къ заключенію, что никакая производительная культурная работа въ рамкахъ существующаго полицейско-бюрократическаго строя невозможна, а потому ближайшей задачей является свержение самодержавія.

Итакъ, и наша глухая сторона начинаетъ пробуждаться, и здѣсь начинаетъ формироваться къ борьбѣ носитель свѣтлаго будущаго — революціонный пролетаріатъ. Въ добрый часъ!

Осетинъ.

Кишиневъ. За послѣднее время нашей организаціей было устроено два собранія. Первое состояло изъ рабочихъ евреевъ, числомъ 50 чел. Говорилось о войнѣ и о революціи; о необходимости демонстраціи противъ войны; объ Амстердамскомъ конгрессѣ. Второе собраніе изъ 80 организованныхъ рабочихъ евреевъ и христіанъ прошло очень оживленно. Говорили два оратора. Одинъ по русски, другой по еврейски. Былъ прочитанъ рефератъ на тему: „Классовая борьба и организаціонный принципъ". Собраніе продолжалось четыре часа. Говорили также по поводу убійства Плеве; о дисциплинѣ и конспираціи, объ Амстердамскомъ конгрессѣ. Собраніе закончилось дружными криками: „Долой самодержавіе! долой капитализмъ!". Съ такимъ собраніе стало расходиться. Впечатлѣніе остаетъ очень хорошее; жалѣли только, что были не всѣ организованные рабочіе: болѣе 70 чел отсутствовало въ силу нѣкоторыхъ техническихъ и конспиративныхъ условій. Третье собраніе, на которое явилось около 120 чел. рабочихъ евреевъ, должно было быть распущено, такъ какъ полиція успѣла пронюхать о немъ и могла явиться съ минуты на минуту. Что касается общей дѣятельности группы, то мы можемъ съ радостью сообщить, что послѣднее время она въ высшей степени интенсивно работаетъ, и сходки и кружки въ полномъ ходу. Недавно у насъ было одна за другой распространены прокламаціи о Плеве и „Къ солдатамъ". Обѣ перепечатаны съ прокламаціи „Искры" въ типографіи „Сѣверо-Западнаго Комитета".

Полиція мечется, какъ угорѣлая. Мѣстный жандармскій сатрапъ Васильевъ (явившій зубатовецъ) клялся уничтожить „жидовъ, мутящихъ добрыхъ христіанъ". Недавно былъ здѣсь произведенъ обыскъ у одного военнаго врача по приказу изъ Петербурга. Жандармерія ушла не солоно хлебавши и очень злилась распоряженію.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ТРИ ДНЯ.

Mascherina, ti conosco
Узнаю тебя, маска!

„Революціонныхъ соціалистамъ блестяще удались произведенные ими большіе маневры", сказалъ по поводу только что окончившейся въ Италіи всеобщей стачки одинъ римскій сенаторъ, бывшій армейскій генералъ. Армейская голова удачно выразила представленіе буржуазіи о „мобилизаціи" пролетарскихъ массъ. Тутъ и единственно доступное буржуазному мозгу объясненіе стройной согласованности „черни" и оптимистическое самоутѣшеніе (только „маневры!".

Чѣмъ же была на дѣлѣ эта „мобилизація"?

Разразившаяся всеобщая стачка только слила въ одинъ общій потокъ отдѣльныя струи пролетарской борьбы промышленныхъ и сельскихъ рабочихъ Италіи. Хроника итальянскаго рабочаго движенія — это хроника постоянныхъ стачекъ. Такъ напр., канунъ объявленія всеобщей стачки былъ сотымъ днемъ стойкой стачки рабочихъ мраморныхъ ломокъ въ Версиліи. Однако же, отдѣльныхъ взрывовъ недовольства недостаточно было для того, чтобы вызвать общій подъемъ настроенія и сознанія классовой солидарности. Объ этомъ позаботились капиталисты и угодливая имъ, покрываемая правительствомъ, армія.

5, 8 и 14 сентября, какъ всѣ шлыки запала, воспламенили всю массу. 5 сентября произошло столкновеніе между горнопромышленными рабочими и солдатами въ Буджеру, въ Сардиніи. Безтактное поведеніе отряда вызвало отпоръ, — брошены камней со стороны рабочихъ. Въ результатѣ залповъ произведенныхъ войсками, трое рабочихъ убито, много — ранено. Самоуправство военныхъ властей тотчасъ отзывается цѣлымъ рядомъ демонстративныхъ протестовъ во всей Италіи. Черезъ три дня, 8 сентября, разыгрывается сцена безпощадной расправы съ бодущими стачку сельскохозяйственными рабочими въ Мальяно Сабина. Власти приглашаютъ комитетъ союза рабочихъ въ городу и арестовываютъ его: въ помѣщеніе союза посылаютъ полицейскихъ подъ прикрытіемъ эскадрона драгунъ, арестуютъ документы, объявляютъ союзъ закрытымъ. 14 сентября въ Кастеллуччіи (Castelluzzi, у. Трапани въ Сициліи — новая сцена побоища. Въ помѣщеніе лиги сельскихъ рабочихъ, во время сбора арендныхъ взносовъ, врываются карабинеры подъ начальствомъ бригадира и, получивъ отъ секретаря лиги отказъ на незаконное требованіе выдать списокъ членовъ лиги, арестуютъ секретаря. Происходитъ превирательство съ бригадиромъ. Тотъ, не долго задумываясь, командуетъ огонь; въ итогѣ двое убитыхъ, много раненыхъ.

И вотъ развязность буржуазіи, распущенность нижнихъ властей, попустительство министерства Джіолитти сдѣлали свое дѣло: рядомъ ударовъ они привели въ движеніе милліонную массу рабочихъ. Черезъ 36 часовъ извѣстіе о Кастеллюччіи погромѣ дошло до Рима. Еще черезъ нѣсколько часовъ совѣтъ делегатовъ миланской Биржи Труда принципіально рѣшилъ всеобщую стачку и представилъ свое рѣшеніе исполнительному комитету правленія соціалистической партіи въ Римѣ. Въ ту же ночь всеобщая стачка была объявлена правленіемъ партіи. 16-го вечеромъ состоялось массовое собраніе рабочихъ въ миланской Биржѣ Труда. Собраніе провозгласило всеобщую стачку par acclamation. Въ этотъ же день въ Генуѣ, въ результатѣ митинговъ протеста и демонстрацій, произошелъ рядъ столкновеній рабочихъ съ полиціей. Одно изъ такихъ столкновеній, при попыткѣ полиціи разгонять собраніе протеста, кончилось кровавой бойней: 200 выстрѣловъ со стороны войскъ уложили 15 рабочихъ. Въ полдень собраніе членовъ лигъ и кооперативовъ въ Биржѣ Труда постановило всеобщую стачку. На слѣдующее утро стачка охватила всѣ порты побережья Средиземнаго моря. 17-го утромъ остановились всѣ отрасли производства въ Туринѣ, Неаполѣ, Венеціи, Брешіи. Одновременно стачка началась и въ Римѣ.

Три великіе дня для итальянскаго пролетаріата: 16-17-18 сентября!

Пролетаріатъ девятисотъ слишкомъ мѣстностей выступилъ одновременно, какъ возставшій угнетенный классъ, съ сознательнымъ требованіемъ, обращеннымъ къ правительству: прочь хищныя руки, залитыя пролетарскою кровью! Стачка охватила несомнѣнно свыше милліона рабочихъ. Главный базисъ ея: Миланъ, Генуя, Туринъ. Въ Миланѣ Биржа Труда буквально такъ беретъ въ свои руки власть надъ городомъ. Съ прекращеніемъ всякаго вида наемнаго труда, прекращается и выходъ газетъ. Издается только Биржей Труда „Бюллетень всеобщей стачки". Для руководства стачкой въ Миланѣ организовывается „Секретаріатъ сопротивленія". Биржа труда организуетъ раскладку распоряженій по городу при помощи 300 курьеровъ велосипедистовъ, устанавливаетъ общественную охрану. Городская полиція не смѣетъ показываться на улицу. Вызванные въ Миланъ войска (альпійцы) послѣ форсированныхъ переходовъ приходятъ въ Миланъ ночью и въ потьмахъ ночуютъ въ дворцовомъ дворѣ.

Въ Генуѣ, послѣ бойни въ предмѣстьи Сампьердарена, бурные дни уличныхъ столкновеній; дѣло доходитъ до частныхъ попытокъ постройки баррикадъ.

Ни воды, ни хлѣба, ни электрическаго освѣщенія. Тдятъ сухари изъ морскихъ запасовъ. Къ западу отъ Генуи была даже повреждена желѣзная дорога. Толпа сжигаетъ предназначенные для солдатъ тюфяки.

Громадныя манифестаціи и собранія въ Римѣ. При всемъ томъ общее теченіе стачки болѣе, чѣмъ мирно, какъ здѣсь, такъ и въ другихъ городахъ. Всюду поражаетъ выдержанность, сознательность рабочихъ массъ, всецѣло проникнувшихъ къ партійно-организованнымъ рабочимъ.

Что же думаетъ и дѣлаетъ въ эти дни буржуазія? Ужасъ, буквально, овладѣваетъ ею; растерянность ея граничитъ съ коническимъ перепугомъ. „Невѣроятное варварство, — восклицаетъ Sentinella Bresciana объ одномъ инцидентѣ Миланской стачки, — нездоровую даму, старуху, заставили выйти изъ общественнаго экипажа и она принуждена была сѣсть на скамью на улицѣ".

Праздная толпа генуэзской знати руколешетъ пощечинѣ, данной въ толпѣ одному адвокату соціалисту, и газеты сочувственно отмѣчаютъ „демонстрацію".

„Кто не видѣлъ, пишетъ одинъ миланецъ, входа кортежа рабочихъ въ городъ, тому не понять очевидца!. Въ этотъ моментъ онъ (народъ) былъ господиномъ... Командировъ не было. Колонна раздѣлялась на-трое. Повидимому имѣлись три цѣли. Какія? Дворецъ? Префектура? Городская дума? Кто знаетъ?".

Перепуганное воображеніе напоминало буржуазіи страшныя вещи: королевская резиденція, вѣдь, была посредникъ злополучнаго треугольника: Милана, Турина, Генуи. Чудился обширный стратегическій планъ съ разумѣніемъ и прегражденіемъ желѣзныхъ дорогъ, именно съ тѣхъ сторонъ, откуда передвигались войска.

Не менѣе была терроризирована и политическая мысль буржуазіи, чему образцомъ можетъ служить вдохновенный бредъ перепуганнаго публициста Vasallo: „Вы, жирондисты, реформисты, съ этихъ поръ носящіе кличку *маммиферовъ*, вы будете уничтожены якобинцами либріоластами, которые встрѣтятъ свою историческую Немезиду въ томъ мрачномъ пятомъ сословіи, которато мы не знаемъ, которое мы отожествляемъ съ варварствомъ, — въ томъ пятомъ сословіи, состоящемъ изъ какихъ-то чудовищъ и выродковъ, наполовину людей, наполовину звѣрей, сословіи, изъ котораго въ опредѣленный моментъ выходятъ сентябрьскіе герои ножа, опьяненные кровью, ужасные призраки tricoteuses гильотины".

Достаточно лишь сопоставить эти красоты обнаженной классовой психологіи, эти перлы злобы и страха — съ тѣми пѣснями любви, мира и внѣклассовой солидарности, которыя пѣлись тѣмъ же органами печати за нѣсколько дней до этого, — чтобы понять, какія тайны исторіи открыли знаменательные „три дня" итальянской стачки.

Вотъ о чемъ пѣла въ предыдущіе дни буржуазная пресса.

16-го вечеромъ, когда совѣтъ делегатовъ миланской Биржи Труда рѣшилъ въ принципѣ всеобщую стачку и эта вѣсть разнеслась по всей Италіи, генуэзская газета „Secolo" помѣстила статью: „Духъ терпимости въ Италіи". Статья начинается дипломатично съ уживчивости царствующихъ въ Римѣ бокъ-о-бокъ папы и короля, но вслѣдъ затѣмъ быстро переходитъ къ главной темѣ: терпимости итальянскаго народа, чуждаго политикѣ. Происхожденіе этой терпимости нужно искать въ индивидуализмѣ итальянца, отмѣченномъ еще въ XIV вѣкѣ и въ эпоху Возрожденія. Терпимость эта проистекаетъ изъ эгоизма, изъ эпикурейской мудрости, изъ скептицизма народа. Ему нѣтъ дѣла до увлеченій другихъ, онъ не подстрекаетъ на пропаганду. „Итальянецъ сомнѣвается во всѣхъ и во всемъ, и этотъ скептицизмъ застраховываетъ его отъ губительнаго энтузіазма какъ въ теоріяхъ, такъ и въ отношеніи къ людямъ".

Какой иронией звучатъ эти строки три дня спустя, когда газетный гашишъ подобныхъ статей оказался безсильнымъ отуманить головы итальянскихъ рабочихъ.

Но вотъ уже началась стачка, и въ томъ же „Secolo" описывается сходка рабочихъ на Campo Boario въ Римѣ: „Большая толпа демонстрантовъ устремляется слѣдомъ за Ферри по улицѣ Bocca della Verita, издавая крики протеста. Депутатъ Ферри и другіе главари соціалистической партіи призываютъ къ спокойствію и серьезности".

Газета, повидимому, успокаиваетъ себя и свою аудиторію извѣстіемъ: мирно настроенные „вожди" — на мѣстахъ. Ея отношеніе къ рабочимъ и даже къ ихъ стачкѣ — сладе мода.

16 сентября въ генуэзскихъ газетахъ появляется извѣстіе изъ Трапани о соціалійской бойнѣ. Корреспонденція начинается словами: „ужасная новость повергла въ оцѣпенѣніе весь городъ, только и говорятъ, что объ этомъ... Повидимому, однако, войска принуждены были пустить въ дѣло оружіе, потому что они очутились среди подавляющей числомъ, угрожающей толпы".

„Правительство рѣшило, пишутъ тамъ же по поводу столкновенія въ Кастеллуччи между войсками и крестьянской лигой, настаивать на самомъ безпристрастномъ разслѣдованіи дѣла и на суровомъ примѣненіи закона къ тѣмъ агентамъ публичной охраны, которые злоупотребили своею властью".

Римская газета „Tribuna", комментируя фактъ, разсыпается въ похвалахъ правительству, „принявшему рѣшительныя мѣры", она требуетъ преслѣдованія карабинеровъ, независимо отъ того, повинны ли они въ неблагоразуміи или въ излишнемъ усердіи.

Такъ буржуазная пресса стояла на стражѣ интересовъ рабочихъ, парализуя передъ этими рабочими. Иныя слова успокоенія и „соціальнаго мира" были припасены у нея для буржуазной публики. Политическая инертность народныхъ массъ, „благораздуміе Ферри" отвѣтственность передъ общественнымъ буржуазнымъ мнѣніемъ конечно „высоко-мѣщанаго Филиппа Турати, краснорѣчіе котораго доводило рабочихъ до неистоваго энтузіазма", — таковы были воображаемыя гарантіи непоколебимой прочности существующаго государственно-буржуазнаго порядка Италіи — въ глазахъ буржуазныхъ политиковъ за нѣсколько дней до стачечной бури. И вотъ „высокодѣйственный Турати" черезъ нѣсколько дней отвѣренъ этой печатью почти что съ насмѣшкой, а „главари соціалистической партіи" осыпаются проклятіями. Что же случилось? Случилось то, что итальянскій пролетаріатъ, поднятый призывомъ классоваго сознанія на высоту пониманія своего политическаго достоинства, своихъ политическихъ цѣлей, вырвался изъ подъ опеки своихъ „дурныхъ пастырей" — реформистовъ.

На грандіозномъ собраніи въ Миланѣ рабочими былъ освистанъ глава итальянскаго реформизма — Турати. А вслѣдъ за этимъ судомъ революціонно-настроенныхъ массъ, отъ реформистовъ отмежевываются и центральныя силы движенія. Вотъ доказательства этого: 18-го вечеромъ на Биржѣ Труда въ Миланѣ была получена телеграмма изъ Рима за подписью Murialdi и Bossi, заявляющая, что „центральный комитетъ сопротивленія" рѣшилъ прекратить стачку въ этотъ же день. Послѣдствіемъ было то, что миланскіе желѣзнодорожные рабочіе, присоединившіеся къ стачкѣ и подчинявшіеся миланской Биржѣ Труда, теперь не примкнули къ общему движенію. Буржуазныя газеты возлали должное этому благоразумію небольшой части миланскихъ рабочихъ. И вотъ какъ отзывается объ этомъ инцидентѣ „Бюллетень всеобщей стачки":

„Несомнѣнно, дѣло идетъ объ измѣнѣ, и поскольку есть у насъ еще остатокъ уваженія къ соціалистамъ-реформистамъ, первой приходитъ на умъ мысль, что это ловкій обманъ полиціи".

Рвалась послѣдняя связь между сторонниками мирнаго развитія и революціонными пролетаріатомъ, и, слѣдовательно, рвалась и послѣдняя нить, связывавшая этотъ пролетаріатъ съ буржуазіей.

Буржуа съ ужасомъ ищутъ „надежныхъ" вождей во главѣ народныхъ массъ и не видятъ. Сладкія рѣчи о благѣ всего народа, о успѣхахъ морь безполезны: если освистанъ Турати, на какой-же сцены? И на разсчитывать буржуазные артисты политической потокъ непримиримый" итальянскій народъ выливается цѣлый совѣ... ...ной яичницѣ откровенности правящихъ классовъ.

Вотъ, кто... мы.

И, дѣйствительно, всѣ... правѣ сказать итальянскій рабочій, въ эти памятные дни убѣдившій массового рабочаго, могли обычной идеологической маска что такое буржуазія безъ своей

Трехдневная стачка также ст... никла: рабочіе повсюду принялись ... закончилась, какъ и возбиржъ труда, и „соціалистаровъ сопро...ботку по постановленію гдѣ, какъ въ Неаполѣ желѣзнодорожныя дня". Только такъ, повлена близкая конкретная цѣль, стачка прочи, была поставсколько дней; въ Неаполѣ стачка окончилась ... еще нѣчіе добились отставки начальника мѣстныхъ желѣзъ. — рабо...инженера Раньи. И жизнь вошла въ обычное русло, ...горого, лось въ прежнее состояніе. Такъ ли это, все ли вернулось ...чительно прежнему въ жизни Италіи?

Буржуа подсчитываютъ убытки, включая разбитыя окошки стекла, и вадыхаютъ о невозвратныхъ потеряхъ. Они занимаются и учетомъ результатовъ для рабочихъ этой стачки, которая, ясно для всѣхъ, была политической стачкой.

Мораль ихъ ясна: вы ничего не добились. Римская газета „Popolo Romano", первая изъ римскихъ буржуазныхъ газетъ, вышедшая 19-го вечеромъ, въ статьѣ „Конецъ стачки" призываетъ рабочихъ впредь держаться вдали отъ политической борьбы, которая останется для нихъ вообще безрезультатной.

Убѣдительна ли для итальянскаго рабочаго класса эта мораль? Политическая сторона историческихъ „трехъ дней", говоритъ намъ иное.

На верхушкѣ итальянской государственной пирамиды красуется не фигура dell Ke, короля Виктора Эммануила, который занятъ въ эти дни новорожденнаго любезнаго сына, а фигура премьера Джіолитти.

Джіолитти сдѣлалъ все, что можетъ сдѣлать услужливый приказчикъ реакціонной буржуазіи: его политика была политикой уклоненія отъ какихъ-бы то ни было соціальныхъ реформъ, которыя только обсуждались за время его пребыванія у власти. Такъ было съ вопросомъ объ отдѣленіи государства отъ церкви, такъ и съ вопросомъ о распространеніи скромнаго права административныхъ выборовъ на цѣлыя категоріи лицъ. Онъ былъ лакеемъ крупныхъ аграріевъ, простно защищалъ покровительственную систему, поддерживалъ пошлины на сахаръ, хлѣбныя пошлины. Его маской была звонкая фраза, щедрыя обѣщанія. На телеграмму, переданную туринскими соціалистами черезъ городского сандика городского голову), Джіолитти отвѣтилъ увѣреніями, что онъ является и является защитникомъ абсолютной свободы стачекъ, — сторонникомъ невмѣшательства правительства въ мирные конфликты капитала и труда, что правительство не отвѣтственно за преступно совершенныя дѣйствія нашихъ властей, что виновные въ Кастеллюччской бойнѣ арестованы и будутъ подвергнуты строжайшей отвѣтственности передъ закономъ.

Достаточно сказать, что два дня спустя, въ дни наибольшаго обострения классового конфликта, виновники кроваваго побоища не были еще арестованы. Въ то же время „защитникъ свободы", которому „Tribuna" восклала дифирамбъ за умѣнье обойтись безъ осаднаго положенія во время стачки, запрещалъ газеты, начиная съ запрета „Avanti" на сѣверныхъ желѣзныхъ дорогахъ, прерывалъ телеграфныя и телефонныя сообщенія, подвергалъ незаконной перлюстраціи частныя телеграммы.

Окончаніе стачки позволило ему совершенно сбросить маску: начались аресты въ районахъ недавней стачки, пошли запреты собраній въ честь политическихъ жертвъ. Онъ поспѣшилъ обнаружить всяческое усердіе, чтобы возстановить свой престижъ въ глазахъ большинства палаты. Но по нападкамъ озлобленныхъ буржуазныхъ политиковъ, обвинявшихъ премьера въ бездѣйствіи власти, видно, что Джіолитти на этотъ разъ не съумѣлъ угодить. Даже эрганъ конституціонной оппозиціи признаетъ за соціалистами право торжествовать побѣду надъ министромъ.

Таковы результаты перемѣщенія политическихъ силъ Италіи — въ итогѣ всеобщей стачки.

Вся парламентская лѣвая, т. е. и республиканцы, и радикалы, пойдутъ, по мнѣнію Ферри, за соціалистами въ требованіи немедленныхъ коренныхъ реформъ, въ требованіи радикальнаго министерства; пойдутъ — какъ это рѣшено на собраніи всей лѣвой 21 го сентября по обсужденію недавнихъ событій, — даже до обструкціи въ случаѣ майоризированія ихъ правой, до массовой отставки депутатовъ. — въ случаѣ побѣды Джіолитти.

Въ повышенной атмосферѣ кипящей ключемъ политической жизни Италіи стоятъ другъ къ другу лицомъ два вѣчно враждебные класса.

Пролетаріатъ возвращается къ будничной жизни со вновь выкованнымъ орудіемъ сознательной классовой организованной силы, которая легко можетъ быть пущена въ дѣло. Но можно быть увѣреннымъ, что онъ лучше, чѣмъ когда либо различаетъ враговъ и грядущія опасности.

И лицомъ къ лицу съ нимъ, буржуазія, недавно терроризированная темнотой городовъ и отсутствіемъ хлѣба, обнаруживаетъ какое-то политическое слабоуміе въ первый же день возстановленія мирной жизни. „И быть свѣтъ!" почтительно восклицаетъ генуэзская „Secolo", по поводу возстановленія электрическаго освѣщенія въ городѣ.

И въ то время, какъ римская „Tribuna" еще съ откровенностью отчаянія говоритъ: „мы должны совершить великую соціальную реформу... увеличить число полицій". — генуэзская „Secolo" помѣщаетъ статью — по поводу праздника независимости Италіи „XXII сентября". — подъ заглавіемъ: „Горе имѣемъ сердца!" Вотъ что въ ней говорится:

„Не будемъ смущать радости примиренія душъ нашихъ: одна мысль должна объединить души добрыхъ и честныхъ, мысль о любви къ отечеству". „Горе имѣемъ сердца, генуэзцы!... Звѣзда Италіи не меркнетъ, и добродѣтель душъ добрыхъ гражданъ сдѣлаетъ ея сіяніе еще прекраснѣе!"

Ружейные залпы, однако, краснорѣчивѣе сладкихъ фразъ, и на жалкій примирительный лепетъ газетъ, какъ и на новыя попытки правительства въ рамкахъ существующей куцой конституціи затушевать острую борьбу классовъ подъ прикрытіемъ фразъ о неклассовой политикѣ, итальянскіе рабочіе, конечно, съ насмѣшкой отвѣтятъ: *узнаю тебя маска!*

Итальянская всеобщая стачка случилась по истинѣ во-время для разрѣшенія вопроса о всеобщей стачкѣ, такъ сильно занимавшей въ послѣднее время литературу всѣхъ партій, интересующихся борьбой капитала и труда. Она даетъ новый матеріалъ для разрѣшенія вопроса о томъ, чѣмъ можетъ быть такая всеобщая стачка. Соціалъ-демократы, въ противоположность анархистамъ, видятъ въ ней мощное орудіе для агитаціи. Такимъ-то именно орудіемъ и явились „три дня".

ских и армянъ; выпущено нѣсколько прокламацій на русскомъ и грузинскомъ языкахъ, устроенъ рядъ агитаціонныхъ собраній, на которыхъ выяснялись какъ ближайшія задачи рабочаго класса, такъ и его конечныя стремленія. Особенно обращаютъ на себя вниманіе два загородныхъ собранія, одно изъ 60, другое въ 85 человѣкъ. Второе изъ нихъ, носившее рѣзко выраженный политическій характеръ, было посвящено памяти извѣстнаго грузинскаго соціалъ-демократа Ладе Церхетели, убитаго въ тюрьмѣ. Было поднято красное знамя съ надписью на грузинскомъ и русскомъ языкахъ: „долой самодержавіе" и два оратора говорили на русскомъ языкѣ и одинъ на грузинскомъ. Ораторы выясняли необходимость сверженія самодержавія и достиженія политической свободы. Рѣчи произвели на рабочихъ сильное впечатлѣніе, и раздернувъ красное знамя, они съ пѣснями и съ криками „долой самодержавіе" и „да здравствуетъ свобода" двинулись по лѣсу. Чувствовалось необыкновенное воодушевленіе. Мѣстная рабочая организація расширяетъ свои сѣти во всѣ стороны и надѣется, что скоро и которое время владикавказскій пролетаріатъ пойдетъ съ честью вступитъ въ ряды самыхъ рѣшительныхъ борцовъ за политическую свободу и соціализмъ. Къ сожалѣнію только, какъ и вездѣ, у насъ чувствуется недостатокъ въ опытныхъ пропагандистахъ.

Ригасъ. Съ пробужденіемъ пролетаріата къ новой жизни замѣчается нѣкоторый ростъ самосознанія и среди туземной интеллигенціи. Такъ, осетинская интеллигенція въ лицѣ учащейся молодежи и учителей на нѣсколькихъ собраніяхъ обсуждала вопросъ о современномъ положеніи дѣлъ въ краѣ и пришла къ такому заключенію, что никакая производительная культурная работа въ рамкахъ существующаго полицейско-бюрократическаго строя невозможна и потому ближайшей задачей является сверженіе самодержавія.

Итакъ, и наша глухая сторона начинаетъ пробуждаться, и у насъ начинаетъ формироваться къ борьбѣ носитель свѣтлаго будущаго — революціонный пролетаріатъ. Въ добрый часъ!

Отинъ.

Янисъ. За послѣднее время нашей организаціей было устроено два собранія. Первое состояло изъ рабочихъ евреевъ въ числѣ 50 чел. Говорилось о войнѣ и о революціи, о необходимости демонстраціи противъ войны, объ Амстердамскомъ конгрессѣ. Второе собраніе изъ 80 организованныхъ рабочихъ евреевъ и христіанъ прошло очень оживленно. Говорили два оратора. Одинъ по русски, другой по еврейски. Былъ прочитанъ рефератъ на тему: „Классовая борьба и организаціонный принципъ". Собраніе продолжалось четыре часа. Говорили также по поводу убійства Плеве, о дисциплинѣ и конспираціи, объ Амстердамскомъ конгрессѣ. Собраніе закончилось дружными криками: „Долой самодержавіе! долой капитализмъ". Съ тѣхъ поръ собраніе стало расходиться. Впечатлѣніе осталось очень хорошее; жалѣли только, что были не всѣ организованные рабочіе; болѣе 20 чел. отсутствовало изъ-за плохихъ техническихъ и конспиративныхъ условій. Цѣлость въ краѣ, на которое явилось около 120 чел. рабочихъ евреевъ, можно было быть распущено такъ, какъ полиція успѣла проникать о немъ и могла явиться въ минуты на минуту. Но кажется общей дѣятельности группы то мы можемъ съ радостью сообщить, что послѣднее время она по крайней степени энергично работаетъ, и сходки и кружки ея вполнѣ хорошо. Недавно у насъ были одна за другой за прокламацію противъ Плеве и „Къ солдатамъ". Обѣ прокламаціи отпечатаны на „Искрѣ" въ типографіи „Сѣверо-западнаго комитета".

Полиція мечется, какъ угорѣлая. Мѣстный жандармскій капитанъ Васильевъ лично обходитъ „злачныя мѣста" и „вертепы" „жидковъ, мутящихъ добрыхъ христіанъ". Недавно такъ былъ произведенъ обыскъ у одного военнаго врача по дѣламъ дня Петербурга. Жандармеровъ ушло много, но хлѣбовъ и денегъ удивлялся распоряженію.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ТРИ ДНЯ.

Маѳорія на 7 голосовъ.
Удалъ тебѣ мысль.

„Революціонныя [illegible] событія [illegible] недѣли, вызванныя ими [illegible] окончившейся на Цѣлу и ломбардской [illegible] ликвидаціей [illegible] торъ, бывшій армейскій [illegible] мы [illegible] выразила представительница буржуазіи [illegible] скихъ массъ. [illegible] объясненіе стр[illegible] ское самоуправленіе [illegible] „мелочи".

Какъ же [illegible] мы [illegible]

Разразившаяся [illegible] общій потокъ [illegible] ныхъ и сегодняшнихъ [illegible] богато движеніе [illegible] напр., какую-нибудь [illegible] стойкой стачки рабочихъ м[illegible] Берлинѣ и [illegible] Однако [illegible] было для [illegible] знанія [illegible] талисты и [illegible] и массу [illegible] ленными [illegible] тактное [illegible] со стороны [illegible] войсками, [illegible] ство военныхъ [illegible] нонстративное [illegible] 8 сентября [illegible] ледующими [illegible] Сабина. Власти [illegible] тушу и арестъ [illegible] полицейскихъ [illegible] документы, [illegible] стеллоціи (San [illegible] насилія. Но [illegible] улаты арендныя [illegible] вительствомъ бр[illegible] на незаконное [illegible] ить секретаря [illegible] Тотъ, не долго [illegible] убійцы, [illegible]

И вотъ [illegible] стей, [illegible] дѣло, [illegible] массу рабочихъ [illegible] погромъ. [illegible] делегатовъ милиціи [illegible] обшую стачку [illegible] питету [illegible] ночь всеобщая [illegible] 16 го вечеромъ [illegible] манской Биржѣ. [illegible] рагъ заявляютъ [illegible] митинговъ протеста и [illegible] женій рабочихъ [illegible] при попыткѣ [illegible] ровавой бойнѣ. [illegible] 15 рабочихъ. [illegible] воръ въ Биржѣ. Трудъ [illegible] дующее утро стачка охватила всѣ порты побережья, [illegible] наго моря. Итогъ утромъ остановились всѣ отрасли производства въ Туринѣ. Нечколь Венеціи Брешіи. Одновременно стачка началась и въ Римѣ.

Три великіе дня для итальянскаго пролетаріата: 16-17-18 сентября!

Пролетаріатъ девятисотъ слишкомъ мѣстностей выступилъ одновременно, какъ возставшій угнетенный классъ, съ сознательнымъ требованіемъ, обращеннымъ къ правительству: прочь хищныя руки, залитыя пролетарскою кровью! Стачка охватила несомнѣнно свыше милліона рабочихъ. Главный базисъ ея: Миланъ, Генуя, Турины. Въ Миланѣ Биржа Труда буквально такъ берется изъ своей руки надъ городомъ. Съ прекращеніемъ всякаго вида наемнаго труда, прекращается и выходъ газетъ, издается только Биржей Труда „Бюллетень всеобщей стачки". Для руководства стачкой въ Миланѣ организовывается „Секретарскій [illegible]". Биржа труда организуетъ разсылку, распоряженій по городу при помощи 300 курьеровъ велосипедистовъ, устанавливаетъ общественную охрану. Городская полиція не можетъ показываться на улицу. Вызванныя въ Миланъ войска, лишь послѣ форсированныхъ переходовъ, приходятъ въ Миланъ ночью и въ потьмахъ ночуютъ въ дворцовомъ дворѣ.

Въ Генуѣ послѣ бойни въ предмѣстьи Сампьердарена, бурныя дни уличныхъ столкновеній здѣсь доходятъ до частныхъ попытокъ постройки баррикадъ.

Ни воды, ни хлѣба, ни электрическаго освѣщенія. Взять сухари изъ морскихъ запасовъ. Въ запасѣ отъ Генуи была даже повреждена желѣзная дорога. Толпа сжигаетъ предназначенные для постройки баррикадъ трамваи.

Громадныя манифестаціи и собранія въ Римѣ. При всемъ томъ общее теченіе стачки болѣе, чѣмъ мирно, какъ здѣсь, такъ и въ другихъ городахъ. Всюду поражаетъ выдержанность, сознательность рабочихъ массъ, всецѣло примкнувшихъ къ партійно-организованнымъ рабочимъ.

Что же думаетъ и дѣлаетъ въ эти дни буржуазія? Ужасъ буквально овладѣваетъ ею, растерянность ея граничитъ съ комическимъ перепутомъ. „Невѣроятное варварство, восклицаетъ [illegible] Брешіана объ одномъ инцидентѣ Миланской стачки, — недолговую даму старуху заставили выйти изъ общественнаго экипажа и она принуждена была ѣсть на скамьѣ на улицѣ".

Праздная толпа [illegible] знати рукоплещетъ [illegible] какой-то толкъ одному адвокату соціалисту, и газеты [illegible] ственно отмѣчаютъ „демонстрацію".

„Кто не видѣлъ [illegible] ишетъ одинъ миланецъ, входа кортежа рабочихъ въ городъ, тому не понять очевидца! Въ этотъ моментъ онъ [illegible] народъ былъ господиномъ. Командировъ не было... Колонна раздѣлялась на трое. Повидимому имѣлись три цѣли. Какія? Дворецъ? Префектура? Городская дума? Кто знаетъ?".

Перепуганное воображеніе напоминало буржуазіи страшныя вещи королевскія реминденція, вѣдь, была посредниѣ вломбардо треугольника Милана, Турина, Генуи. Чудился обширный стратегическій планъ съ разрушеніемъ и преграждениемъ желѣзныхъ дорогъ именно съ тѣхъ сторонъ, откуда передвигались войска.

Не менѣе было терроризировано и политическая мысль буржуазіи. [illegible] образомъ можетъ служить вдохновенный бредъ перепуганнаго [illegible] субпинета Джолитти: „Вы жирондисты, реформисты съ [illegible] перо вонъ, я кличу [illegible], вы будете уничтожены [illegible] бомбами [illegible] которые истребятъ своею [illegible] Немедленно [illegible] мрачною [illegible] головой [illegible] которыхъ мы не знаемъ, которые мы отвергаемъ съ [illegible] [illegible] [illegible]

...ихъ и армянъ; выпущено нѣсколько прокламацій на русс... и грузинскомъ языкахъ, устроенъ рядъ агитаціонныхъ ...ній, на которыхъ выяснялись какъ ближайшія задачи ...ого класса, такъ и его конечныя стремленія. Особенно об...ило на себя вниманіе два загородныхъ собранія, одно въ ...другое въ 85 человѣкъ. Второе изъ нихъ, носившее рѣзко ...женный политическій характеръ, было посвящено памяти ...стнаго грузинскаго соціалъ-демократа Ладо Кецховели, уби... въ тюрьмѣ; было поднято красное знамя съ надписью на ...инскомъ и русскомъ языкахъ: „долой самодержавіе"; два ...ора говорили на русскомъ языкѣ и одинъ на грузинскомъ; ...оры выяснили необходимость свержения самодержавія и до... политической свободы. Рѣчи произвели на рабочихъ ...ое впечатлѣніе, и, развернувъ красное знамя, они съ ...ніемъ и съ криками „долой самодержавіе" и „да здравствуетъ ...юція", двинулись по лѣсу. Чувствовалось необыкновенное ...ушевленіе. Мѣстная рабочая организація раскидываетъ ...ти во всѣ стороны и надѣется, что черезъ нѣкоторое ...я владикавказскій пролетаріатъ iп согрге съ честью встуѣ... въ ряды самыхъ рѣшительныхъ борцовъ за политическую ...боду и соціализмъ. Къ сожалѣнію, только, какъ и вездѣ, у ...чувствуется недостатокъ въ опытныхъ пропагандистахъ.

...ѣтъ съ пробужденіемъ пролетаріата къ новой жизни за... нѣкоторый ростъ самосознанія и среди туземной ин... генціи. Такъ, осетинская интеллигенція въ лицѣ учащейся ...ежи и учителей на нѣсколькихъ собраніяхъ обсуждала во... о современномъ положеніи дѣлъ въ краѣ и пришла къ ...ключенію, что никакая производительная культурная ...а въ рамкахъ существующаго полицейско-бюрократическаго ...вевозможна, а потому ближайшей задачей является сверг... самодержавія.

Итакъ, и наша глухая сторона начинаетъ пробуждаться, и ...ь начинаетъ формироваться къ борьбѣ носитель свѣтлаго ...удущаго — революціонный пролетаріатъ. Въ добрый часъ!

Осетинъ.

...инскъ. За послѣднее время нашей организаціей было уст...ено два собранія. Первое состояло изъ рабочихъ евреевъ, ...ислѣ 50 чел. Говорилось о войнѣ и о революціи; о необ...димости демонстраціи противъ войны; объ Амстердамскомъ ...нгрессѣ. Второе собраніе изъ 80 организованныхъ рабочихъ ...реевъ и христіанъ прошло очень оживленно. Говорили два ...ратора. Одинъ по русски, другой по еврейски. Былъ прочи... рефератъ на тему: „Классовая борьба и организаціонный ...инципъ". Собраніе продолжалось четыре часа. Говорили ...же по поводу убійства Плеве; о дисциплинѣ и конспираціи, ...б Амстердамскомъ конгрессѣ. Собраніе закончилось друж... криками: „Долой самодержавіе! долой капитализмъ!". Съ ...ѣзжими собраніе стало расходиться. Впечатлѣніе оста... очень хорошее; жалѣли только, что были не всѣ организ... ванные рабочіе: болѣе 70 чел. отсутствовало въ силу нѣкото... техническихъ и конспиративныхъ условій. Третье со... ніе, на которое явилось около 120 чел. рабочихъ евреевъ, долж... было быть распущено, такъ какъ полиція успѣла пронюх... о немъ и могла явиться съ минуты на минуту. Что ка... ается общей дѣятельности группы, то мы можемъ съ радостью ...общить, что послѣднее время она въ высшей степени интенсивно работаетъ, и сходки и кружки въ полномъ ходу. Недавно у насъ были одна за другой распространены прокламаціи о Плеве и „Къ солдатамъ". Объ перепечатаны съ прокламаціи „Искры" въ типографіяхъ „Сѣверо-Западнаго Комитета".

Полиція мечется, какъ угорѣлая. Мѣстный жандармскій сатрапъ Васильевъ (извѣстный зубатовецъ) клялся уничтожить „видюковъ, мутящихъ добрыхъ христіанъ". Недавно былъ здѣсь произведенъ обыскъ у одного военнаго врача по приказу изъ Петербурга. Жандармерія ушла не солоно хлебавши и очень удивлялась распоряженію.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ТРИ ДНЯ.

Mascherina, ti conosco
Узнаю тебя, маска!

„Революціоннымъ соціалистамъ блестяще удались произведенные ими большіе маневры", сказалъ по поводу только что закончившейся въ Италіи всеобщей стачки одинъ римскій сенаторъ, бывшій армейскій генералъ. Армейская голова удачно выразила представленіе буржуазіи о „мобилизаціи" пролетарскихъ массъ. Тутъ и единственно доступное буржуазному мозгу объясненіе стройной согласованности „черни" и оптимистическое самоутѣшеніе (только „маневры!".

Чѣмъ же была на дѣлѣ эта „мобилизація"?

Разразившаяся всеобщая стачка только слила въ одинъ общій потокъ отдѣльныя струи пролетарской борьбы промышленныхъ и сельскихъ рабочихъ Италіи. Хроника итальянскаго рабочаго движенія — это хроника постоянныхъ стачекъ. Такъ напр., канунъ объявленія всеобщей стачки былъ сотымъ днемъ стойкой стачки рабочихъ мраморныхъ ломокъ въ Версиліи... Однако же, отдѣльныхъ взрывовъ недовольства недостаточно было для того, чтобы вызвать общій подъемъ настроенія и сознанія классовой солидарности. Объ этомъ позаботились капиталисты и угодливая имъ, покрываемая правительствомъ, армія.

5, 8 и 14 сентября, какъ вспышки запала, воспламенили всю массу. 5 сентября произошло столкновеніе между горнопромышленными рабочими и солдатами въ Буджеру, въ Сардиніи. Бестактное поведеніе отряда вызвало отпоръ, — бросанье камней со стороны рабочихъ. Въ результатѣ залповъ, произведенныхъ войсками, трое рабочихъ убито, много — ранено. Самоуправство военныхъ властей тотчасъ отзывается цѣлымъ рядомъ демонстративныхъ протестовъ во всей Италіи. Черезъ три дня, 8 сентября, разыгрывается сцена безпристрастной расправы съ бастующими стачку сельскохозяйственными рабочими въ Мальяно (Сабина. Власти приглашаютъ комитетъ союза рабочихъ въ ратушу и арестовываютъ его; въ помѣщеніе союза посылаютъ полицейскихъ подъ прикрытіемъ эскадрона драгунъ, арестуютъ документы, объявляютъ союзъ закрытымъ. 11 сентября въ Кастельнуцци (CastelNuzzi, у. Трапани въ Сициліи — новая сцена избіенія. Въ помѣщеніе лиги сельскихъ рабочихъ, во время сбора арендныхъ взносовъ, врываются карабинеры подъ начальствомъ бригадира и, получивъ отъ секретаря лиги отказъ на незаконное требованіе выдать списокъ членовъ лиги, арестуютъ секретаря. Происходитъ препирательство съ бригадиромъ. Тотъ, не долго задумываясь, командуетъ огонь; въ итогѣ двое убитыхъ, много раненыхъ.

И вотъ развязность буржуазіи, распущенность нижнихъ властей, попустительство министерства Джіолитти сдѣлали свое дѣло: рядомъ ударовъ они привели въ движеніе милліонную массу рабочихъ. Черезъ 36 часовъ извѣстіе о Кастельнуччскомъ погромѣ дошло до Рима. Еще черезъ нѣсколько часовъ совѣтъ делегатовъ миланской Биржи Труда принципіально рѣшилъ всеобщую стачку и представилъ свое рѣшеніе исполнительному комитету правленія соціалистической партіи въ Римѣ. Въ ту же ночь всеобщая стачка была объявлена правленіемъ партіи. 16-го вечеромъ состоялось массовое собраніе рабочихъ въ миланской Биржѣ Труда. Собраніе провозгласило всеобщую стачку per acclamation. Въ этотъ же день въ Генуѣ, въ результатѣ митинговъ протеста и демонстрацій, произошелъ рядъ столкновеній рабочихъ съ полиціей. Одно изъ такихъ столкновеній, при попыткѣ полиціи разсупить собраніе протеста, кончилось кровавой бойней: 200 выстрѣловъ со стороны войскъ уложили 15 рабочихъ. Въ полдень собраніе членовъ лигъ и кооперативовъ въ Биржѣ Труда постановило всеобщую стачку. На слѣдующее утро стачка охватила всѣ порты побережья Средиземнаго моря. 17-го утромъ остановились всѣ отрасли производства въ Туринѣ, Неаполѣ, Венеціи, Брешіи. Одновременно стачка началась и въ Римѣ.

Три великіе дня для итальянскаго пролетаріата: 16-17-18 сентября!

Пролетаріатъ девятисотъ слишкомъ мѣстностей выступилъ одновременно, какъ возставшій угнетенный классъ, съ сознательнымъ требованіемъ, обращеннымъ къ правительству: прочь хищныя руки, залитыя пролетарскою кровью! Стачка охватила несомнѣнно свыше милліона рабочихъ. Главный базисъ ея: Миланъ, Генуя, Туринъ. Въ Миланѣ Биржа Труда буквально такъ и беретъ въ свои руки власть надъ городомъ. Съ прекращеніемъ всякаго вида наемнаго труда, прекращается и выходъ газетъ, издается только Биржей Труда „Бюллетень всеобщей стачки". Для руководства стачкой въ Миланѣ организовывается „Секретаріатъ сопротивленія". Биржа труда организуетъ разсылку распоряженій по городу при помощи 300 курьеровъ велосипедистовъ, устанавливаетъ общественную охрану. Городская полиція не смѣетъ показываться на улицу. Вызванные въ Миланъ войска (альпійцы) послѣ форсированныхъ переходовъ приходятъ въ Миланъ ночью и въ потьмахъ ночуютъ въ дворцовомъ дворѣ.

Въ Генуѣ, послѣ бойни въ предмѣстьи Сампьердарена, бурные дни уличныхъ столкновеній; дѣло доходитъ до частныхъ попытокъ постройки баррикадъ.

Ни воды, ни хлѣба, ни электрическаго освѣщенія. Здѣсь сухари изъ морскихъ запасовъ. Къ западу отъ Генуи была даже повреждена желѣзная дорога. Толпа сжигаетъ предназначенные для солдатъ тюфяки.

Громадныя манифестаціи и собранія въ Римѣ. При всемъ томъ общее теченіе стачки болѣе, чѣмъ мирно, какъ здѣсь, такъ и въ другихъ городахъ. Всюду поражаетъ выдержанность, сознательность рабочихъ массъ, всецѣло проникнувшихъ къ партійно-организованнымъ рабочимъ.

Что же думаетъ и дѣлаетъ въ эти дни буржуазія? Ужасъ, буквально, овладѣваетъ ею; растерянность ея граничитъ съ коническимъ перепугомъ. „Невѣроятное варварство, — восклицаетъ Sentinella Bresciana объ одномъ инцидентѣ Миланской стачки, — нездоровую даму, старуху, заставили выйти изъ общественнаго экипажа и она принуждена была сѣсть на скамью на улицѣ".

Праздная толпа генуэзской знати рукоплещетъ пошеченѣ, данной въ толпѣ одному адвокату соціалисту, и газеты сочувственно отмѣчаютъ „демонстрацію".

„Кто не видѣлъ, пишетъ одинъ миланецъ, входа кортежа рабочихъ въ городъ, тому не понять очевидца! Въ этотъ моментъ онъ (народъ) былъ господиномъ... Командировъ не было... Колонна раздѣлялась на-трое. Повидимому имѣлись три цѣли. Какія? Дворецъ? Префектура? Городская дума? Кто знаетъ?".

Перепуганное воображеніе напоминало буржуазіи страшныя вещи: королевская резиденція, вѣдь, была посредникъ вложѣнаго треугольника: Милана, Турина, Генуи. Чудился общирный стратегическій планъ съ разрушеніемъ и прегражденіемъ желѣзныхъ дорогъ, именно съ тѣхъ сторонъ, откуда передвигались войска.

Не менѣе была терроризирована и политическая мысль буржуазіи, чему образцомъ можетъ служить вдохновенный бредъ перепуганнаго публициста Vasallo: „Вы, жирондисты, реформисты, съ этихъ поръ носящіе кличку *маленькихъ*, вы будете уничтожены якобинцами лабріолистами, которые встрѣтятъ свою историческую Немезиду въ томъ мрачномъ пятомъ сословіи, котораго мы не знаемъ, которое мы отожествляемъ съ варварствомъ, — въ томъ пятомъ сословіи, состоящемъ изъ какихъ-то чудовищъ и выродковъ, наполовину людей, наполовину звѣрей, сословіи, изъ котораго въ опредѣленный моментъ выходятъ сентябрьскіе герои ножа, опьяненные кровью, ужасные призраки tricoteuses гильотины".

Достаточно лишь сопоставить эти красоты обвиненной классовой психологіи, эти перлы злобы и страха — съ тѣми пѣснями любви, мира и внѣклассовой солидарности, которыя пѣлись тѣми же органами печати за нѣсколько дней до этого, — чтобы понять, какія тайны исторіи открыли знаменательные „три дня" итальянской стачки.

Вотъ о чемъ пѣла въ предыдущіе дни буржуазная пресса.

16-го вечеромъ, когда совѣтъ делегатовъ миланской Биржи Труда рѣшилъ въ принципѣ всеобщую стачку и эта вѣсть разнеслась по всей Италіи, генуэзская газета „Secolo" помѣстила статью: „Духъ терпимости въ Италіи". Статья начинается дипломатично съ ухаживанія царствующихъ въ Римѣ бокъ-о-бокъ папы и короля, но вслѣдъ затѣмъ быстро переходитъ къ главной темѣ: терпимости итальянскаго народа, чуждаго политикѣ. Происхожденіе этой терпимости нужно искать въ индивидуализмѣ итальянца, отмѣченномъ еще въ XIV вѣкѣ и въ эпоху Возрожденія. Терпимость эта проистекаетъ изъ эгоизма, изъ эпикурейской мудрости, изъ скептицизма народа. Ему нѣтъ дѣла до увлеченій другихъ; онъ не подастъ на пропаганду. „Итальянецъ сомнѣвается во всѣхъ и во всемъ, и этотъ скептицизмъ застраховываетъ его отъ губительнаго энтузіазма какъ въ теоріяхъ, такъ и въ отношеніи къ людямъ".

Какой иронией звучатъ эти строки три дня спустя, когда газетный гашишъ подобныхъ статей оказался безсильнымъ отуманить головы итальянскихъ рабочихъ.

Но вотъ уже началась стачка, и въ томъ же „Secolo" описывается сходка рабочихъ на Campo Koario въ Римѣ: „Большая толпа демонстрантовъ устремляется слѣдомъ за Ферри по улицѣ Boca della Verita, издавая крики протеста. Депутатъ Ферри и другіе главари соціалистической партіи призываютъ къ спокойствію и серьезности".

Газета, повидимому, успокаиваетъ себя и свою аудиторію извѣстіемъ: мирно настроенные „вожди" — на мѣстахъ. Ея отношеніе къ рабочимъ и даже къ ихъ стачкѣ — сладе меда.

16 сентября въ генуэзскихъ газетахъ появляется извѣстіе изъ Трапани о сицилійской бойнѣ. Корреспонденція начинается словами: „ужасная новость повергла въ оцѣпенѣніе весь городъ; только и говорятъ, что объ этомъ... Повидимому, однако, войска принуждены были пустить въ дѣло оружіе, потому что они очутились среди подавляющей числомъ, угрожающей толпы".

„Правительство рѣшило, пишутъ тамъ же по поводу столкновеній въ Кастельуччи между войсками и крестьянской лигой, настаивать на самомъ безпристрастномъ разслѣдованіи дѣла и на суровомъ примѣненіи закона къ тѣмъ агентамъ публичной охраны, которые злоупотребили своею властью".

Римская газета „Tribuna", комментируя фактъ, разсыпается въ похвалахъ правительству, „принявшему рѣшительныя мѣры". она требуетъ преслѣдованія карабинеровъ, независимо отъ того, повинны ли они въ неблагоразуміи или въ излишнемъ усердіи.

Такъ буржуазная пресса стояла на стражѣ интересовъ рабочихъ, парализуя передъ этими рабочими. Иныя слова успокоенія и „соціальнаго мира" были припасены у нея для буржуазной публики. Политическая инертность народныхъ массъ, „благоразуміе Ферри", отвѣтственность передъ общественнымъ буржуазнымъ, конечно „высоко-цѣнимаго Филиппа Турати, краснорѣчіе котораго доводило рабочихъ до неистоваго энтузіазма", — таковы были воображаемыя гарантіи непоколебимой прочности существующаго государственно-буржуазнаго порядка Италіи — въ глазахъ буржуазныхъ политиковъ за нѣсколько дней до стачечной бури. И вотъ „высокоцѣнимый Турати" черезъ нѣсколько дней отвѣченъ этой печатью почти что съ насмѣшкой, а „главари соціалистической партіи" осыпаются проклятіями. Что же случилось? Случилось то, что итальянскій пролетаріатъ, поднятый призывомъ классоваго сознанія на высоту пониманія своего политическаго достоинства, своихъ политическихъ цѣлей, вырвался изъ подъ опеки своихъ „дурныхъ пастырей" — реформистовъ.

На грандіозномъ собраніи въ Миланѣ рабочіе были освистанъ глава итальянскаго реформизма — Турати. А вслѣдъ за этимъ судомъ революціонно-настроенныхъ массъ, отъ реформистовъ отмежевываются и центральныя силы движенія. Вотъ доказательства этого: 18-го вечеромъ на Биржѣ Труда въ Миланѣ была получена телеграмма изъ Рима за подписью Murialdi и Bossi, заявляющая, что „центральный комитетъ сопротивленія" рѣшилъ прекратить стачку въ этотъ же день. Послѣдствіемъ было то, что миланскіе желѣзнодорожные рабочіе, присоединившіеся къ стачкѣ и подчинившіеся миланской Биржѣ Труда, теперь не примкнули къ общему движенію. Буржуазныя газеты возлали должное этому благоразумію небольшой части миланскихъ рабочихъ. И вотъ какъ отзывается объ этомъ инцидентѣ „Бюллетень всеобщей стачки":

„Несомнѣнно, дѣло идетъ объ измѣнѣ, и поскольку есть въ насъ еще остатокъ уваженія къ соціалистамъ-реформистамъ, первой приходитъ на умъ мысль, что это ловкій обманъ полиціи".

Рвалась послѣдняя связь между сторонниками мирнаго развитія и революціонными пролетаріатомъ, и, слѣдовательно, рвалась и послѣдняя нить, связывавшая этотъ пролетаріатъ съ буржуазіей.

Буржуа съ ужасомъ ищутъ „надежныхъ" вождей по главѣ народныхъ массъ и не видятъ. Сладкія рѣчи о благѣ всего народа, о успѣхахъ мирь безполезны: если освистанъ Турати, на какой-же сцены? И на разсчитывать буржуазные артисты политической сцены? Единственный потокъ непрерывный" итальянскій народъ выливается цѣлой ...чной яичъмъ откровенности правящихъ классовъ.

Вотъ, кто-то, мо...

И, дѣйствительно, всѣ должны исправѣ сказать итальянскій рабочій. въ эти памятные дни убѣдился каждаго массового рабочаго, могли обычной идеологической маска, что такое буржуазія безъ своей

Трехдневная стачка также ст...

...инска: рабочіе повсюду принялись ... закончилась, какъ и возбиржъ труда, и „секретаріатовъ сопро... по постановленію гдѣ, какъ въ Неаполѣ желѣзнодорожными ...ія". Только такъ, повлена близкая конкретная цѣль, стачка про...ки, была поста... сколько дней; въ Неаполѣ стачка окончилась ... еще нѣчіе добились отставки начальника мѣстныхъ желѣз... — рабо...инженера Раньи. И жизнь вошла въ обычное русло, ...горого, лось въ прежнее состояніе. Такъ ли это, все ли вернулось ...прежнему въ жизни Италіи?

Буржуа подсчитываютъ убытки, включая разбитыя окошки стекла, и вздыхаютъ о невозвратимыхъ потеряхъ. Они занимаются и учетомъ результатовъ для рабочихъ этой стачки, которая, ясно для всѣхъ, была политической стачкой.

Мораль ихъ ясна: вы ничего не добились. Римская газета „Popolo Romano", первая изъ римскихъ буржуазныхъ газетъ, вышедшая 19-го вечеромъ, въ статьѣ „Конецъ стачки" привѣтствуетъ рабочихъ впредь держаться вдали отъ политической борьбы, которая останется-де для нихъ вообще безрезультатной.

Убѣдительна ли для итальянскаго рабочаго класса эта мораль? Политическая сторона историческихъ „трехъ дней" говоритъ намъ иное.

На верхушкѣ итальянской государственной пирамиды красуется не фигура dell Re, короля Виктора Эмануила, который слишкомъ въ эти дни новорожденнаго любезнаго сына, а фигура премьера Джіолитти.

Джіолитти сдѣлалъ все, что можетъ сдѣлать услужливый приказчикъ реакціонной буржуазіи: его политика была политикой уклоненія отъ какихъ-бы то ни было соціальныхъ реформъ, которыя только обсуждались за время его пребыванія у власти. Такъ было съ вопросомъ объ отдѣленіи государства отъ церкви, такъ и съ вопросомъ о распространеніи скромнаго права административныхъ выборовъ на цѣлыя категоріи лицъ. Онъ былъ лакеемъ крупныхъ аграріевъ, простно защищалъ покровительственную систему, поддерживалъ пошлины на сахаръ, хлѣбныя пошлины. Его маской была звонкая фраза, щедрыя обѣщанія. На телеграмму, переданную туринскими соціалистами черезъ городского синдика (городского голову), Джіолитти отвѣтилъ увѣреніями, что онъ является и является защитникомъ абсолютной свободы стачекъ,—сторонникомъ невмѣшательства правительства въ мирные конфликты капитала и труда, что правительство не отвѣтственно за преступно совершенныя дѣйствія нашихъ властей, что виновные въ Кастеллуччской бойнѣ арестованы и будутъ подвергнуты строжайшей отвѣтственности передъ закономъ.

Достаточно сказать, что два дня спустя, въ дни наибольшаго обострения классового конфликта, виновники кроваваго побоища не были еще арестованы. Въ то же время „защитникъ свободы", которому „Tribuna" восплъа дифирамбъ за умѣнье обойтись безъ осаднаго положенія во время стачки, запрещалъ газеты, начиная съ запрета „Avanti" на сѣверныхъ желѣзныхъ дорогахъ, прерывалъ телеграфныя и телефонныя сообщенія, подвергалъ незаконной перлюстраціи частныя телеграммы.

Окончаніе стачки позволило ему совершенно сбросить маску: начались аресты въ районахъ недавней стачки, пошли запреты собраній въ честь политическихъ жертвъ. Онъ поспѣшилъ обнаружить всяческое усердіе, чтобы возстановить свой престижъ въ глазахъ большинства палаты. Но по нападкамъ озлобленныхъ буржуазныхъ политиковъ, обвиняющихъ премьера въ бездѣйствіи власти, видно, что Джіолитти на этотъ разъ не съумѣлъ угодить. Даже органъ конституціонной оппозиціи признаетъ за соціалистами право торжествовать побѣду надъ министромъ.

Таковы результаты перемѣщенія политическихъ силъ Италіи —въ итогѣ всеобщей стачки.

Вся парламентская лѣвая, т. е. и республиканцы, и радикалы, пойдутъ, по мнѣнію Ферри, за соціалистами въ требованіи немедленныхъ коренныхъ реформъ, въ требованіи радикальнаго министерства; пойдутъ — какъ это рѣшено на собраніи всей лѣвой 21-го сентября по обсужденіи недавнихъ событій, —даже до обструкціи въ случаѣ майоризированія ихъ правой, до массовой отставки депутатовъ, — въ случаѣ побѣды Джіолитти.

Въ повышенной атмосферѣ кипящей ключемъ политической жизни Италіи стоятъ другъ къ другу лицомъ два вѣчно враждебные класса.

Пролетаріатъ возвращается въ будничной жизни со вновь выкованнымъ орудіемъ сознательной классовой, организованной силы, которая легко можетъ быть пущена въ дѣло. Но можно быть увѣреннымъ, что онъ лучше, чѣмъ когда либо реализуетъ враговъ и грядущія опасности.

И лицомъ къ лицу съ нимъ, буржуазія, недавно терроризированная темнотой городовъ и отсутствіемъ хлѣба, обнаруживаетъ какое-то политическое слабоуміе въ первый же день возстановленія мирной жизни. „И быть свѣтъ!" почтительно восклицаетъ генуэзская „Secolo", по поводу возстановленія электрическаго освѣщенія въ городѣ.

И въ то время, какъ римская „Tribuna" еще съ откровенностью отчаянія говоритъ: „мы должны совершить великую соціальную реформу... увеличивъ число полиціи", — генуэзская „Secolo" помѣщаетъ статью — по поводу праздника независимости Италіи „XXII сентября", — подъ заглавіемъ: „Горѣ имѣемъ сердца!" Вотъ что въ ней говорится:

„Не будемъ смущать радости примиренія душъ нашихъ: одна мысль должна объединить души добрыхъ и честныхъ, мысль о любви къ отечеству". „Горѣ имѣемъ сердца, генуэзцы!... Звѣзда Италіи не меркнетъ, и добродѣтель души добрыхъ гражданъ сдѣлаетъ ея сіяніе еще прекраснѣе!"

Ружейные залпы, однако, краснорѣчивѣе сладкихъ фразъ, и на жалкій примирительный лепетъ газетъ, какъ и на новыя попытки правительства въ рамкахъ существующей куцой конституціи затушевать острую борьбу классовъ подъ прикрытіемъ фразъ о неклассовой политикѣ, итальянскіе рабочіе, конечно, съ насмѣшкой отвѣтятъ: *узнаю тебя маска!*

Итальянская всеобщая стачка случилась по истинѣ во-время для разрѣшенія вопроса о всеобщей стачкѣ, такъ сильно занимавшей въ послѣднее время литературу всѣхъ партій, интересующихся борьбой капитала и труда. Она даетъ новый матеріалъ для разрѣшенія вопроса о томъ, чѣмъ можетъ быть такая всеобщая стачка. Соціалъ-демократы, въ противоположность анархистамъ, видятъ въ ней мощное орудіе для агитаціи. Такимъ-то именно орудіемъ и явились „три дня".

БРЕМЕНСКІЙ СЪѢЗДЪ ГЕРМАНСКОЙ СОЦІАЛЬДЕМОКРАТІИ.

На характерѣ двухъ послѣднихъ партейтаговъ — Дрезденскаго и Бременскаго, только что закончившаго свои засѣданія, — сказалось вліяніе колоссальной побѣды, одержанной германской соціалъ-демократіей на выборахъ 1903 г.—побѣды, вызвавшей новый подъемъ революціонной волны. Этотъ подъемъ, это усиленное благодаря трехъ-милліонному потому довѣріе пролетаріата, чувство отвѣтственности передъ нимъ за правильное веденіе классовыхъ интересовъ заставило соціалъ-демократію въ Дрезденѣ дать рѣшительное сраженіе тѣмъ тенденціямъ, которыя грозили сорвать партію съ пути непримиримой борьбы съ буржуазнымъ строемъ и превратить ее въ партію „добрыхъ" реформъ, т. е. постепеннаго примиренія двухъ, по обѣимъ враждующихъ между собою элементовъ современнаго, старые, испытанные вожди провели блестящую кампанію и тактики, ея герой же и испытанной революціонно-пролетарской закаленность противники потерпѣли ужасное фіаско: партія выздоровѣла. Отнынѣ въ ревизіонизмомъ, какъ съ съ системой опортунистическими тенденцій предстояла задача бороться съ отдѣльныхъ вопросовъ и, заціями при разрѣшеніи отдѣльныхъ злободневныхъ вопросовъ по отношенію къ существующимъ программы, выполнилъ Бременскій другое, въ предѣлахъ своихъ конгрессъ.

Прежде всего его отличаетъ отъ партейтаговъ по политической жизни. Отмѣтимъ резолюцію вопросамъ Гервигбергскаго процесса, клеймящую царизмъ и цію по поводу передъ нимъ прусскую администрацію и вѣ работѣ обязанность каждому члену партіи помогать русвершавшимъ въ распространеніи соціалъ-демократической литературы. Въ качествѣ дополненія къ этой резолюціи, предложеніе Бебеля — Берштейна, требующее отъ соціалъ-демократической фракціи въ рейхстагѣ внесенія законопроекта, который обезпечилъ бы извѣстныя гарантіи правъ личности иностранцамъ, прибывающимъ въ Германію. Поводомъ къ такому рѣшенію послужила возмутительная практика по отношенію къ эмигрантамъ изъ Россіи, которыхъ прусскія власти заставляютъ ихъ непремѣнно въ Америку и непремѣнно на пароходахъ извѣстныхъ обществъ, въ противномъ же случаѣ отправляютъ назадъ въ Россію. За послѣднее время такимъ образомъ были преданы въ руки самодержавнаго правительства очень многіе изъ дезертировъ, покинувшихъ Россію изъ за нежеланія идти на войну.

Не менѣе рѣзко съѣздъ заявилъ по вопросамъ школьной политики. Реакціонныя партіи намѣрены возвратить Германію къ отжившимъ временамъ конфессіональной школы, находящейся въ завѣдываніи духовенства; либералы отстаиваютъ установившуюся систему совмѣстнаго обученія дѣтей раздичныхъ исповѣданій подъ наблюденіемъ свѣтской учебной власти. Соціалъ-демократія же въ корнѣ отрицаетъ постановку школьнаго дѣла въ современномъ государствѣ, дѣлающую школу орудіемъ въ рукахъ буржуазіи для воспитанія массъ въ направленіи, благопріятномъ для ея классовыхъ интересовъ; она требуетъ полнаго устраненія преподаванія религіи и пересмотра всего школьнаго законодательства въ духѣ Коменскаго, Песталоцци, Гете и Маркса. Наконецъ, принята резолюція протеста противъ истязанія солдатъ, сцѣнки которыхъ въ германской арміи отнюдь не становятся рѣже съ теченіемъ времени.

Изъ инцидентовъ, носившихъ характеръ борьбы съ опортунистическими тенденціями, первое мѣсто занимаетъ инцидентъ съ Шиппелемъ. Наши читатели, вѣроятно, еще помнятъ, какой шумъ надѣлало въ свое время выступленіе этого „вождя" противъ одного изъ основныхъ требованій программы-минимумъ, защиты постоянной арміи народной милиціей. Суровое осужденіе, которому онъ тогда подвергся, ничему не научило Шиппеля, и онъ вновь „пошелъ въ разрѣзъ со всей партіей въ ея современной тяжелой борьбѣ противъ притязаній аграріевъ, желающихъ поправить свои опошлившіе кошельки за счетъ потребленія народныхъ массъ. Въ самый разгаръ этой борьбы, онъ выпустилъ книгу, въ которой доказывалъ необходимость для сельскаго хозяйства покровительственныхъ пошлинъ и не подумалъ выступить противъ аграріевъ, которые съ весьма понятной радостью въ печати, на собраніяхъ и въ рейхстагѣ указывали соціалъ-демократамъ: „смотрите, что говоритъ вашъ же ученый". Мало того, этой зимой онъ выступаетъ ораторомъ на собраніи избирателей III Берлинскаго округа и произноситъ рѣчь... въ пользу аграрныхъ требованій. Тогда парламентская группа сочла себя вынужденной потребовать отъ Шиппеля объясненій. Послѣдній попытался отдѣлаться ссылкой на возваніе фракціи противъ покровительственнаго тарифа, которое имъ было подписано вмѣстѣ со всѣми депутатами: изъ этого де явствуетъ, что онъ врагъ аграрныхъ пошлинъ; рѣчи же и писанія его неправильно толкуются, ибо въ нихъ онъ только излагалъ точку зрѣнія противниковъ. Фракція этимъ не удовлетворилась и потребовала отъ Шиппеля мотивированнаго изложенія его точки зрѣнія. Въ отвѣтъ появился рядъ статей въ органѣ Шиппеля „Chemnitzer Volksstimme", въ которой онъ снова приводилъ всѣ аргументы въ пользу аграріевъ и лишь въ концѣ, безъ всякаго логическаго перехода, заявлялъ, что съ ними надо бороться. Вопросъ былъ перенесенъ на партійный съѣздъ. Каутскій, Бебель, Ледебуръ и др. рѣшительно осудили какъ теоретическую позицію Шиппеля, такъ и, въ особенности, его двусмысленное поведеніе, какъ политическаго дѣятеля. Берштейнъ и нѣкоторые другіе опортунисты, признавая фактъ этой двусмысленности и опредѣленно высказываясь противъ всѣхъ доводовъ въ пользу покровительственной таможенной политики, пытались, тѣмъ не менѣе, спасти Шиппеля обычными аргументами: надо уважать свободу мнѣній, нельзя заниматься осужденіемъ еретиковъ, и пр. Самъ Шиппель произнесъ двѣ литературныя рѣчи, въ которыхъ упорно обходилъ сущность вопроса и объяснялъ возникшія между нимъ и партіей разногласія тѣмъ, что партія, въ своемъ большинствѣ, не читала его произведеній и, вообще, не знакома съ вопросомъ, о которомъ идетъ рѣчь[1]). Изъ нѣсколькихъ предложенныхъ резолюцій конгрессъ остановился на резолюціи Бебеля, признающей взгляды и поведеніе Шиппеля недопустимыми съ соціалъ-демократической точки зрѣнія и выражающей ему порицаніе за тонъ его оправдательныхъ статей и рѣчей. Принята была эта резолюція 234 голосами противъ 44; изъ послѣднихъ 4 голосовали противъ нея потому, что находили ее недостаточно рѣшительной. Затѣмъ съѣздъ 156 гол. противъ 120 высказался еще въ пользу поправки Freyhaler'a, предупреждающей Шиппеля, что въ случаѣ, если онъ будетъ продолжать дѣйствовать въ томъ же направленіи, ему придется сложить свои депутатскія полномочія.

Другое столкновеніе съ опортунистами произошло по вопросу о праздноваліи перваго мая. Нѣкоторые опортунистически настроенные вожди профессіональныхъ союзовъ, воспользовавшись оговоркой Амстердамской резолюціи о 1 мая, гласящей, что слѣдуетъ устраивать въ этотъ день забастовку вездѣ, гдѣ это не повредитъ классовымъ интересамъ пролетаріата, пытались провести рѣшеніе, признающее наиболѣе удобнымъ способомъ праздноваліи для Германіи не пріостановку работы, а устройство вечерныхъ собраній. При этомъ вредъ, наносимый классовымъ интересамъ, они находили въ томъ, что рабочимъ союзамъ приходится возмѣщать своимъ членамъ терземую за праздничный день заработную плату, а иногда еще поддерживать ихъ во время lock out'овъ, которыми многіе германскіе предприниматели отвѣчаютъ на рабочій праздникъ. Съѣздъ подавляющимъ большинствомъ отвергъ подобную точку зрѣнія и принялъ резолюцію, вмѣняющую въ обязанность всѣмъ партійнымъ и профессіональнымъ организаціямъ побуждать рабочихъ къ первомайской забастовкѣ.

Кромѣ опортунизма, конгрессу пришлось еще вѣдаться съ очень слабыми правда, но все же намѣтившимися анархистскими склонностями нѣкоторыхъ членовъ партіи. Берлинскій соціалъ-демократъ, г. Фридебергъ выступилъ въ послѣднее время съ повѣдью всеобщей стачки именно въ ея анархистскомъ пониманіи. Ему удалось увлечь въ пользу этой идеи нѣсколько сторонниковъ въ Берлинѣ и ближайшемъ Шпандау. Въ виду этого, а также и въ виду интереса, вызваннаго событіями въ Италіи, внесено было предложеніе включить въ порядокъ дня будущаго съѣзда вопросъ о всеобщей стачкѣ. Это предложеніе, противъ котораго нѣкоторые возражали въ томъ смыслѣ, что такого вопроса для соціалъ-демократіи вовсе и быть не можетъ, было поддержано очень многими ораторами, главнымъ образомъ, К. Либкнехтомъ; но всѣ эти ораторы категорически заявляли о своемъ несогласіи съ Фридбергомъ и предлагали разематривать всеобщую стачку, какъ средство отстаиванія пролетаріатомъ нѣкоторыхъ своихъ политическихъ требованій, какъ „politischer Massenstreik," а не какъ „Generalstreik". Такимъ образомъ, германская соціалъ-демократія въ лицѣ своихъ вождей высказалась въ полную тотъ отношеніи къ вопросу о всеобщей стачкѣ, котораго придерживаются почти всѣ представители революціоннаго крыла международной соціалъ-демократіи, и которое нашло свое выраженіе въ резолюціи Амстердамскаго конгресса. Впрочемъ, всестороннему обсужденію этотъ вопросъ будетъ подвергнутъ, вѣроятно, въ будущемъ году.

Остается упомянуть еще о двухъ, очень важныхъ, пунктахъ порядка дня, не вызвавшихъ, однако, серьезныхъ дебатовъ. Во-первыхъ, съѣздомъ принята программа коммунальной политики соціалъ-демократической партіи, предложенная докладчикомъ Линдеманномъ. Она представляетъ собою не болѣе, какъ приложеніе общихъ принциповъ къ вопросамъ мѣстнаго самоуправленія и должна сыграть роль директивы при составленіи мѣстныхъ коммунальныхъ программъ, которыя необходимо будутъ въ разныхъ мѣстахъ носить разный характеръ въ зависимости отъ неодинаковыхъ наличныхъ условій въ сельхъ и городахъ съ одной стороны, и въ отдѣльныхъ нѣмецкихъ государствахъ и провинціяхъ — съ другой. Основные элементы принятой программы таковы: примѣненіе принципа всеобщаго и равнаго избирательнаго права (повсемѣстно въ германскихъ коммунахъ господствуетъ самая реакціонная цензовая система), переходъ отъ концессіонной системы общеполезныхъ предпріятій (водопроводовъ, освѣщенія, трамваевъ и пр.) къ устройству и эксплуатаціи ихъ самими коммунами, возможно болѣе совершенная охрана труда въ предпріятіяхъ коммунъ и ихъ контрагентовъ на основахъ требованій соціалъ-демократической программы, реформа мѣстныхъ налоговъ въ духѣ прогрессивнаго переходнаго обложенія.

Второй, очень важный, пунктъ, — пересмотръ организаціоннаго устава партіи. Уставъ 1890 года не содержитъ никакихъ постановленій, опредѣляющихъ формы мѣстныхъ партійныхъ организацій и отношенія между ними и Ц. К. партіи. Благодаря этому, наблюдается чрезвычайная пестрота; въ то время, какъ въ однихъ мѣстахъ имѣется сложная организаціонная постройка въ нѣсколько этажей (южныя государства, Саксонія), въ другихъ — или вовсе нѣтъ никакихъ мѣстныхъ организацій, или онѣ между собою никакъ не связаны. Партійный центръ является только посредникомъ между мѣстными организаціями, не будучи въ состояніи руководить ими и проявлять инициативу именно вслѣдствіе недостатковъ устава. Такимъ образомъ, партія предстоитъ трудная задача, — создать централизованную, крѣпкую (какъ нѣмцы говорятъ, „straffme") организацію, не нарушая принциповъ демократіи, не ограничивая демократическаго права самоопредѣленія отдѣльныхъ товарищей и организацій. Такъ формулировалъ эту задачу „Vorwärts". Партейтагъ единодушно рѣшилъ, что вопросъ недостаточно разработанъ онъ выдвинутъ былъ всего нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ)» и поручилъ комиссіи, состоящей изъ представителей разныхъ частей Германіи, выработать проектъ устава и опубликовать его за три мѣсяца до слѣдующаго конгресса, который долженъ будетъ принять окончательное рѣшеніе послѣ того, какъ этотъ проектъ подвергнется тщательному обсужденію въ партійной печати. Закончимъ этотъ обзоръ пожеланіемъ нашимъ германскимъ товарищамъ благополучно справиться съ этимъ, — хотя и не настолько, какъ у насъ, — но все же, дѣйствительно, трудными дѣломъ.

[1]) Въ своихъ статьяхъ онъ также все время пренебрежительно отзывался о партіи.

ИЗЪ ПАРТІИ.

ВЪ ПОЛЬЗУ ПАРТІЙНАГО МИРА.

Резолюція Кавказскаго Союза. Тифлисскаго и Батумскаго Ксмитетовъ. Заслушавъ данное уполномоченнымъ Ц. К. разъясненіе іюльской резолюціи Ц. К и, подвергнувъ резолюціи эти совмѣстному съ нимъ обсужденію, собраніе постановило: считая выраженныя Ц. К. намѣренія и поставленныя имъ себѣ цѣли согласными съ истинными интересами Партіи; волагая нѣкоторыя надежды на положительные, въ прямомъ смыслѣ, результаты отъ предположенныхъ мѣропріятій вообще и конференціи съ товарищами изъ такъ называемаго „меньшинства" въ частности; считая мѣропріятія эти продолженіемъ работъ второго съѣзда, стремившагося къ единству Партіи; признавая, наконецъ, что мѣропріятіями этими укрѣпляется положеніе той части Партіи, которая стоитъ на почвѣ постановленій 2-го съѣзда, — собраніе выражаетъ полное довѣріе Ц. К. и поручаетъ ему, въ случаѣ неуспѣха его дѣйствій въ направленіи, указанномъ резолюціями, немедля приступить къ созыву экстреннаго III съѣзда.

Эта резолюція принята на соединенномъ засѣданіи Тифлисскаго Ком. и Кавказскаго Союзн. Ком.; послѣ къ ней присоединился Батумскій Комитетъ.

Резолюція Кременчугскаго Комитета. По поводу резолюціи Ц. К. (см. № 72 „Искры"). Кременчугскій Комитетъ принялъ слѣдующую резолюцію:

„Организаціонная смута самымъ вредньмъ образомъ отзывается на работѣ. какъ всей партіи. такъ и отдѣльныхъ комитетовъ. Помимо хроническаго голода въ литературѣ, листкахъ и, вообще,въ средствахъ агитаціи и пропаганды, помимо того, что комитеты не имѣли силъ отвѣтить, какъ слѣдовало бы на запросы дня, — они оказываются посторонними зрителями въ послѣднихъ событіяхъ; Партія не дала своихъ указаній по столь важному вопросу, какъ поведеніе комитетовъ относительно волнующихся по всей Россіи запасныхъ рядовыхъ: на страницахъ же Ц. О. по этому поводу не оказалось ни одной статьи, ни единаго указанія. Въ виду того, что въ организаціонной смутѣ „смѣющимся третьимъ", такимъ образомъ, является русское самодержавіе. —

Кременчугскій Комитетъ, привѣтствуя резолюцію Ц. К., высказываетъ: 1) за полное и немедленное объединеніе въ организаціонной жизни Ц. О. и Ц. К.; 2) противъ созыва III го съѣзда, который потребовалъ бы временнаго отвлеченія лучшихъ революціонныхъ силъ въ столь смутное для Партіи время".

Агитація противъ войны: Одес. К. издалъ листокъ ко всѣмъ рабочимъ (съ приложеніемъ манифестировать въ 8000 экз.); **Кіевскимъ Ком.** — листокъ о пораженіи подъ Ляо-Янгомъ; **Петерб. Ком.** перепечаталъ листокъ „Пора!"

Центр. Ком. издалъ листокъ „По поводу казни Плеве"; **Полтс скимъ Ком.** — „Надгробное слово Плеве" (8000 экзем.), „Къ ума шимся"; листокъ объ арестѣ типогр. и основаніи новой; **Сибир. Союзомъ** — денежный отчетъ Союза за полугодіе 1904 г.

Группой товарищей, по порученію нѣкоторыхъ южныхъ комитетовъ, задано за послѣднее время: 1) „Для чего долженъ умирать русскій солдатъ?" (20.000); 2) „Кому быть самодержцемъ всероссійскимъ" (25.000); 3) „Ко всѣмъ запаснымъ рядовымъ" (25.000); 4) „Князь, безработица, война" (20.000); 5) „Къ солдатамъ" (ред. „Искры" 20.000); 6) „Пора!" (20.000); 7) „Уроки войны" (20.000); 8) „По поводу манифеста" (25.000). Итого — 175.000 листковъ. Брошюры: „Классовая борьба въ Куропаткѣ" (2500); „Днѣ Европы" (5000); „Во что обходится народу война" (6000).

Краткій отчетъ о дѣятельности Астраханскаго Комитета съ 1-го ноября 1903 г. по 1 августа 1904 г. Съ 1 ноября по 1-е августа Астраханскимъ Комитетомъ были выпущены и распространены слѣдующіе листки: 1) „Къ обществу" (900 экз. мим.), 1) „Революціонныя извѣстія": № 1, „О стачкѣ типографщиковъ въ Москвѣ", (300 экз.), № 2 „Корреспонденція съ Кавказа" (300 экз.); Во время стачки бондарей были выпущены 2 листка — 1-й съ требованіями (600 экз.), 2 й (800 экз.); „Вопросы дня" изд. Сиб. Союза (150 экз.); „Проэктъ программы" изд. Сиб. Союза (150 экземп.); „Сказка о попѣ и чертѣ" (гект. 300 экз.); Отчетъ комитета съ 1-го ноября 1902 по 1903 годъ (50 экз.); „Извѣщеніе о второмъ съѣздѣ Партіи" (100 экз. гект.); „Война противъ войны" ред. „Искры" (900 экз.); „Для чего русскій солдатъ идетъ умирать?" Ред. „Искры" (1200 экз.); „Прокламація о войнѣ" Ц. К." (гект. 800 экз.); „Къ обществу" (о войнѣ 300 экз.); „Карточки съ возласами: Долой войну" и т. д. (2300 экз.); „Революціонныя извѣстія. Женевская резолюція противъ войны" (800 экз.); „По поводу арестовъ 10 марта" (1500 экз.); „Первомайскій листокъ Ц. К." (печ. 1700); „Ко всѣмъ бондарямъ" (500 экз.); „Пѣсня революціи" (300 экз.); „Пѣсня революціи съ нотами" (120 экз.); „Почему царское правительство затѣяло войну съ Японіей" изд. Ц. К. (300 экз.); „Революціонныя извѣстія № 5: Какъ подготовлялись наши пораженія" (890 экз.); О заключенныхъ (1100 экз.); „Ко всѣмъ запаснымъ рядовымъ" изд. Ц. К. (400 экз.). Брошюры: 1) „Рабочій день" изд. Ц. К. (400 экз.); „Правдивое слово министра финансовъ" (250 экз.); „Пролетарскій праздникъ" Мартова (50 экз.); „Самодержавіе на скамьѣ подсудимыхъ" (350 экз.) „Рѣчь Гольдмана" (80 экз.); „Кто чѣмъ живетъ" (30 экз.); „Софья Перовская" (250 экз.); „Революціонный годъ" (400 экз.); „Рабочая Партія и крестьянство" (250 экз.); „Германская соц.-дем." (150 экз.); „Извѣщеніе о второмъ съѣздѣ" (300 экз.); Паруссъ „Война и революція" (150 экз.); „Къ деревенской бѣднотѣ", Ленина (250 экз.); „Проэктъ программы „Искры" изд. Сиб. Союза (150 экз.); „Письмо къ товарищу" Ленина (150 экз.); и №№ „Искры".

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦІОННОЙ БОРЬБЫ

Москва. Преданы суду по ст. 126 нов. улож. (тайное сообщество) слѣдующія лица, арест. въ іюнѣ по дѣлу Рос. Соц. Дем. Раб. Партіи: 1) Иванъ Александровъ, рабочій (нелег.), 2) Николай Бауманъ (нелег.), 3) Иванъ Бѣлячниковъ, рабочій (нелег.), 4) Алексѣй Завариѣ (нелег.), 5) Софья Загайская, 6) Зин. Ивановичъ (жена предс. подавшаго), 7) Сиротинскій, 8) Елена Стасова (нелег.), 9) Ап. Тарасева, 10) Арт. Цицеръ (баварск. поддан.). Всѣ отказываются давать показанія и ждутъ на допросы.

Ростовъ на Дону. Кромѣ Петра Максимова („Купидонъ"), злостнымъ предателемъ оказался еще разъ Костылевъ („дядя"). Арест. Эстринъ, служившій на мельницѣ Глезера; были обыски въ ред. „Донской Рѣчи", въ магазинѣ Городецкаго, у м. Вейцмана, Н. Житомірскаго, Абрамовича, Брячкинихъ и др. Вейцманъ, у котораго нашли 1.000 прокламацій, бѣжалъ, штемпеля и пр.,успѣлъ скрыться. Арест. Горховская. **Юзовка.** Арестованы сапожникъ Цыганенко и слесарь Бережковъ. **Одесса.** Арестованы Вайсбергъ, Перель и др. **Астрахань.** Начиная съ марта, аресты здѣсь не прекращаются. 27 марта арест. слесарь Дробышевъ съ 450 прокламаціями. Въ началѣ апрѣля: слесаря Козловъ и Судаковъ и прикащикъ Агринатъ — при распространеніи прокламаціи во время отправки запасныхъ флота (послѣдняго задержали гласныя думы Жижинъ и управляющій стеклянаго завода Малышевъ), въ іюнѣ — Жининъ (выдавалъ) и слесарь Пѣшковъ. Въ іюлѣ студ. Бабаевъ (теперь высланъ въ Симбирскъ); 3 августа — учитель Жуковъ, Антоновичъ (съ прокламаціями и гектогр.), рабочій Мироновъ (выдалъ). 19 августа Федоръ Калантадзе, ссыльный. Въ тюрьмѣ еще сидятъ: дрижные повѣренные Сережниковъ и Вржосекъ, зубные техники Буховскій и Ершовъ. Бендерскій, рабочіе Костичъ, Тютинъ, Мильчикъ. **Красноярскъ.** Въ концѣ іюля были обыски. По прикаазу Томск. жанд. управленія обыскано (говорятъ, въ связи съ дѣломъ арестованнаго въ Томскѣ Доброхотова), служащій въ пароходствѣ Гадалова Ив. Юдинъ. Обыскъ былъ также у подпадзорнаго электротехника Вас. Сулимова. 8 августа былъ обыскъ у бывшаго ссыльнаго Мих. Кускова. Дѣло о типографіи будетъ слушаться въ Судеб. Палатѣ 18 сентября.

Гомель. 13 сентября здѣсь накрыли типографію. Взято шесть ящиковъ шрифта, станокъ и отпечатанный № 1 „Листка Полѣсскаго Комитета" въ количествѣ 2400 экз. При типографіи взято четыре человѣка, въ томъ числѣ и хозяинъ квартиры. 16 сентября Полѣсскій Комитетъ, успѣвъ наскоро сгорудовать типографію, выпустилъ листокъ, въ которомъ оповѣщаетъ объ арестѣ типографіи и обращается ко всѣмъ сочувствующимъ за всякаго рода поддержкой.

Освобождены изъ ссылки Мартыновъ, Чернолусскій, Аниенскій

Бѣжали: изъ Арх. губ. Марія Смирнова (Харьковъ. соц. дем. дѣло), изъ Енисейской губ.: Ив. Радченко (Петерб. дѣло „Искры"), Карасикъ (дѣло „Союза Борьбы"), Зисманъ (раб., Воткинск. безпорядки 1902 г.). Плюснинъ изъ СПБ.; изъ Олонецкой губ. — Пунга (латыш. с.-д.); изъ Иркутской губ. Богдановъ (дѣло Свв. Союза), изъ Якутской обл. Куликовскій, Горѣлинъ, Станиславъ Піонтковскій; изъ Вилюйска: Лукашикъ (поймавъ), Р. Бархина, К. Ивановъ; изъ Верхоянска: Арчилъ Гургенадзе, Винникъ и Левинъ были арестованы близъ Якутска, но скоро бѣжали вновь). Генадій Кокосовъ, арест. подъ Симбирскомъ по дѣлу Нижегородской типографіи, бѣжалъ по пути въ Нижній съ парохода въ Казань. Прибылъ заграницу. Юлія Поповя по Петербургск. и Харьковск. дѣламъ бѣжала во второй разъ благополучно изъ Уфы и прибыла заграницу. Бѣжала заграницу Кенишева, преданная суду по дѣлу Нижегор. Ком. тар. 1 фев. 1903.

Вольноопредѣляющійся Быковъ, судившійся за соціалъ-демократическую пропаганду Иркутскимъ военно-окружнымъ судомъ, приговоренъ къ 13½ годамъ каторги, но судъ постановилъ ходатайствовать о смягченіи приговора.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Двинск. К-ту Бунда. Ваше опроверженіе посылается мѣстной группѣ Партіи и будетъ напечатано вмѣстѣ съ ея отвѣтомъ.

Отчетъ кассы „Коммиссіи по изданіи партійной соціалъ-демократической литературы на армянскомъ и грузинскомъ языкахъ" отъ 16 августа по 1 октября.

Поступило въ Армянскую кассу: Изъ Женевы — 84 фр.; изъ Питера — 133 фр.; пожертв. В. — 50 фр.; взято въ долгъ — 145 фр.; на рефер. Плеханова — 6 фр. 25 с. Итого 418 фр. 25 сант.

Поступило въ Грузинскую кассу: Изъ Фрейбурга — 10 фр.; собр. на рефер. Плеханова — 6 фр. 25 с. Итого 16 фр. 25 с.

Вышло на армянскомъ языкѣ: К. Марксъ и Фр. Энгельсъ „Манифестъ Коммунистической Партіи" — цѣна 80 с.

Печатается: К. Марксъ, „Наемный трудъ и Капиталъ"

Готовится къ печати: К. Каутскій, „Эрфуртская программа"

Адресъ для всякаго рода сношеній съ Центр. Комитетомъ, съ редакціей „Искры" и „Зари" и „Лигой Русской Революціонной Соціалъ-демократіи":

Mr. P. Axelrod, 4, Bd. Pont d'Arvé. Genève (Suisse).

(Просятъ обозначать: „для Ц. К.", „для редакціи", „для Лиги").

Типографія Партіи, Rue de la Coulouvrenière, 27.

БРЕМЕНСКІЙ СЪѢЗДЪ ГЕРМАНСКОЙ СОЦІАЛЬДЕМОКРАТІИ.

На характеръ [illegible] послѣднихъ партейтаговъ — Дрезденскаго и Кёльнскаго — [illegible] заключительныя засѣданія, — сказалось [illegible] германской полиціи, — попытка [illegible] ческой социалъ-демократіи на выборы [illegible] этотъ подъемъ, это [illegible] ченный подъемъ революціонныхъ настроеній [illegible] ему, что ноябрьскія пролетаріи [illegible] сознанія [illegible] и [illegible] ними за правильное выражаетъ, чувство [illegible] ственныя [illegible] заставило социалъ-демократическіе [illegible] интересъ [illegible] выраженіе тѣмъ тенденціямъ въ [illegible] [illegible] [illegible]